

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчаевъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. ДУМА ОБЪ АЛЕКСѢЙ ПОПОВИЧѢ (Посвящается памяти Оеофана Гавриловича Лебединцева). Н. Ѳ. Сумцова	1—20
II. ВОСПОМИНАНІЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 гг. (Продолженіе)	21—51
III. «ПОПОКЪ». Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ Бориса Познанскаго	22—74
IV. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛ- ТАНОВСКАГО (Продолженіе)	75—92
V. АНДРІОЛЛИ и МАТЕЙКО, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта Н. Шугурова	93—106
VI. ЖЕНЩИНЫ ПРИ ЧИГИРИНСКОМЪ ДВОРѢ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА. Д-ра АНТОНІЯ І. Н. М.	107—126
VII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Ученическое со- чиненіе Н. В. Гоголя. В. Науменна. б) Вукъ Сербинъ, пол- ковникъ Переяславскій (1675—1682). А. Стороженка. в) Союзники Наполеона на Волини въ 1812 г. О. Л. Полтав- скій губернской маршалъ С. М. Кочубей. Н. С. Письмо чер- ниговскаго губернатора Андрея Милорадовича въ защиту кiev- скаго протоіерея Леванды (1794 г.). А. А. Объявленіе отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей	127—144
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея 1790—1873. С.-Петербургъ. 1890. 8 д. 314 стр. Ал. Лазаревскій. б) Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ. (Отдѣльн. оттискъ изъ газ. „Южный Край“). Харьковъ 1893. 8. д. 91 стр. А. Л. в) Планъ Кіева, составленный въ 1695 г. Изданіе кievской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1893. В. Щербина. г) Проф. В. К. Надлеръ. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса 1893. В. Я. д) Народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. Н. Шу- гурова	145—212
IX. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) . Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (193—208).	
ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—30

Поступила въ продажѣ книга **А. М. Лазаревскаго**—
Описаніе Старой Малороссіи. Томъ второй. Полкъ нѣжинскій
Кіевъ. 1893. 8° цѣна 3 р. 50 к.

Выписывающіе книгу непосредственно изъ редакціи
„Кіевской Старини“ за пересылку не платятъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено Цензурою Кієвъ 8 Января 1894 г.

ДУМА ОБЪ АЛЕКСѢѢ ПОПОВИЧѢ.

(Посвящается памяти Феофана Гавриловича Лебединцева).!

СОДЕРЖАНІЕ.

Малорусскія думы про Алексія Поповича. — Миѣніе А. А. Потебни. — Параллели болгарская, сербская, шотландская, датскія и скандинавскія. — Южнорусскія легенды у Галатовскаго и Петра Могилы. — Средневѣковыя латинскія сказанія о покаяніи грѣшника на морѣ. — Къ вопросу о происхожденіи думы. — Обзоръ деталей 1) черное море, 2) соколы буревѣстникъ, 3) морская буря, 4) Биларанская земля, 5) Грицько Коломниченко, 6) Алексій Поповичъ, 7) грѣхи Алексія сравнительно съ грѣхами Стацковича, Дуки, Броуль-Робина, Рейнера и друг. 8) жертвоприношеніе крови, 9) отцова-матчина молитва и 10) „на чуль“. Заключеніе.

Думы объ АлексѢѢ ПоповичѢ и бурѣ на Черномъ морѣ извѣстны во многихъ весьма сходныхъ вариантахъ (перечисл. въ „Мысляхъ“ г. *Житецкаго* на стр. 233), и мнѣ приходилось еще слышать ихъ изъ устъ кобзарей въ харьковской губ., причемъ сходство ихъ съ напечат. въ „Историческихъ пѣсняхъ малор. нар.“ г. г. Антоновича и Драгоманова доходило до полного почти тождества. Содержаніе думъ объ АлексѢѢ ПоповичѢ настолько хорошо извѣстно, что нѣтъ надобности здѣсь подробно на немъ останавливаться. Напомнимъ читателю только основные мотивы: „на Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ сидитъ соколъ и квилить. Онъ предчувствуетъ бурю, которая, дѣйствительно, наступаетъ и разноситъ въ разныя стороны казацкія чайки; одну понесло въ бѣло-арапскую землю, другую забило въ Дунайское гирло, а третью крутитъ по срединѣ Чернаго моря. Казацкій старшина предлагаетъ казакамъ каятся въ грѣхахъ; но всѣ казаки за-

молчали, и только одинъ Алексѣй Поповичъ сознается въ тяжкихъ грѣхахъ и предлагаетъ бросить его въ море. Центръ тяжести думы состоитъ въ перечисленіи грѣховъ, и грѣхи во всѣхъ вариантахъ думы почти одни и тѣ же:

Я съ отцемъ и паниматкою прошенія не принимаю,
 Я отца своего и паниматку стремениами въ груди отъ себя отпихаю,
 Старшаго своего брата зневажаю,
 Старшую свою сестру сильно проклинаю,
 ...Кровь христіанскую безвинно проливаю,
 ...Дѣтокъ маленькихъ добрымъ конемъ разбиваю...
 А ще мимо царской громады пробигаю
 За своею гордошею шляпою не здѣймаю...
 А близкихъ сусидовъ хлѣба и соли избавляю...
 Та ще я ихаю мимо церкви, Святого Спаса,
 Шанки не зная, —
 Христа на себе не поклаю.

Буря утихаетъ въ однихъ вариантахъ послѣ того, какъ казаки урѣзали у Алексѣя мизинецъ и пустили въ море его кровь, въ другихъ—вслѣдъ за его поканіемъ, безъ принесенія „святому“ морю жертвы кровью (*pars pro toto*). Алексѣй Поповичъ читаетъ „святое письмо“ и поучаетъ казаковъ о необходимости почитать отца и мать. Нѣкоторые варианты оканчиваются благопожеланіемъ христіанскому народу здоровья и многолѣтія.

Наибольшій интересъ представляетъ невыясненный до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи думы; на немъ здѣсь мы прежде всего остановимся и затѣмъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ деталяхъ думы.

А. А. Потебня во II т. „Объясненій“ стр. 304 замѣтилъ, что „между Олешею, т. е. Александромъ Поповичемъ Ростовскимъ великорусскихъ былинъ и Алексѣемъ Поповичемъ Пирятинскимъ малорусской думы можно усмотрѣть лишь весьма несущественное сходство, не дающее основанія заключать, что малорусская дума представляетъ „передѣлку былиннаго образа“ (ср. Н. Дашкевича, „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и пр. К. 1883, 60—61), или что „южный Алеша Поповичъ доживаетъ свой вѣкъ въ образѣ Олексія Поповича малорусской думы“ (Веселовскій, Ю. р. был. III—XI 279)“. Я вполне раздѣляю это сомнѣніе А. А. Потебни и иду далѣе, отрицая какою-бы то ни было,

хотя бы самую отдаленную связь малорусскихъ думъ объ Алексѣѣ Поповичѣ съ великорусскими былинами объ Алешѣ Поповичѣ. Эти произведенія различны во всѣхъ отношеніяхъ. по мѣсту возникновенія, личности героевъ, частнымъ поэтическимъ мотивамъ. Если ужъ искать родственниковъ малорусскаго Олексія Поповича, то послѣдніе окажутся не въ Великороссіи, а въ Швеціи, Норвегій, Даніи, Англии, Сербіи и Болгаріи. Начнемъ съ болгарской и сербской пѣсенъ, какъ ранѣе отмѣченныхъ въ наукѣ. Указалъ на нихъ А. А. Потебня: „въ слѣдующей болгарской пѣснѣ про Станковича Дуку (Миладиновъ 65 и слѣд.) изъ стихій малор. думы находимъ: бурю на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери, камень ему на шею, заключеніе о непростительности грѣховъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ. Далѣе Потебня привелъ эту пѣсню въ переводѣ на русскій языкъ и, что характерно для самаго Потебни, перевелъ ее стихами:

Разыгралось соленое море:
Сильный вѣтеръ съ четырехъ сторонъ;
Брань воздвиглась высоко до неба,
Ко дуу моря видно и до некла.

Игумень Савва созываетъ монаховъ молиться, чтобы море не потопило всю Святую Ёору съ монастыремъ свѣтлымъ Хиландаромъ. Море еще пуще разыгралось. Тогда игумень Савва и съ нимъ 300 монаховъ идутъ въ келью исповѣдовать больного Станковича Дуку:

Идутъ впередъ (тѣ) триста монаховъ,
А за ними (самъ) Савва игумень;
Вотъ онъ входитъ въ темную келью,
И говоритъ тутъ Савва игумень;
„Сыну мой, Станковичу Дуко!
Скажи, сыну, свои прегрѣшенья:
Боленъ лежишь десятое лѣто,
Излежалъ ты ужъ девять постелей,
А къ постелямъ и девять подушекъ;
Сквозь кости тѣ трава проростала
Изъ травы той люты змѣи лаять..
И говоритъ тутъ Станковичъ Дука:
...„Я скажу тебѣ свои грѣхи (всѣ):
Ни въ чемъ я Богу не былъ грѣшенъ,

Только любилъ три кумы крестовныхъ,
 Только сжегъ я три тыра ягничьихъ,
 ... Подпалилъ я три амбара жита,
 ... Монастырей девять я ограбилъ.

Игуменъ говоритъ, что Богъ проститъ Станковича за эти грѣхи. И говоритъ далѣе Станковичъ Дука:

Обуялъ меня сильный дьяволъ,
 Поднялся я (рано) въ воскресенье,
 Взялъ съ собой коней, соколовъ и хортъ,
 Соколовъ и хортъ и гончихъ,
 И поѣхалъ по лѣсу на ловы.
 На встрѣчу мнѣ мать моя старуха,
 Въ рукахъ несетъ бѣлыя просфоры,
 (Праздновала святого Георгія —
 Такъ несла въ церковь приношенье)...
 И я отвалъ бѣлыя просфоры,
 Раскрошилъ ихъ хортамъ и гончимъ...

Мать прокляла сына, чтобы онъ болѣлъ 9 лѣтъ, излежалъ 9 постелей и 9 подушекъ.

Тутъ схватилъ я свою мать старуху,
 Приподнялъ ее себя повыше
 И ударилъ о черную землю —
 Вотъ какое мое согрѣшеніе!

Игуменъ Савва приказалъ навязать на шею Станковича Дуки камень въ 300 пудовъ и бросить его въ море. Монахи исполнили приказаніе:

А море то Станка не прибрало,
 А море то да вспять побѣжало...

Камень остался на сушѣ и служилъ для людей мѣстомъ сидѣнья.

Кто согрѣшитъ къ матери старухѣ,
 Кто согрѣшитъ предъ сестрой милой,
 Кто согрѣшитъ предъ милымъ родомъ,
 Тому грѣхи во вѣкъ не простятся.
 Кто слушаетъ, буде вамъ всѣмъ веселье
 И отъ Бога доброе здоровье.

Затѣмъ Потребня приводитъ пѣсню о Левѣ Дукадинѣ изъ малоизвѣстнаго сборника черногорскихъ пѣсенъ Чубро Чайковича. Лека боленъ 9 лѣтъ, и уже трава пошла изъ его костей. Мать предлагаетъ ему покаяться въ грѣхахъ. Лека сознается,

что онъ убилъ 5 кумовъ и слюбился съ 5 ихъ женами, затѣмъ убилъ 5 побратимовъ, разграбилъ церковь и разбилъ гробъ, въ которомъ лежали св. Пятница и св. Недѣля; онъ проклинали Леку и осудили его на 9 лѣт. болѣзнь. Когда мать услышала о такихъ преступленіяхъ, она изгнала Леку изъ дома.

Потебня, отмѣчая сходство имени Леки съ Алексѣемъ Поповичемъ, не рѣшается дѣлать окончательнаго вывода. Онъ только замѣчаетъ, что между редакціей, въ коей гибель отъ морской бури грозитъ Святой Горѣ и Хиландарской лаврѣ, и той, какъ въ малорус. думѣ, гдѣ потопаетъ корабль, могутъ быть среднія ступени (ib. 310).

Если болгарскія и сербскія пѣсни, въ родѣ отмѣченныхъ Потебней, и родственны малорусской думѣ, то это очень отдаленное родство источниковъ. Гораздо ближе къ малорусскимъ думамъ подходятъ слѣдующія сѣверно-европейскія баллады:

Въ Шотландіи записана слѣдующая любопытная пѣсня:

It fell upon a Wodensday
 Brown Robyn's men went to sea,
 But they saw neither moon nor sun,
 Nor starlight wi their ee
 We'll cast kevels us among,
 See wha the unhappy man may be,
 The kevel fell on Brown Robyn
 The master—man was he.
 „It js nae wonder“, said Brown Robyn,
 Altho i dinna thrine,
 For wi my mither i had twa bairos
 And wi my sister five.
 But tie me to a plank o wude
 And throw me in the sea,
 And if i sink, ye may bid me sink,
 But if i swim, just lat me bee.
 They' ve tyed him to a plank o wude
 And thrown him in the sea;
 He didna sink, tho they bade him sink,
 He swimd and they bade lat him bee.
 He hadna been into the sea
 An hour but barely three,
 Till by it came Our Blessed Lady
 Her dear young son her wi.
 „Will ye gang to your men again,

Or will ye gang wi me?
 Will ye gang to the high heavens,
 Wi my dear son and me?"
 „J winna gang to my men again,
 For th y would be feared at mee;
 But i wond gang to the high heavens,
 Wi thy doar son and thee“.
 „It's for nae honour ye did to me, Brown Robyn,
 It's for nae guid ye did to mee;
 But a' is for your fair confession
 You' ve made upon the sea“ (*Child* III 18).

Переводъ: Въ четвергъ люди Робинъ Броуна отправились въ море, они не увидѣли ни солнца, ни мѣсяца; и свѣтъ звѣздъ чуждъ былъ ихъ глазамъ. „Мы бросимъ жребій (сказали они) и посмотримъ, кто изъ насъ несчастный“. Жребій палъ на Робинъ Броуна, начальника корабля. „Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказалъ Робинъ, и какая же можетъ быть удача тому, кто съ матерью прижиль 2 и съ сестрой 5 душъ дѣтей. Привяжите меня къ деревянной доскѣ и бросьте меня съ море; если я начну тонуть, вы не троньте меня, если я поплыву, предоставьте меня моей судьбѣ. Они привязали его къ доскѣ и бросили въ море; онъ не тонулъ, хотя они приказывали ему тонуть; онъ поплылъ, и они оставили его. И онъ былъ въ морѣ не часъ, но цѣлыхъ три часа, пока къ нему подошла пресвятая Дѣва Марія и съ Ней ея дорогой Сынъ. „Хочешь ли ты идти обратно къ своимъ людямъ или хочешь пойти со мной? Хочешь ли пойти на высокое небо, гдѣ мой дорогой Сынъ и Я?“ „Я не хочу идти къ моимъ людямъ, потому что они боялись бы меня; но я пошелъ бы на высокое небо, гдѣ Твой дорогой Сынъ и Ты“.—„И это дѣлается не почести ради, но ради твоего прекраснаго (вѣроятно, по искренности) покаянiя, которое ты сдѣлалъ на морѣ“.

Эта шотландская баллада извѣстна всего въ одномъ вариантѣ. Во многихъ вариантахъ баллада эта записана въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, причеиъ одинъ датскій вариантъ извѣстенъ по рукописи 1590 года. За небольшими особенностями двухъ датскихъ вар., содержаніе остальныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: Петръ (имя героя) спрашиваетъ свою кормилицу, отъ какой

смерти онъ умереть. Вы не умрете на постели, ни на полѣ битвы, но берегитесь волнъ. Петръ о волнахъ не заботится. Онъ строитъ превосходный корабль (изъ китоваго уса, золота и пр.) и пускается въ море, забывъ упомянуть объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Годъ, два года идетъ плаваніе по бурному морю, и когда корабль однажды былъ надъ большой глубиной, онъ сталъ (въ иныхъ вар.—остановленъ змѣей, рыбой); бросаютъ жребій для опредѣленія грѣшника; жребій падаетъ на Петра. Онъ приноситъ покаяніе передъ мачтой, имѣвшей видъ креста, въ вар.—передъ весломъ, на которомъ было написано имя Христа. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ сознается, что онъ „церкви и монастыри грабилъ, оскорбилъ много благородныхъ дѣвицъ, совершалъ въ лѣсахъ грабежи и разбои и погубилъ много сыновей крестьянъ. „Петра бросаютъ въ море, и корабль свободно идетъ далѣе. Въ датскомъ вар. XVI в. Петръ, падавъ въ море, крестится, море подъ нимъ обращается въ покрытую травой землю, и Петръ благополучно возвращается на родину (*Child* I. 14).

Малорусскія думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ и въ особенности западно-европейскія родственныя имъ версіи о покаяніи грѣшника на морѣ, если не прямо возникли подъ вліяніемъ средневѣковыхъ сказаній о чудесахъ пресв. Богородицы, то развивались подъ ихъ вліяніемъ и въ прямой отъ нихъ зависимости. На эту тему были легенды въ средневѣковой литературѣ. О чудесномъ спасеніи людей въ морскую бурю Богородицей—*„vere maris stella indicіis evidentissimis comprobatur“*—существуютъ рассказы въ извѣстныхъ западноевропейскихъ сборникахъ легендъ Винценція изъ Бове и Готье де Куанси ¹⁾, причемъ чудесное спасеніе обусловливается здѣсь не раскаяніемъ въ грѣхахъ, а сильной вѣрой въ пресв. Богородицу (*Child* III 13). Раскаяніе въ грѣхахъ—мотивъ народныхъ пѣсенъ. Западно-европейская легенда привилась на Руси и получила здѣсь

¹⁾ *Vinc. de Beauvais* и *Gautier de Coincy*—латинскіе писатели XIII в. Готье († 1226) въ поэмѣ „*Miracles de Notre-Dame*“ пользовался латинской компиляціей *Hugues Farsit* XI в. (*G Paris, Litterat. franç. au moyen âge*, 2-ed., p. 206).

мѣстное развитіе въ приуроченіи къ печерской иконѣ Богоматери. Въ XVII ст. въ Малороссіи пользовалась большой популярностью легенда объ усмирении бури на Черномъ морѣ Богородицей. Легенда эта находится въ „Небѣ Новомъ“ *Галатовскаго* и въ „Запискахъ“ *Петра Могилы*. „Небо“ впервые вышло въ 1665 г. въ Львовѣ на польскомъ и малорусскомъ языкахъ; затѣмъ были еще изданія малорусскія въ 1677 г. въ Черниговѣ и въ 1699 въ Могилевѣ. Въ 26 главѣ „Неба“ находится такое замѣчательное въ историко-литературномъ отношеніи чудо: „Въ 1624 г. запорожскій казакъ Андрей Ляхута, пограбивъ турецкія земли, возвращался моремъ домой. Поднялась страшная буря. Запорожскіе козаки стали молиться Печерской иконѣ Богоматери и архистратигу Михаилу, и буря утихла“. Записки Петра Могилы составлены ранѣе „Неба“, не позже 40-хъ годовъ XVII в., и въ нихъ находится тожественный рассказъ о бурѣ на Черномъ морѣ и спасеніи заступничествомъ пресв. Богородицы казака Андрея Хулака Лагута. „Повѣда намъ единъ отъ воиновъ запорожскихъ, говоритъ Петръ Могила, иже нарицаются козаки, именемъ Андрей Хулакъ Лагута, сынъ Черкаскаго града житель, глаголя, яко по брани турецкой, якъ глаголется хотинская, идохомъ на море, по обычаю своему казацкому, прибытчества ради, въ землю турецкую. Витагу же, се есть старшину, имѣхомъ нѣкоего москвитянина, именемъ Ивашу. Разграбившимъ же намъ многія села и грады, наполнихомъ великій корабль многого прибытчества и начахомъ плыти (уже възращаемъ къ запорогамъ) и въ пучинѣ сущимъ, толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противны, якъ наполнится кораблю воды и якъ нача съ нами утопати; извергохомъ все пребытчество въ море, но ни сие что успѣти възмогохомъ. Узрѣвше же, якъ ужъ погибаемъ, начахомъ со слезами и велиимъ воплемъ молити Бога,—да насъ молитвами пресвятой Богородицы Печарской и св. архистратига Михаила избавить отъ горькія сія смерти, и обѣщавомъ въ обители Матери Его время нѣкое послужити“. Далѣе повѣствуется о появленіи „златовиднаго юноши, его ободряющемъ совѣтъ не бояться и прекращеніи бури (*Архивъ юго-зап. Россіи ч. I т. VII 54—55*).

Подобнаго рода рассказы были весьма популярны въ средне-вѣковой литературѣ. Такъ, въ *Historia Anglorum* Генриха архидіакона Гонтиндонскаго (Huntingdon) ¹⁾ въ 1144 г. отнесено такое событіе: „*Princeps autem peditum suorum, Reinerus nomine, cujus officium fuerat ecclesias frangere vel incendere, dum mare cum uxore sua transiret, ut multi perhibuerunt, navis immobilis facta est. Quod monstrum nautis stupentibus, sorte data rei causam inquirentibus, sors cecidit super Reinerum. Quod cum ille nimirum totis contradiceret nisibus, secundo et tertio sors jacta in eum devenit. Positus igitur in scapha est et uxor ejus et pecunia scelestissime acquisita et statim navis cursu velocissimo ut prius fecerat pelagus sulcat, scapha vero cum nequissimis subita voragine circumducta in aeternum absorpta est* (*Child VIII 463*), т. е. „Нѣкій военачальникъ, по имени Рейнеръ, въ обязанность котораго входило разрушать и жечь церкви, плылъ по морю съ своей женой, и, какъ многіе утверждаютъ, корабль остановился. Изумленные моряки стали искать виновника несчастья, и жребій упалъ на Реймера. Хотя, понятно, онъ всѣми силами противился, но жребій три раза падалъ на него. Тогда положили Реймера, его жену и преступно нажитыя деньги на лодку, и корабль легко помчался по морю, а лодка съ нечестивцами закрутилась въ водоворотъ и была поглощена волнами на вѣки“.

Въ любопытномъ средне-вѣковомъ вариантѣ виновницей бури оказывается женщина: „*Audivi a fratre Galtero de Leus, quod, cum quedam mulier, mare transiens, pulchritudine sua omnes, qui erant in navi, ita attraxisset, ut omnes qui erant ibi fere cum ea pecassent vel per actum aut concensum, et non evitaret patrem aut filium, sed indifferenter omnibus, licet occulte, se exponeret, facta in mari tempestate et navi periclitante, cepit clamare coram omnibus omnia peccata sua et confiteri ea, credens quod alii propter ea deberent periclitari. Tunc, aliis confidentibus, cessavit mare a furore suo. Facta tranquillitate, nullus potuit scire, que esset illa mulier aut cognoscere eam*“ (*Child VIII 463*),

¹⁾ Латинскій писатель XII вѣка.

т. е., я слышалъ отъ брата (монаха) Гальтера де Ле, что однажды женщина на кораблѣ всѣхъ соблазнила своей красотой и со всѣми вошла въ половую связь, не отличая ни отцовъ, ни сыновей; но когда на морѣ поднялась буря, и корабль былъ близокъ къ гибели, она начала откровенно передъ всѣми исповѣдывать свои грѣхи. Когда и другіе стали каяться въ грѣхахъ, буря прекратилась, и потомъ никто не узналъ, что это была за женщина“.

Можно думать, что еще въ глубокой древности у европейскихъ народовъ, имѣвшихъ связи съ моремъ, въ особенности у скандинавовъ, существовали рассказы о томъ, какъ на морѣ остановился корабль, потому что на немъ былъ преступникъ, и какъ потомъ этотъ преступникъ былъ брошенъ въ море, и корабль свободно поплылъ далѣе. Такія сказанія могли быть до принятія христіанства, причемъ дѣйствующимъ лицомъ могъ быть Морской царь, пожелавшій взять съ корабельщиковъ давнѣе или человѣческую жертву, или морской змѣй, а съ христіанской замѣной въ одной болгарской пѣснѣ (у *Миладин*. 56 № 50) св. Николай, задерживающій на морѣ корабль купца до тѣхъ поръ, пока купецъ не пообѣщавъ пожертвовать монастырю грузъ воска и ладана (*Child VIII* 500). Въ средніе вѣка легендарная литература воспользовалась этимъ мотивомъ и ввела его въ число чудесъ пресв. Богородицы *in majorem gloriam Dei*. Въ христіанской легендарной обстановкѣ мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ оказалъ сильное вліяніе на иѣсотворчество народное. Основной мотивъ о покаяніи грѣшника на морѣ у малорусовъ могъ существовать съ давняго времени, какъ прямое слѣдствіе ихъ рысканія по Черному морю еще при первыхъ русскихъ князьяхъ, или могъ быть заимствованъ въ столь же давнее время отъ скандинавскихъ пришлецовъ. Въ началѣ XVII в., въ блестящую эпоху расцвѣта малорусскаго художественнаго творчества, мотивъ о покаяніи на морѣ былъ разработанъ въ превосходную думу, причемъ параллельно шла легендарная его разработка въ приложеніи къ Печерской иконѣ Богоматери. Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ такъ сильно проникнуты религіознымъ духомъ, что возможно предположить вліяніе на нихъ

легендарной поэзіи. Заключение нѣкоторыхъ вариантовъ: Хвалить Бога милосердаго, ни одного казака зъ войска не втерали (*Ант. и Драг. I 189*)—вполнѣ идетъ къ такому чуду, какъ рассказанное митроп. Петромъ Могилой объ Лагутѣ. Въ думахъ, впрочемъ, нигдѣ не говорится объ участіи пресв. Богородицы въ спасеніи казаковъ. Это участіе прямо оговорено въ шотландской балладѣ, которая къ средневѣковымъ легендамъ стоитъ ближе думъ. Въ думахъ вездѣ казаковъ вызволяетъ изъ бѣды Господь милосердный.

На созданіе думы объ Алексѣѣ Поповичѣ затрачена большая художественная сила, и, не смотря на существованіе сходныхъ произведеній у другихъ народовъ, можно сказать, что дума эта глубоко оригинальное и въ высокой степени художественное малорусское произведеніе. Достоинство думы заключается въ разработкѣ деталей, въ искусномъ сочетаніи ихъ и, въ особенности, въ мягкости и гуманности. Думу проникаетъ личная мысль и личное чувство высокаго достоинства, и прежде всего близкое личное знакомство пѣвца съ описываемыми явлениями физическаго и нравственнаго характера. Остановимся теперь на деталяхъ думы:

1) Черное море.

Чернымъ моремъ открывается въ думѣ широкая картина мѣста дѣйствія:

Ей на Чорному морю,
На камени биленькимъ
Тамъ сидѣть сокиль...

Мысль пѣвца идетъ съ берега въ даль моря, гдѣ свирѣпствуетъ буря. Эпитетъ камня „бѣлый“ какъ-бы противопоставляется эпитету моря „черное“, и это противопоставленіе отвѣчаетъ природной дѣйствительности. Мѣстами на берегу Чернаго моря выдаются бѣлые камни, даже громадныя, въ видѣ скаль и такіе камни въ особенности бѣлѣютъ, когда море начинаетъ чернѣть подъ темными тучами. Съ Чернымъ моремъ малоруссы знакомились и лично, въ морскихъ набѣгахъ на Турцію (см. Истор. пѣс. *Ант. и Драг. I 203*), и со словъ бы-

валыхъ воиновъ, паломниковъ и купцовъ. Иногда къ Черному морю прилагалось названіе Синяго моря (подроб. см. въ моей ст. Мѣстн. названія въ украин. нар. словес. въ Кіев. Стар. 1886). Испытанныя на Черномъ морѣ потери вызывали у нашихъ предковъ отрицательное къ нему отношеніе, что выразилось, напр., въ началѣ думы о взятіи казаками Варны.

Клила парица, вельможна пани,
 Чорное море проклинала:
 „Бодай же, море, не процвитало,
 Вячними часи висыхало,
 Та що мого сына единачка
 Единачка у себе взяло! (Ант. и Драв. I 246).

Черное море въ малорусской думѣ обрисовано кратко, но отчетливо и ярко.

2) Соколь — буревѣстникъ.

Соколь ясенькый
 Жалибенько квиле—проквиле
 И на Чорное море спильно поглядае...

Эта черта оригинальная малорусская, т. е. она вставлена малорусскими пѣвцами. Сама по себѣ эта черта (повѣрье въ птицъ буревѣстниковъ) общечеловѣческая и встрѣчается у разныхъ народовъ. Въ сказаніи эскимосовъ Бафиновой земли о Сиднѣ птицы крикомъ поднимаютъ страшную бурю на морѣ (*Рус. Мысль* 1886 I 104). Въ сказкахъ и пѣсняхъ вороны и соколы служатъ символами вѣтра и часто отождествляются съ вѣтромъ, наприм., въ русской сказкѣ о Солнцѣ, Мѣсяцѣ и Воронѣ Вороновичѣ (*Аванас.* I § 49). По малорусскимъ и польскимъ повѣрьямъ игра воронъ предвѣщаетъ бурю (*Чубин.* I 64, *Gustaw.* Въ *Zbiór wiadom.* V 179) Въмѣсто эпитета „ясенькый“ въ другихъ малорусскихъ пѣсняхъ (напр. *Голов.* II 2,68, IV 6) при соколѣ встрѣчается эпитетъ „сивый“. Въ малорусскихъ и въ южнославянскихъ пѣсняхъ соколь часто встрѣчается, и въ колядкахъ играетъ важную роль, о чемъ подроб. см. во II т. „Объясненій“ *Потебни* по указ. на стр. 800.

3) Морская буря.

О морской бурѣ говорится во многихъ сказаніяхъ, легендахъ и пѣсняхъ на тему о покаяніи грѣшника. Въ средневѣковыхъ латинскихъ фактъ бури на морѣ отмѣчается кратко, 2—3 словами, „facta in mari tempestate... cessavit mare a furore suo“; столь же кратко о бурѣ говорится въ южнорусскихъ легендахъ XVII в.: „толикій наста вѣтръ крѣпкій и волны противны“, подробнѣе уже въ пѣсняхъ, по личному знакомству пѣвцовъ съ моремъ. Въ шотландской балладѣ буря характеризуется чертами небеснаго сумрака: не видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Въ болгарской пѣснѣ своеобразное описаніе бури: соленое море разыгралось; вѣтеръ со всѣхъ (4) сторонъ поднялъ волны до неба, обнажилъ дно моря и открылъ даже адъ—грандіозная картина! Малорусская картина бури своеобразна и самостоятельна: „Злоспротивна хвилечка“ посреди моря потопляетъ корабли „на лыхій хуртовни“, „хвилешна хвила уставае—якори зрывае“. Рядомъ съ этимъ есть характеристики бури, близкія къ шотландской (по небеснымъ явленіямъ) и болгарской (по дну моря):

Звизды помрачило,
 Половину мисяця у тьму уступило,
 И все небо тьмою укрыло,
 Та зъ неба *дрибелъ* дощикъ накрапае..
 Що на неби уси звизды потмарило,
 Половину мисяця въ хмары вступило,
 А изъ вызу *буйный* витеръ повивае..
 Половина сонця и мисяця у тьму потьмарило..
 Изъ дна моря *сильна* хвила встае..
 Протывну филь со дна моря знимае..

4) Биларапська земля.

Эта своеобразная подробность старинныхъ украинскихъ географическихъ познаній. Въ одномъ вар. часть кораблей буря заноситъ „въ землю Агарську“, въ 2—въ „Агарянську“, въ большинствѣ варіантовъ въ землю „Орабську“, „Биларапську“. Точка зрѣнія пѣвца—съ русскаго берега, главное вниманіе его сосредоточивается на чайкахъ посреди моря, затѣмъ говорится

что часть кораблей бурей занесло въ Дунайское гирло, а часть въ Арабскую землю, что нужно понимать въ прямомъ значеніи слова, но въ очевидномъ преувеличеніи. Предполагается, что буря вынесла корабли въ Мраморное море и даже далѣе. При существованіи Суэцкаго перешейка они, понятно, не могли попасть въ чисто арабское Красное море; но старые малороссы могли знать арабовъ и ближе, на берегахъ Архипелага. Сиріи и Палестины, куда малороссы часто попадали, какъ плѣнники. Попадали плѣнные малороссы и въ глубь Аравіи, на что есть прямое указаніе въ „Плачѣ невольника“:

Будуть ужасали турки ящчары набигаты

За Червоное море у арабскую землю запродаты (*Ант. и Драг. I 94*).

Въ общемъ широкомъ значеніи выраженіе „Биларапська земля“ означаетъ вообще дальнюю страну. Въ пѣсняхъ южныхъ славянъ часто встрѣчается Арапская земля въ значеніи Сиріи и Аравіи, о чемъ подр. см. у *Халанскаго* въ Рус. Фил. Вѣстн. 1884 г.

5) Грицько Коломниченко.

Въ думѣ упоминается два имени кошеваго атамана Грицька Коломниченка и гетмана запорожскаго Алексѣя Поповича. Грицько Коломниченко—Самуиль Зборовскій изъ галицкой Коломбы, магнатъ и авантюристъ. Будучи банитомъ, Зборовскій бѣжалъ изъ Польши въ запорожье, былъ нѣкоторое время здѣсь кошевымъ и въ послѣдствіи казненъ Стеф. Баторіемъ. Есть извѣстія, что онъ съ казацкой флотиліей плавалъ изъ Днѣпровскаго лимана чрезъ море въ устьѣ Днѣстра; но о бурѣ при этомъ историки не упоминаютъ. Сошелъ онъ съ исторической сцены около 1583 г., (см. *Ант. и Драг. I 202*). Что это былъ за человекъ, въ точности неизвѣстно. Въ думѣ это симпатичная личность, и народный пѣвецъ, видимо, ему сочувствуетъ. Въ одномъ вариан. (*Ант. и Драг. I 182*)—это „батько гетманъ старый запорожскій“, въ другомъ (ib. 177) онъ „по всему війску барзо окличенъ“. Во время бури онъ не теряетъ духа. Обливаясь слезами, онъ проситъ казаковъ исповѣдываться въ грѣхахъ:

...сповидайтесь вы напередъ Богу
Ище и святому морю,
И мени, гетману старому,
Якъ бы отцу духовному....

Въ легендѣ у Петра Могилы предводителемъ казаковъ на морѣ является какой-то москвитянинъ Иваша.

Въ то время какъ въ малорус. думѣ покаяніе приносится передъ кошевымъ, въ болг. пѣс. передъ игуменомъ Саввой, въ серб. передъ матерью, въ скандинав. передъ неодушевленными предметами, съ видомъ креста или съ надписью имени Христова.

6) Олексій Поповичъ.

Личность Олексія Поповича обрисована во всѣхъ вариантахъ одинаково: человекъ грамотный, читающій св. Писаніе и поучающій казаковъ по Писанію. Выдающаяся грамотность указываетъ на происхождение героя думы изъ духовнаго сословія. Легендарный Лагута отвѣчаетъ Алексѣю Поповичу; о покаяніи его во грѣхахъ ничего не говорится. Лагута, повидимому, выведенъ, какъ свидѣтель чуда. Ближе къ Алексѣю Поповичу стоятъ Рейнеръ и Броунъ Робинъ. Казаки не рѣшаются выбросить въ море Алексѣя Поповича, и все дѣло обходится принесеніемъ морю въ даръ нѣсколькихъ капель его крови. Рейнера и Броунъ Робина удаляютъ съ корабля. Вообще, между Олексіемъ Поповичемъ и его боевыми товарищами въ думѣ обнаруживается тѣсная связь. Это не случайный пассажиръ на кораблѣ; это свой человекъ, который готовъ пожертвовать своей преступной головой, чтобы „марно вѣска не терять,“ и казаки не вняли его просьбѣ бросить его въ море съ камнемъ на шеѣ. Олексій говоритъ:

Ей, коваки, паны — молодци,
Добре вы чините —
Самого мене — Олексія Поповича, возьмите,
До моея шии камень биленькій привяжите,
Очи мои козацьки, молодецьки
Червоною китаїкою зашите,
У Чорное море самого мене спустите.

Казаки „тее якъ зачували, словами промовляли, слезами обливали“... И эта подробность оригинальная малорусская, черта товарищеской связи казаковъ идеализированная въ поэзіи.

7) Грѣхи Олексія Поповича.

И въ описаніи грѣховъ Олексія обнаруживается самостоятельность малорусскаго пѣвца, чувство мѣры и нравственная щепетильность. Западные варианты по грѣхамъ грубѣе малорусскихъ: въ болгарскомъ Станковичъ Дука убиваетъ мать, въ шотландскомъ находится намекъ на кровосмѣшеніе, въ малор. дѣло ограничивается или тѣмъ, что Олексій ругаль родителей, или, самое большее, отпихаль ихъ стремениемъ въ грудь при выѣздѣ изъ дома. Впрочемъ, и Олексій не чистъ отъ убійства. Самое тяжкое его преступленіе—что онъ конемъ топталъ дѣтей на улицѣ. Вообще, всѣ грѣхи Олексія повторяются въ западныхъ сказаніяхъ этого разряда. Такъ:

а) оскорбленіе матери (+ сестры) находится въ болгарской и шотландскихъ пѣсняхъ.

б) пренебреженіе(=разграбленіе) церкви въ древнѣйшемъ сказаніи архидіакона Генриха XII в., въ малор. думѣ, въ пѣсняхъ шведскихъ, датскихъ и сербской.

в) убійство дѣтей въ малор. думѣ (конца XVI ст.?) и въ датской пѣснѣ по рукописи 1590 г.

г) оскорбленіе „громады,“ односельчанъ въ малор. думѣ и въ датской пѣснѣ XVI в.

Главнымъ грѣхомъ вездѣ выдѣляется оскорбленіе матери, что въ особенности подробно разработано въ малор. и болгар. пѣсняхъ, въ зависимости отъ высокаго общественнаго положенія матери при старомъ патріархальномъ строѣ семейной жизни. Уваженіе къ матери выразилось во многихъ другихъ малор. думахъ, великор. былинахъ, въ старинныхъ повѣстяхъ и въ пословицахъ.

8) Жертвоприношеніе крови.

Козаки, выслушавъ со слезами исповѣдь Олексія,

. добре дѣлали
Узлы ему назадъ руки извязали
Чернымъ оксамитомъ очи затмили,
То ше такого козага у море пускати пощатили;
На ливій руци мизинаго пальца втинали,

Его кровь у Черное море метали.
 То скоро Черное море кровь христіанску заживало
 То такъ уклало,
 Якъ бы никогда и не грало
 Суденъ козацкихъ не розривало. . . .

Это самая архаичная черта думъ. Мы имѣемъ здѣсь жертвоприношеніе человѣка въ видѣ *pars pro toto*, о чемъ подроб. см. въ Поэт. возвр. *Аванасьева* II 260 и см. Сходные обычаи встрѣчаются у инородцевъ, напр. у осетинъ (*Вс. Миллеръ* II 292) Этотъ мотивъ входитъ въ англійскія и шотландскія баллады объ Аннѣ. Дѣвица, забравъ сокровища родителей, убѣгаетъ на корабль съ милымъ. Поднимается буря. Моряки бросаютъ жребій, кого бросить въ море. Жребій падаетъ на Анну, и ее бросаютъ въ море; волна выбросила тѣло Анны на берегъ, и любовникъ погребаетъ ее. (*Child. The engl. ballads, I № 24*). Сюда примыкаютъ великор. былины о Садкѣ, и мн. др. Въ малорусск. думѣ нѣтъ метанія жребіевъ, чѣмъ дума существенно отличается отъ былинь о Садкѣ, пѣсенъ о Робинѣ, Петрѣ и т. п.

9) Отцева—матчина молитва.

Основная мораль малорусскихъ думъ—прославленіе силы родительской молитвы, и эта мораль прямо выводится изъ Св. Писанія:

Слушайте козаки, панове—молодци,
 Якъ се свате писъмо просвищае,
 На все моленіе укажуе:
 Который чоловікъ
 Отцевську—матчину молитву
 Штять, шануе, поважае
 Того отцевська—матчина молиа
 Зо дна моря вынимае,
 Одъ грихивъ душу одкушае
 До царствія небесного провожае:
 Та отцевська—матчина молитва
 У купецтви и въ реместви,
 И на поли и на мори
 На помичъ прьспивае.

Это прославление отцовской и материнской молитвы красной ниткой проходит через все варианты думы. В языкѣ панегирика мѣстами обнаруживается влияние книжной рѣчи.

10) На чудь.

Въ одномъ вар. (у *Ант. и Др.* I 181) встрѣчается неясное слово „на чудь;“ въ другихъ вар. вмѣсто него „на чердакъ.“ Объясненіе *А. А. Потебни* см. въ сочин. „Къ ист. звук. II 23: чудь—искаженіе слова чердакъ, а чердакъ (встрѣчается въ думахъ и былинахъ)—возвышеніе на галерѣ, съ котораго капитанъ осматривалъ путь и гребцовъ. За исключеніемъ слова „чудь“ лингвистическій составъ думы про Алексѣя Поповича совершенно простой и ясный.

Въ трехъ вариантахъ думы вмѣсто Алексѣя Поповича дѣйствуютъ два брата: они не вызываются броситься въ море; нѣтъ вдѣсь и гетмана. Братья признаютъ поднявшуюся бурю карою за свои грѣхи и пересчитываютъ ихъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ Алексѣй Поповичъ. Они виноваты уже тѣмъ, что пошли въ войско оба, тогда какъ родители позволяли идти только одному, а другому велѣли заниматься дома хлѣбопашествомъ. Далѣе братья сознаются въ грубомъ обращеніи съ матерью, избіеніи дѣтей, пьянствѣ. Покаяніе ихъ возымѣло силу; буря утихла, и братья, вышедши на берегъ, провозгласили ученіе о почитаніи родителей.

Н. И. Костомаровъ въ „Истор. казач. по малорус. пѣсн.“ (стр. 7) обратилъ вниманіе на одну поэтическую подробность, встрѣчающуюся въ двухъ вариантахъ думы (Лукашевича и Вересаея). Здѣсь появляется безродный сирота, безъ органической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы. Онъ промелькаетъ мимоходомъ, но, по замѣчанію *Костомарова*, оставляетъ чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе. Этотъ безродный сирота съ братьями думы ждетъ гибели на морѣ; ему не съ кѣмъ было на

цѣломъ свѣтѣ и проститься во время бѣды. Когда братья пришли на родину, и родители спросили ихъ, хорошо ли было имъ въ пути, тогда они вспомнили о безродномъ ихъ товарищѣ, вспомнили какъ тяжело ему было видѣть смерть, когда не съ кѣмъ было ему проститься. Этотъ „чужой чуженица“ исчезаетъ безслѣдно, и даже не видно, спасся ли онъ разомъ съ двумя братьями, или погибъ въ волнахъ.

Хотя эта подробность о чужестранцѣ изложена въ думѣ съ большимъ гуманнымъ чувствомъ, но она плохо вяжется съ общимъ содержаніемъ думы и представляется лишней, вѣроятно, позднѣйшей амплификаціей.

То обстоятельство, что въ 3 вариантахъ нѣтъ даже имени Олексія Поповича, ясно показываетъ, какъ неважно это имя въ общемъ содержаніи думы и какъ мало можетъ дать это имя для великорусскаго Алеши Поповича. Замѣнили Олексія Поповича двумя братьями, и дума ничего не потеряла отъ того. Вся сила думы въ грѣхахъ и въ покаяніи на морѣ во время бури, и затѣмъ важна еще виѣшняя—природная и внутренняя—нравственная обстановка думы, придающая ей характеръ историческій, національный и религіозно-нравственный. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ короче и точнѣе можетъ быть озаглавлена: дума о покаяніи на морѣ.

Думы объ Алексѣѣ Поповичѣ начинаются широкой картиной Чернаго моря и бури на немъ и оканчиваются не менѣе широкой картиной—но уже изъ другого міра—міра христіанскаго, восхваленіемъ силы родительскаго благословенія и добрыми пожеланіями народу христіанскому.

Всѣ части въ думѣ соразмѣрены. Лишь одинъ мотивъ, какъ главный „отцева матчина“ молитва, выдвигается нѣсколько впередъ, не нарушая внутренней цѣльности думы, лишь придавая ей высокое нравственное и гуманитарное значеніе. Трудно сказать, что болѣе привлекаетъ въ этой думѣ—общественная ли жилка, уваженіе пѣвца къ запорожскому товариству и всему народу малорусскому, или высоко поставленныя требованія семейной добродѣтели, или, наконецъ, сила и искренность воодушевленія

народнаго поэта, ярко просвѣчивающія во всемъ строѣ рѣчи, въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ и въ эпитетахъ. Въ ряду европейскихъ пѣсенъ о покаяніи грѣшника на морѣ малорусская дума занимаетъ почетное мѣсто, по полнотѣ содержанія и ясности всѣхъ главныхъ мотивовъ.

Н. О. Сумцовъ

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

ХІІ.

Прибытіе въ Черниговъ. Видъ семинаріи. Архіереі Лаврентій и Владиміръ

Въ Черниговъ мы прибыли 4 сентября 1823 года. Въѣхавши на семинарскій дворъ, мы остановились противъ квартиры инспектора и въ дорожныхъ костюмахъ вошли къ нему. Это былъ игумень козелецкаго монастыря Филасьевъ Пузина, бывшій студентъ перваго выпуска петербургской духовной академіи. Онъ принялъ насъ весьма любезно. Вскорѣ пришелъ къ нему и учитель семинаріи Шахаревскій, тоже бывшій студентъ четвертаго выпуска академіи.

Затѣмъ явился въ инспекторскую квартиру экономъ семинаріи, священникъ Александръ Кирилловичъ Огіевскій, обучавшійся въ старой кievской академіи до ея преобразования, бывшій потомъ префектомъ черниговской семинаріи и учителемъ словесности до назначенія Охотина на его мѣсто профессоромъ по этому предмету. Въ тотъ же день мы явились въ Елецкій монастырь къ ректору семинаріи архимандриту Иерониму, который тогда же представилъ насъ архіерею Лаврентію. Получивъ отъ послѣдняго архимонастырское благословеніе, мы на другой день были введены въ классы, и началась наша служба.

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 12.

Прежде нежели я буду говорить о моей 13-ти лѣтней преподавательской службѣ и жизни въ Черниговѣ, я хочу изложить мои воспоминанія о томъ, въ какомъ состояніи въ этотъ періодъ времени представлялись мнѣ городъ Черниговъ и его семинарія; какія въ ней были тогда начальствующія лица и преподаватели; какіе въ ней практиковались порядки и каково было ученіе семинаристовъ.

Когда мы подъѣзжали къ Чернигову, онъ издала показался намъ порядочнымъ городомъ; но когда мы вѣхали въ самый городъ, намъ представилось какое то углубленіе въ видѣ луга, по которому протекалъ ничтожный ручеекъ, называемый Стрыжень, и надъ этимъ Стрыжнемъ возвышался плохой мостъ. За мостомъ начинается подъемъ, съ довольно широкими улицами, обставленными одноэтажными некрасивыми домами. Самая городская площадь не отличалась благоустройствомъ, а такъ называемый бульваръ былъ усыпанъ глубокимъ пескомъ и обсаженъ тощими, маленькими деревцами. Долго мы не могли привыкнуть къ непривлекательному Чернигову и часто, выходя за городъ, съ кургановъ тоскливо смотрѣли на петербургскій трактъ, по которому мнѣ сильно хотѣлось возвратиться въ незабвенный для меня Петербургъ, а Охотину въ свой родной Нижній-Новгородъ.

Мѣстность, на которой расположена семинарская усадьба, очень обширна. На первомъ плацѣ, въ самой серединѣ ограды стоитъ каменное зданіе съ крестомъ на крышѣ,—это семинарская церковь, устроенная архіепископомъ черниговскимъ Михаломъ, впоследствии митрополитомъ петербургскимъ, можетъ быть, въ честь его ангела черниговскаго князя Михаила. Церковь занимала не всю внутренность этого зданія. На верхнемъ этажѣ, простиравшемся тогда и надъ церковью, помѣщалась обширная семинарская бібліотека, наиболѣе обогатившаяся, когда, по опредѣленію св. синода, сюда передана была богатая бібліотека Варлаама, бывшаго могилевскаго архіепископа, лишеннаго этого сана и умершаго въ званіи простого монаха въ новгородъ-сѣверскомъ монастырѣ, откуда книги его присланы въ Черниговъ въ 27-ми большихъ сундукахъ. При вѣздѣ чрезъ каменные ворота на обширный семинарскій дворъ, направо, стояло

двухъ-этажное зданіе, половину котораго во всю его вышину занимала торжественная зала, а въ другой половинѣ въ верхнемъ этажѣ находилось семинарское правленіе и одна учительская квартира, въ нижнемъ же была квартира инспектора. Далѣе по той же линіи въ нѣкоторомъ разстояніи стояло трехъ-этажное зданіе, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщалось уѣздное духовное училище, въ среднемъ три класса семинаріи для высшаго, средняго и низшаго отдѣленія, а нижній этажъ занимали обширные погреба; говорили, что этотъ домъ принадлежалъ знаменитому Павлу Полюботку, только при немъ онъ былъ двухъ-этажный, а третій этажъ надстроенъ уже тогда, когда онъ сталъ собственностью семинаріи. Далѣе по той-же линіи въ нѣкоторомъ разстояніи стояло двухъ-этажное деревянное зданіе, въ которомъ помѣщалась бурса для казеннокошныхъ учениковъ, и при ней ихъ столовая, кухни и служительская комната. За семинарскими зданіями находился большой садъ, а отъ коридора инспекторской квартиры проложена была дорожка черезъ особенный садикъ къ большому деревянному съ высокою крышею зданію. Этотъ садикъ мы называли Филадельфіею, по имени инспектора Филадельфа, который насадилъ его и украсилъ цвѣтниками. Садикъ велъ къ сказанному большому деревянному зданію, названному нами ковчегомъ, по причинѣ разныхъ въ немъ помѣщеній, въ которыхъ находились и наши квартиры.

Во время моего пребыванія въ Черниговѣ въ немъ были архіереи Лаврентій и Владиміръ.

Лаврентій обучался въ старой московской академіи и былъ учителемъ въ тамошней Троицкой семинаріи въ одно время съ знаменитымъ впоследствии Филаретомъ, о необыкновенныхъ дарованіяхъ котораго онъ намъ много говорилъ. Однажды онъ спросилъ меня, читалъ ли я проповѣдь Филарета объ одеждѣ. Я отвѣчалъ, что не только читалъ, но и переписалъ, какъ помѣщенную въ образцовыхъ сочиненіяхъ. „А гдѣ она была говорена?“ спросилъ Лаврентій. Я отвѣчалъ, что объ этомъ не напечатано. Лаврентій сказалъ: „проповѣдь Филарета объ одеждѣ не изъ числа архіерейскихъ поученій, а сочинена и сказана имъ была въ Сергіевской Лаврѣ тогда, когда онъ былъ молодымъ

учителемъ, не будучи монахомъ, и что проповѣдь была изъ числа полтинниковыхъ, такъ какъ митрополитъ Платонъ за каждую сказанную Филаретомъ въ Лаврѣ проповѣдь велѣлъ лаврскому ризничему выдавать ему по полтинѣ серебра. Впрочемъ, отдавая должное Филарету, Лаврентій, какъ воспитанникъ старой академіи, вполнѣ раздѣлялъ нерасположеніе къ нему старообразованныхъ архіереевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неблаговоленіе къ магистрамъ и кандидатамъ академіи, на которую Филареть имѣлъ огромное вліяніе. Это нерасположеніе свое онъ выказалъ въ притѣсненіи учителя Пахаревскаго. Пахаревскій во время обученія своего въ академіи и въ продолженіе службы своей въ семинаріи отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и тридцати лѣтъ по собственному желанію безъ всякихъ постороннихъ совѣтовъ поступилъ въ монахи.

Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіакона, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; въ продолженіе этого времени Пахаревскій долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими его учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской церкви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія, послѣдній бранилъ его, называя медвѣдемъ, за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій Пахаревскій сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отчего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ? Епархіальная администрація при Лаврентіи зависѣла отъ консисторіи, или, лучше сказать, отъ всеильнаго ея секретаря Васиневскаго, который нажилъ себѣ въ этой должности порядочное состояніе, прибрѣлъ земли и крестьянъ. Говорили тогда, что онъ имѣлъ секретную лавку, въ которой продавались подарки и приношенія искателей его милости. Не мало также способствовалъ къ полученію священническихъ приходовъ и докладчикъ Лаврентія Могилянскій. Невѣроятнымъ покажется, но фактически вѣрно то, что келейнику архіерейскому, стоявшему въ роли лакея на заняткахъ его ка-

реты, не разъ предоставлялись лучшія священническія мѣста, которыя онъ продавалъ искавшимъ ихъ. Отсюда происходило то, что богатые дьячки получали лучшіе священническіе приходы, тогда какъ кончившіе семинарскій курсъ, долго ожидали приходовъ и получали худшіе изъ нихъ. Такіе безпорядки, явно совершаемые и извѣстные всей епархіи, не могли не доходить до св. синода, но они продолжались до тѣхъ поръ, пока Лаврентій, чувствуя слабость своихъ силъ и затрудняясь въ отправленіи богослуженія, не попросился на покой и удалился въ Переяславль-Залѣскій.

На мѣсто Лаврентія переведенъ былъ изъ Курска архіепископъ Владиміръ, бывшій во время моего обученія въ академіи викаріемъ въ Петербургѣ послѣ Филарета. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ сказалъ Владиміру на аудіенціи, что назначилъ его въ Черниговъ для исправленія тамошней епархіи—и онъ дѣйствительно ее исправилъ. Владиміръ прибылъ въ Черниговъ во время первой холеры. Въ 25-ти верстахъ отъ Чернигова въ селѣ Седневѣ онъ ночевалъ и оттуда прислалъ увѣдомленіе, что на другой день въ праздникъ Троицы прибудетъ прямо въ соборъ для совершенія литургіи. Рано утромъ множество народа собралось въ соборной оградѣ; духовенство съ хоругвями ожидало пріѣзда новаго архіерея. Когда карета его остановилась передъ воротами, и когда онъ вошелъ въ ограду, величественный и властный видъ его показывалъ уже сморгнѣвшимъ на него, что этотъ новый архіепископъ подниметъ епархію. Ректоръ семинаріи Афанасій встрѣтилъ его рѣчью, въ которой прямо сказалъ, что духовные наставники и учащіеся устремляютъ къ нему свои надежды на его къ нимъ благоволеніе. Поцѣловавъ крестъ и облекшись въ мантию, онъ съ посохомъ въ рукахъ вошелъ въ соборъ и, приложившись къ намѣстнымъ иконамъ, обратился къ народу и съ амвона симпатичнымъ своимъ голосомъ произнесъ краткую, но прекрасную рѣчь, которая, какъ мнѣ помнится, начиналась такъ: „Миръ вамъ! Въ ту минуту, когда я привѣтствую васъ миромъ Христовымъ, сердце мое волнуется двумя противоположными чувствами: скорбію о разлукѣ съ любезною мнѣ курскою паствою

и радостію свиданія съ тобою новая паства моя, пастыреначальникомъ мнѣ указанная“! Литургію онъ совершилъ весьма торжественно. По окончаніи ея, благословивъ молившійся народъ, онъ отправился въ свою резиденцію въ Троицкій монастырь, куда вслѣдъ за нимъ прибыли и многія должностныя лица. Всѣ остались довольны новымъ владыкой. Первымъ дѣломъ административныхъ его распоряженій было увольненіе секретари консисторіи Васиневскаго и всѣхъ близкихъ къ Лаврентію въ домѣ лицъ.

Всѣ служащіе при Владимірѣ встрепенулись и все пошло порядкомъ. Принявшись за дѣла по консисторіи, онъ всѣ дѣла ея самъ пересматривалъ, все рѣшалъ съ строгою правдивостью и безпристрастіемъ. Думали было, что жившій въ архіерейскомъ домѣ архимандритъ Петръ пользуется его довѣріемъ и снисходительностью, но это мнѣніе вскорѣ оказалось ошибочнымъ. Владиміръ не имѣлъ любимцевъ и ко всѣмъ относился съ одинаковою взыскательностію.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда въ одинъ праздникъ, послѣ сказанной мною проповѣди въ Троицкомъ монастырѣ, я былъ приглашенъ къ архіерейскому столу, за которымъ тогда находились немногія изъ духовныхъ лицъ. Владиміръ въ присутствіи архимандрита Петра, бывшаго членомъ консисторіи, серьезно началъ говорить, что близкіе къ нему люди не исполняютъ въ точности своихъ обязанностей въ консисторіи и въ то-же время желаютъ быть представленными къ наградѣ, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ, пока не удостовѣрится въ ихъ достоинствахъ. Архимандритъ Петръ понялъ этотъ горькій намекъ и заплакалъ. Обозрѣвая епархію, Владиміръ посѣтилъ такіе приходы, въ которыхъ предшественники его совсѣмъ не бывали. Возвратившись въ Черниговъ, онъ напечаталъ и разослалъ по епархіи циркуляръ, въ которомъ на одной сторонѣ листа сказано было, какъ до него въ епархіи что дѣлалось, а на другой, какъ должно дѣлаться.

Изъ разсказовъ его о посѣщеніи приходовъ, я помню между прочимъ, что священникъ села Блистовы крелевецкаго

уѣзда, никогда не выдавшій архіереевъ въ своемъ приходѣ, думалъ, что и Владиміръ туда не заѣдетъ, и потому не готовился къ его встрѣчѣ; вдругъ неожиданно для него подъѣхала архіерейская карета, и Владиміръ, выйдя изъ нея, направился къ церкви, приказавъ собрать причтъ въ храмъ. По осмотрѣ храма онъ потребовалъ метрическую книгу и, смотря въ нее, спросилъ дьячка—сколько въ послѣдніе мѣсяцы было рожденных и крещеныхъ и кто ихъ родители. Когда дьячекъ пересчиталъ ему всѣхъ требуемыхъ лицъ, тогда Владиміръ, обратился къ священнику и спросилъ его: „почему же ты не вписалъ въ метрическую книгу этихъ лицъ?“ Оробѣвшій священникъ упалъ на колѣни и отвѣтилъ, что онъ забылъ вписать ихъ въ свое время, но непременно впишетъ послѣ: „а если бы ты вдругъ умеръ, то какое затрудненіе представилось бы въ полученіи метрическихъ свидѣтельствъ для тѣхъ, кому они понадобились-бы?“ Священникъ заплакалъ и сказалъ: „Владыко святой! я ще не хочу вмерты; въ мене е жонка и диты“. Владиміръ усмѣхнулся и сказалъ: „теперь я небрежность твою прощаю, а если ты и впредь такъ-же будешь забывать своевременно записывать новорожденных и крещеныхъ въ метрическую книгу, то я запрячу тебя въ монастырь“. Однажды, въ день св. Георгія Побѣдоносца Владиміръ ѣхалъ въ предмѣстіе Бобровицу совершать въ тамошней церкви богослуженіе по случаю храмоваго тамъ праздника. На Красномъ мосту жандармъ верхомъ нагналъ архіерейскую карету и объявилъ Владиміру, что жандармскій генераль Руппертъ проситъ его пожаловать въ соборъ. Владиміръ, велѣлъ кучеру воротиться назадъ и, подъѣхавши къ соборной оградѣ, пошелъ къ церковнымъ дверямъ, гдѣ Руппертъ встрѣтилъ его такими словами: „сегодня высокаторжественный день, архіерей долженъ служить въ соборѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „я знаю, что сегодня высокаторжественный день, знаю и то, что долгъ мой велитъ мнѣ служить въ церкви, гдѣ сегодня храмовой праздникъ; тамъ я отправляю литургію и царскій молебенъ, а въ соборѣ осталось духовенство, которое совершитъ въ немъ то и другое“. Сказавъ это, Владиміръ сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Твердый въ своемъ образѣ мыслей, Владиміръ не измѣнилъ своихъ

отношеній къ князю Рѣппину, и послѣ того какъ тотъ подвергся опалѣ и былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, въ которой онъ прослужилъ 18 лѣтъ.

Въ какой-то праздничный день, въ который Рѣппинъ уѣзжалъ изъ Чернигова, Владиміръ въ присутствіи его, отслуживъ въ соборѣ литургію и напутственный молебень, благословилъ его иконою и что-то тихо ему сказалъ. Рѣппинъ упалъ предъ иконою на колѣни и заплакалъ; Владиміръ также прослезился. Всѣ присутствовавшіе тогда въ соборѣ тронуты были этимъ умиленнымъ прощаніемъ. Въ тотъ-же день Владиміръ присутствовалъ и на обѣдѣ, данномъ овалному Рѣппину отъ черниговскаго дворянства, гдѣ опять всѣ присутствующіе трогательно прощались съ княземъ Рѣппинимъ, котораго всѣ любили. Исполняя въ точности свой архипастырскій долгъ, Владиміръ не былъ равнодушенъ, если въ постороннихъ вѣдомствахъ нарушалось что нибудь, относящееся къ его наблюденію.

Такъ, узнавъ, что вновь прибывшій инспекторъ черниговской гимназіи, нѣмецъ, внушаетъ ученикамъ ея мысли противныя православію, Владиміръ потребовалъ къ себѣ законоучителя гимназіи протоіерея Шишова и строго замѣтилъ ему, что онъ долженъ былъ протестовать ближайшему начальству о такихъ внушеніяхъ инспектора, и если-бы протестъ его былъ безуспѣшенъ, то онъ обязанъ былъ донести своему архипастырю, и что если и впредь онъ будетъ такъ небреженъ въ исполненіи своего долга, то будетъ отставленъ отъ должности законоучителя.

При Владимірѣ въ Черниговѣ приводился въ исполненіе строгій указъ императора Николая Павловича о томъ, чтобы въ наискорѣйшемъ времени были рѣшены дѣла о такихъ преступленіяхъ священно-и церковно-служителей, за которыя они должны быть исключены изъ духовнаго званія, и если такія лица окажутся неисправимыми, то всѣхъ ихъ отдавать въ военную службу. Когда нѣкоторыя лица въ присутствіи Владиміра порицали этотъ указъ, называя его чрезмѣрно строгимъ, то онъ въ оправданіе его указалъ на нѣсколько случаевъ такихъ преступленій духовныхъ лицъ въ курской епархіи, которыя возбу-

дили въ его слушателяхъ изумленіе. Въ томъ-же указѣ о преступленіяхъ духовныхъ лицъ повелѣвалось отдавать въ солдаты тѣхъ молодыхъ людей, которые, бывъ исключены изъ семинаріи, нигдѣ не служили. Въ это число попалъ одинъ молодой человѣкъ Володченко, который по моей рекомендаціи приглашенъ былъ въ домъ губернатора для обученія дѣтей его чистописанію. Въ одинъ воскресный день Володченко является ко мнѣ, падаетъ на колѣни и, заливаясь слезами, говоритъ, что на другой день онъ долженъ явиться въ губернское правленіе для зачисленія въ солдаты. Медлить было некогда. Я тотчасъ пошелъ къ губернатору, но къ несчастію онъ лежалъ тогда въ постели въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Жена его передала ему мой рассказъ о Володченкѣ и принесла мнѣ отвѣтъ, что мужъ ея, когда окончится пароксизмъ, немедленно поѣдетъ къ архіерею, что онъ въ тотъ же день и исполнилъ. На ходатайство губернатора о Володченкѣ, Владиміръ отвѣчалъ, что освободить послѣдняго отъ солдатства значило-бы поступить противъ Высочайшаго повелѣнія, на что онъ никакъ не рѣшится. „Если такъ,—сказалъ губернаторъ,—то сдѣлайте по просьбѣ моей то, что я сдѣлалъ по вашей объ освобожденіи отъ военной повинности бывшаго вашего духовника, подвергшагося такому-же наказанію“. Владиміръ задумался и сказалъ: „ну, нечего дѣлать, приходится и мнѣ для васъ преступить законъ, какъ вы нарушили его для меня!“ Въ тотъ-же день Володченко вычеркнутъ былъ изъ роковаго для него списка. Впослѣдствіи времени онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію и вышелъ оттуда лѣкаремъ.

Владиміръ, хотя самъ обучался до преобразованія духовныхъ училищъ, но сочувствовалъ ихъ преобразованію и всегда къ намъ благоволилъ. Когда въ храмовой праздникъ Троицаго монастыря онъ давалъ парадный обѣдъ, то приглашалъ къ нему всѣхъ наставниковъ нашей семинаріи и всѣхъ учителей уѣзднаго духовнаго училища. Однажды въ такой день, когда за обѣдомъ его были: генераль-губернаторъ, губернаторъ и многіе другіе въ городѣ чинovníки, были и мы всѣ. Во время обѣда прекрасный архіерейскій хоръ исполнялъ духовные концерты. Когда всѣ го-

сти разошлись, Владиміръ насъ не отпустилъ, а сказалъ: „я пойду немножко отдохнуть, а вы, господа, погуляйте въ моемъ саду, чтобы вмѣстѣ пить чай.—Онъ любезно бесѣдовалъ съ нами и отпустилъ уже поздно вечеромъ. Ну можно-ли было намъ не любить такого архіерея! Послѣ моего выбытія изъ семинаріи Владиміръ переведенъ былъ въ Казанскую епархію, считавшуюся тогда первою архіепископіею въ Россіи. Такое повышеніе и полученный имъ въ Казани орденъ Вадиміра 1-й степени и брилліантовый крестъ на влобукъ предвѣщали ему санъ митрополита, но Владиміръ попросился на покой въ свяжскій монастырь казанской губерніи, гдѣ и скончался. Говорили, что онъ былъ оскорбленъ строгимъ выговоромъ Императора Николая за то, что когда въ архіерейскомъ его подворьѣ былъ убитъ монахъ,—жандармскій полковникъ донесеніемъ своимъ о томъ предупредилъ Владиміра. Невѣроятно, чтобы Владиміръ, любившій свою епархію и дѣятельность, по этой только причинѣ оставилъ службу. Были, конечно, болѣе побудительныя причины, которыхъ вѣрнѣе искать въ отношеніяхъ его къ Нечаеву, или къ заступившему его мѣсто графу Протасову, бывшихъ тогда одинъ послѣ другаго синодальными оберъ-прокурорами.

ХІІІ.

Семинарское Правленіе.

Главнымъ начальникомъ семинаріи былъ архіерей. Онъ наблюдалъ за сохраненіемъ въ ней должнаго порядка и за точнымъ исполненіемъ устава духовно-учебныхъ заведеній, присматривалъ и утверждалъ протоколы засѣданій правленія, часто получалъ доклады о состояніи семинаріи, аттестовалъ начальниковъ и всѣхъ преподавателей семинаріи въ ихъ послужныхъ спискахъ, но не имѣлъ права, какъ въ давнія времена, выгонять по своему произволу изъ семинаріи учителей, а семина-

ристовъ отдавать въ солдаты. Въ наше время черниговская семинарія управлялась существовавшимъ тогда семинарскимъ правленіемъ подъ наблюденіемъ архіерея. Членами этого правленія были: ректоръ, инспекторъ, экономя семинаріи и членъ по учебной части, избираемый изъ преподавателей; этимъ членомъ былъ я. При правленіи была канцелярія, состоявшая изъ секретаря, избираемого также изъ преподавателей, и писца, назначаемого изъ семинаристовъ; тотъ и другой получали жалованіе, которое членамъ правленія, кромѣ эконома, не давалось. Обязанностью семинарскаго правленія было наблюденіе за всею хозяйственною и нравственно-учебною частью; оно избирало изъ окончившихъ курсъ лучшихъ учениковъ для отправленія въ духовную академію; въ случаѣ если присылаемые ученики на приѣмномъ испытаніи въ академіи оказывались недостойными приѣма, то отсылались обратно на счетъ семинарскаго правленія, чего въ мое время никогда не случалось. Ректоръ семинаріи, какъ начальникъ ея, обращалъ свой надзоръ на всѣ части управленія, въ особенности на часть учебную, посѣщалъ классы, давалъ преподавателямъ совѣты, а иногда дѣлалъ имъ и замѣчанія, только не при ученикахъ. Инспекторъ завѣдывалъ нравственною частью. Онъ въ субботу вечеромъ каждой недѣли доносилъ архіерею о состояніи семинаріи. Семинарія состояла изъ трехъ отдѣленій: высшаго, средняго и низшаго, или изъ классовъ—богословскаго, философскаго и риторическаго. Въ каждомъ классѣ ученики находились по два года, по истеченіи которыхъ успѣшные переводились въ слѣдующее отдѣленіе а неуспѣшные оставались въ томъ-же отдѣленіи, совсѣмъ безуспѣшные исключались изъ семинаріи. Преподававшіеся предметы въ семинаріи были: богословіе, философія, риторика или словесность, математика (алгебра, ариметика и геометрія), церковная исторія, гражданская всеобщая исторія и языки: еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій. Латинскій языкъ особо въ семинаріи не преподавался; онъ грамматически изучаемъ былъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ; ученики семинаріи писали уже на латинскомъ языкѣ задачи и сочиненія. Ректоръ преподавалъ только богословіе, а инспекторъ философію и за это преподава-

ніе они получали по 600 руб. ассигнаціями въ годъ; такое жалованіе выдавалось и всѣмъ прочимъ преподавателямъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли ученые академическія степени и дали обѣтъ поступить въ духовное званіе, ежегодно выдавался окладъ магистрамъ по 350 руб. ассигнаціями, а кандидатамъ по 250 руб. Первые назывались профессорами, а послѣдніе учителями. Всѣ учащіе въ семинаріи, кромѣ ректора и инспектора, обязаны были преподавать по два предмета за одно сказанное жалованье. Когда же по какому нибудь случаю имъ поручено было преподавать еще третій предметъ или давалось какое нибудь особое порученіе, то денежное вознагражденіе назначалось не отъ семинаріи, а отъ комиссіи духовныхъ училищъ, когда присылаемые изъ академіи въ семинарію ревизоры въ отчетахъ своихъ дѣлали похвальные отзывы объ успѣшныхъ ихъ занятіяхъ, заслуживающихъ награды.

Въ семинаріи экзамены производились частные и публичные; частные бывали два раза въ годъ: передъ праздникомъ Р. Хр. и предъ лѣтними каникулами подъ предсѣдательствомъ ректора и въ присутствіи преподавателей, которые имѣли право дѣлать свои оцѣнки и возраженія по разсмотрѣніи сочиненій. Публичные экзамены или торжественные акты бывали по окончаніи богословскаго курса подъ предсѣдательствомъ архіерея и въ присутствіи важнѣйшихъ въ городѣ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Актъ начинался пѣніемъ молитвы и послѣ нея семинарскій хоръ исполнялъ духовный концертъ на хорахъ залы, во время исполненія котораго посѣтителемъ раздавались программы акта, а ректоръ подносилъ архіерею, кромѣ программы, и списокъ учениковъ. На актѣ читались только *избранныя отдѣленія* изъ предметовъ ученія. Въ концѣ акта *лучшій изъ* учениковъ богословія читалъ на кафедрѣ свое большое сочиненіе. Актъ оканчивался пѣніемъ молитвы. Ученики семинаріи въ спискахъ раздѣлялись на три разряда: кончившіе богословскій курсъ въ первомъ разрядѣ получали названіе студентовъ съ правомъ на XIV классъ гражданской службы. Такъ какъ семинарія имѣла свою церковь, то всѣ безъ исключенія ученики ея

должны были приходять туда для слушанія богослуженія. Въ семинаріи былъ хоръ, который называли ректорскимъ, потому что этотъ хоръ ходилъ пѣть въ Елецкій монастырь, настоятелемъ котораго всегда былъ ректоръ. Семинарскій хоръ, въ которомъ и я, любя церковное пѣніе, участвовалъ, обижаемъ былъ регентомъ архіерейскаго хора, выбиравшимъ у насъ мальчиковъ съ лучшими голосами; выбранные оставались въ архіерейскомъ домѣ и содержались на счетъ этого дома; тамъ-же они обучаемы были для поступленія въ семинарію, куда принимали ихъ по экзамену, весьма снисходительному, и потому поступавшіе изъ архіерейскаго хора ученики рѣдко оканчивали курсъ съ надлежащимъ успѣхомъ.

При семинаріи для казенно-кошныхъ учениковъ была баня и больница, которую посѣщаль городской врачъ, и при которой находился въ видѣ фельдшера ученикъ высшаго или средняго отдѣленія и особый служитель. Въ мое время давались еще семинаристамъ, такъ называемыя, рекреаціи или свободные дни въ маѣ мѣсяцѣ. Въ эти дни обыкновенно семинаристы рано утромъ толпою шли въ Елецкій монастырь и подъ окнами ректора громко кричали: *rogamus!* Ректоръ медлилъ выходить къ нимъ, но послѣ этого продолжительнаго крика являлся и по предварительному соглашенію съ преподавателями разрѣшалъ рекреацію подъ условіемъ, чтобы они на другой день исправны были въ классахъ. Вся семинарія съ ректоромъ, инспекторомъ и преподавателями отправлялась за городъ въ находившійся вгѣ города въ 4-хъ верстахъ лѣсокъ, называемый Еловщиною. Поздно вечеромъ, а иногда и ночью, вся эта компанія возвращалась въ Черниговъ съ пѣніемъ. Говорили, что въ старину пріѣзжалъ на рекреацію и самъ архіерей. Когда разгулявшіеся семинаристы кричали передъ нимъ: *rogamus*, онъ разрѣшалъ имъ рекреацію и на другой день. Черниговскіе жители относились къ семинаріи благопріятно. Такъ какъ гимназіи тогда еще не были преобразованы, то многіе родители изъ свѣтскаго званія отдавали своихъ дѣтей въ семинарію, откуда послѣдніе поступали большею частію въ медицинскую академію. Черниговскіе чиновники приглашали семинаристовъ въ свои дома для обученія дѣ-

тей. Въ черниговской семинаріи успѣхи учениковъ, говоря вообще, были хороши, и поведеніе ихъ было похвально; послушаніе ихъ начальству было безусловное; преподавателей своихъ они уважали, особенно магистровъ академіи.

Семинарія эта въ сравненіи съ Невскою семинаріею мнѣ представлялась лучшею и по устройству зданія, и по содержанію относительно пищи и одежды. Изъ учениковъ черниговской семинаріи, въ мое время поступившихъ въ академію, вышли: Иванъ Рялицкій первый магистръ, оставленный бакалавромъ при академіи, Миткевичъ, бывшій впослѣдствіи калужскимъ архіепископомъ. Поступившіе изъ семинаріи въ главный педагогическій институтъ, по окончаніи въ немъ курса, посланы были за границу и потомъ были профессорами: извѣстный Лешковъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету и Лукьяновичъ въ харьковскомъ университетѣ по латинской литературѣ. Въ медицинскую академію ученики черниговской семинаріи издавна поступали въ большомъ количествѣ; изъ нихъ были: профессоръ анатоміи Загорскій, написавшій первое руководство по анатоміи, и знаменитый въ свое время операторъ Буяльскій. Въ мое время изъ учениковъ черниговской семинаріи были: профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій, славившійся своею практикою въ Петербургѣ, и Леонтій Рялицкій, бывшій главнымъ докторомъ въ Варшавскомъ госпиталѣ.

XIV.

Ректоръ семинаріи Геронимъ.—Братъ мой Николай.—Инспекторъ Филadelphъ.—Побѣда въ Кіевѣ.—Скворцовъ.—Смарагдъ.—Инспекторъ Ниль.—Вызовъ Геронима въ Петербургъ.—Инспекторъ Рялицкій.

Когда мы съ Охотиннымъ прибыли въ черниговскую семинарію, ректоромъ ея былъ архимандритъ Геронимъ; во время его ректорства инспекторами были: игуменъ Филadelphъ и іеромо-

нахъ Нилъ. Іеронимъ, получившій образованіе въ старой Кіевской академіи, хорошо зналъ преподаваемыя въ семинаріи науки и особенно былъ свѣдущъ въ языкахъ. Богословіе и науку проповѣдничества онъ преподавалъ по старому методу. Но дѣйствительную пользу ученикамъ богословія онъ приносилъ своими практическими занятіями о томъ, какъ они должны поступать со своими прихожанами, когда сдѣлаюся священниками, и ученики, ставшіе такими, были ему благодарны за такіа наставленія. Будучи самолюбивъ, онъ бывалъ недоволенъ, когда мы на богословскихъ экзаменахъ дѣлали возраженія; ученикамъ богословія онъ у себя дома говорилъ, чтобы они его одного только слушали, давалъ имъ невыгодныя о насъ понятія и получалъ отъ нихъ на насъ разные доносы, что для насъ, конечно, было непріятно. Своею величавостію онъ прямо задѣвалъ наше самолюбіе. Однажды, когда я изъ домоваго отпуска возвратился тремя днями позже положеннаго срока и по обыкновенію явился къ нему въ его квартиру, онъ долго не выходилъ ко мнѣ изъ своего кабинета, а вышедши, съ суровымъ видомъ сказалъ: „извините, Іосифъ Акимовичъ, что я заставилъ долго ждать себя; вы сами заставили насъ ждать вашего возвращенія изъ отпуска“. Я извинялся тѣмъ, что семейныя обстоятельства заставили меня сдѣлать означенную отсрочку. Іеронимъ серьезно сказалъ мнѣ: „если обстоятельства ваши удерживаютъ васъ въ домѣ, то вы можете просить увольненія отъ семинарійской службы“. Я вспыхнулъ и смѣлымъ голосомъ проговорилъ: „Коммиссія духовныхъ училищъ назначила меня быть профессоромъ въ черниговской семинаріи и она только можетъ отъ нея меня уволить, а ваше высокопреподобіе не имѣете права говорить мнѣ объ увольненіи; если же вы мою просрочку находите достойною увольненія изъ семинаріи, то должны предложить о томъ на обсужденіе семинарскому правленію, которое, надѣюсь, въ рѣшеніи своемъ не будетъ ко мнѣ такъ изыскательно“. Сказавши это, я, не взявъ отъ Іеронима благословенія, ушелъ изъ его квартиры. Іеронимъ одумался и послалъ келейника просить меня воротиться. Когда я пришелъ, онъ ласково сказалъ мнѣ, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить меня сво-

ими словами, попросту имъ сказанными, но таѣъ горячо мною принятыми. Мы примирились, и я тогда-же созналъ, что съ своей стороны я сдѣлалъ глупую выходку, которую и теперь въ моей старости не извиняю ради моей молодости.

При непостоянствѣ и измѣнчивости своего характера, Іеронимъ въ личныхъ къ намъ отношеніяхъ былъ добръ, часто приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ или на вечеръ, усердно угощалъ насъ и въ этихъ случаяхъ всегда былъ веселъ, многорѣчивъ и казался искреннимъ. Въ такихъ нашихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ мы узнали отъ него, почему онъ изъ Острогской семинаріи, гдѣ былъ ректоромъ, перемѣненъ въ черниговскую семинарію. Въ городѣ Острогѣ находилась тогда семинарія и резиденція волынскаго архіерея, къ дому котораго приписано было довольно большое помѣстье съ крестьянами. Архіерей Стефанъ жилъ роскошно и открыто; въ домѣ его часто бывали гости, а начальники и преподаватели семинаріи почти ежедневно тамъ угощались, и для ихъ забавы въ томъ-же домѣ находился биллиардъ. „Когда однажды я, говорилъ Іеронимъ, во время такого нашего пированія, сидя вдали съ кафедральнымъ протоіереемъ, сказалъ ему: какъ намъ хорошо и весело жить при архіерей Стефанѣ, протоіерей отвѣчалъ: да, намъ слишкомъ весело, но это не передъ добромъ“. И дѣйствительно, такъ и случилось. Присланный изъ Петербургской академіи старшій кандидатъ 4-го выпуска Корабиновъ, человѣкъ безпокойнаго характера, завелъ между своими сослуживцами разныя интриги и ссоры, осуждалъ ихъ поведеніе и неприличную жизнь архіерея; отсюда пошли взаимные доносы, началось слѣдствіе и кончилось тѣмъ, что архіерей и всѣ члены семинарскаго правленія изъ Острога были переведены въ другія мѣста на службу; по этому случаю Іеронимъ переведенъ въ черниговскую семинарію.

Послѣ моей глупой выходки Іеронимъ не оказывалъ мнѣ враждебнаго расположенія. Онъ весьма благоволилъ къ моему меньшему брату Николаю, который воспитывался въ черниговской семинаріи на счетъ суммы, отпускаемой оберъ-священникомъ для содержанія дѣтей армейскаго духовенства, кончилъ въ ней ученіе съ званіемъ студента и поступилъ священникомъ

въ полѣхъ. Черезъ два года службы въ полку братъ мой былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ за то, что во время сраженія при Кулевчи, когда одно укрѣпленіе упорно не сдавалось, онъ, по приказанію корпуснаго генерала князя Щербатова, верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ рукахъ, сказавъ солдатамъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, впереди полка, бросился подъ пушечными выстрѣлами къ означенному укрѣпленію, которое взято было приступомъ. Впослѣдствіи братъ мой Николай служилъ въ разныхъ гвардейскихъ полкахъ и за службу свою получилъ ордена св. Анны II-й степени съ короной и Владиміра III-ей степени.

Инспекторъ, игуменъ Филадельфъ, былъ кандидатъ перваго выпуска Петербургской духовной академіи. Кромѣ своей должности по семинаріи, онъ исполнялъ еще и должность смотрителя находившагося при ней духовнаго училища. Будучи притомъ настоятелемъ Козелецкаго монастыря, онъ жилъ хорошо и былъ вообще гостепріименъ. Филадельфъ доставилъ мнѣ и Охотину удовольствіе, пригласивъ совершить съ нимъ въ монастырскомъ спокойномъ экипажѣ, безъ всякой отъ насъ платы, путешествіе въ Кіевъ, который намъ очень желательно было видѣть. Когда мы проѣхали Броварской лѣсъ, намъ вдругъ открылся весь Кіевъ. Дивный видъ! Предъ нами широкій, быстроводный Днѣпръ. За нимъ на высокихъ горахъ возвышаются въ разныхъ мѣстахъ древніе Кіевскіе храмы; золотыя глазы Лавры, Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря, какъ горячіе свѣчи въ воздушномъ пространствѣ, блестятъ и сверкаютъ, отражая лучи солнца; далѣе, вправо на отдѣльномъ обрывѣ виднѣется съ серебристыми своими верхами стройная церковь Андрея Первозваннаго. Внизу обрыва въ туманѣ зрится будто эскадра стоящихъ вдоль Днѣпра кораблей съ мачтами—это Подоль съ его многочисленными церквами. Вдали отъ города видна еще высокая гора, гдѣ былъ нѣкогда Вышгородъ, городъ св. Ольги, Бориса и Глѣба. Влѣво за городомъ въ концѣ горнаго ущелья притаился и смотрится въ Днѣпръ стародавній Выдубецкій монастырь; великанъ колокольня въ золотой шапкѣ, стоя на вершинѣ горы, висится въ небу, словно сторожить многовѣковой

Кіевъ и его далекую окрестность. Долго стояли мы, не отводя глазъ отъ этой картины, потомъ въ Никольской слободѣ сѣли въ лодку и по Днѣпру приплыли къ Подолу; съ берега мы отправились прямо въ Братскій монастырь и явились къ ректору академіи архимандриту [Мелетію. Обнявъ Филадельфа и благословивъ меня и Охотина, онъ всѣхъ насъ пригласилъ кватировать въ его домъ во все время пребыванія нашего въ Кіевѣ, но мы пользовались этимъ пріютомъ только ночью, а днемъ все осматривали городъ. Великолѣпный съ виду Кіевъ показался намъ внутри его не лучше Чернигова, исключая главнѣйшихъ храмовъ и Подола; мостовой въ немъ тогда не было, только Александровская гора вымощена была поперечными бревнами; внѣшній Крещатикъ былъ ни что иное, какъ изрытый ровъ, по которому ночью опасно было проѣзжать; между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ находились бѣдныя домишки, похожія на хижины. Софійскій соборъ былъ въ какомъ то запущеніи. Благоустройствомъ своимъ Кіевъ обязанъ Императору Николаю, который почти ежегодно пріѣзжалъ осматривать воздвигаемую тогда крѣпость; при немъ построены: университетъ, кадетскій корпусъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ сдѣланъ удобный съ горы къ Днѣпру спускъ, построенъ великолѣпный цѣпной черезъ Днѣпръ мостъ, по которому съ тѣхъ поръ для всей Малороссіи открыто постоянное сообщеніе съ Кіевомъ; прежде же въ весеннее половодье экипажи и обозы по нѣсколько сутокъ должны были ожидать переезда. Осматривая городъ, мы посѣщали въ немъ нашихъ знакомыхъ; прежде всего мы были у родственника Охотина Скворцова, котораго я видѣлъ еще будучи мальчикомъ на торжественномъ актѣ въ Петербургской духовной академіи, когда онъ передъ посѣтителями читалъ свое разсужденіе о тройственномъ составѣ чловѣка. Онъ кончилъ курсъ первымъ магистромъ и посланъ былъ въ Кіевъ передъ открытіемъ тамъ академіи. Здѣсь онъ преподавалъ философію, былъ послѣ докторомъ богословія, законоучителемъ въ университетѣ, протоіереемъ въ Софійскомъ соборѣ и награжденъ былъ митрою. Посѣтили мы и бывшего нашего въ петербургской академіи бакалавра іеромонаха Смарагда, въ это время исправ-

лявшего должность инспектора академіи. Мы его нашли въ какомъ то мрачномъ настроеніи духа; онъ совѣтовалъ намъ не поступать въ монахи, такъ какъ самъ былъ тогда въ опалѣ за то, что, ревизуя волынскую семинарію, неуважительно обращался съ мѣстнымъ архіереемъ, по жалобѣ котораго предписано было Кіевскому митрополиту наблюдать за Смарагдомъ и довести: можетъ ли онъ оставаться при академіи. Замѣчательно, что отставленный Смарагдомъ отъ должности эконома протоіерей Антоній Рафальскій былъ впоследствии петербургскимъ митрополитомъ. Смарагдъ не только остался при академіи инспекторомъ, но былъ въ ней ректоромъ, потомъ ректоромъ же петербургской академіи. Онъ былъ въ ученое отношеніи человѣкомъ умнымъ, но имѣлъ какой-то угловатый характеръ, иногда дѣлалъ выходки неприличныя архіерейскому сану, за что и переводили его изъ одной епархіи въ другую. Много о немъ рассказываютъ странныхъ анекдотовъ; говорятъ, что онъ любилъ брать взятки и оставилъ значительный капиталъ; говорятъ также, что онъ собственно-ручно расправлялся съ провинившимися священниками; не смотря однакожь на все это, духовенство Орловской епархіи сожалѣло о его выбитіи, потому что онъ послѣ своей расправы не удалялъ священниковъ отъ ихъ приходоу, чтобы семейство ихъ не вводитъ въ нужду. Въ лицѣ Смарагда видѣнъ былъ типъ еврейскаго происхожденія, и онъ самъ говорилъ: дѣдъ мой былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей. Пробывъ въ Кіевѣ около недѣли, мы пустились въ обратный путь. На переправѣ черезъ Днѣпръ мы подверглись было великой опасности: мы переправлялись въ такъ называемомъ дубѣ, похожемъ на барку, въ которомъ помѣщались три повозки, нѣсколько лошадей и человѣкъ двадцать народу. Дубъ не подходилъ къ самому берегу, съ котораго нужно было сходить въ дубъ по доскамъ. Двѣ лошади брата Филадельфа, прибывшаго изъ Полтавы для свиданія съ нимъ, не привыкшія къ большой водѣ, долго упирались на берегу и только удары перевозчиковъ заставили вскочить ихъ въ дубъ.

Мы сначала подымались вверхъ по рѣкѣ, чтобы по теченію ея опуститься внизъ и плыть къ противоположному бе-

регу. Когда дубъ отплылъ довольно далеко отъ берега, одна изъ лошадей стала биться и задними ногами перескочила въ воду а передними повисла на борту судна, отстоявшемъ отъ воды не болѣе полъ-аршина; дубъ сталъ наклоняться на бокъ, но къ счастью перевозчикъ весломъ ударилъ по ногамъ лошадь и она свалилась въ воду и поплыла назадъ; послѣ этого мы благополучно доплыли до противоположнаго берега. Долго мы ожидали, пока другой дубъ доставилъ намъ оставшуюся лошадь. Плывшіе на немъ люди намъ сказывали, что полтавская лошадь учинила имъ такую-же продѣлку на самой серединѣ Днѣпра, отчего они были въ страшномъ испугѣ. Далѣе мы благополучно свершили нашъ путь. Въ Черниговъ мы прибыли къ началу ученія. Такимъ образомъ, благодаря Филадельфу, мы всѣ вакаціи провели весело и пріятно и мы же, легкомысленные, подтрунивали надъ нашимъ менторомъ, что онъ, бывши въ Кіевѣ, не былъ въ пещерахъ, бесѣдуя съ своимъ товарищемъ Мелетіемъ. Но не даромъ Филадельфъ былъ въ Кіевѣ, не даромъ долго бесѣдовалъ съ Мелетіемъ, который, какъ ректоръ академіи, былъ его начальникомъ по зависимости семинаріи отъ академіи и, какъ первенствующій членъ академическаго правленія, могъ ходатайствовать о повышеніи его въ службѣ, въ которой Филадельфъ отсталъ отъ своихъ сокурсниковъ, бывшихъ уже ректорами и архимандритами. И дѣйствительно, Филадельфъ вскорѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ и ректоромъ семинаріи въ Кишиневѣ, гдѣ знакомъ былъ съ поэтомъ Пушкинымъ, находившимся тогда въ изгнаніи и пользовавшимся его гостепріимствомъ. На мѣсто Филадельфа инспекторомъ къ намъ присланъ былъ изъ Петербурга, окончившій академію съ шестымъ выпускомъ, Нилъ Исаковичъ. При отличныхъ способностяхъ своихъ, онъ отлично зналъ всѣ предметы академическаго ученія и въ семинаріи очень хорошо преподавалъ философію и инспекторскую должность исполнялъ съ достоинствомъ. Черезъ годъ по прибытіи своемъ онъ возведенъ былъ на степень магистра богословія, чего не удостоенъ ни одинъ студентъ шестаго курса при выпускѣ, по капризу тогдашнихъ членовъ комиссіи духовныхъ училищъ, непріязненно относившихся къ новому об-

разованію. Вмѣстѣ съ дипломомъ онъ получилъ и магистерскій крестъ въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто терноваго вѣнца на перекрестіи приставленъ ликъ нерукотвореннаго образа. Ректоръ Іеронимъ, не могшій не сознать достоинствъ Нила, въ интимныхъ разговорахъ своихъ съ учениками богословія позволялъ себѣ называть его латинскимъ именемъ Nil; но этотъ Nil еще при жизни Іеронима быстро сталъ подыматься по степенямъ духовной іерархіи. Черезъ два года инспекторства своего въ семинаріи, онъ переведенъ былъ на должность инспектора въ кievскую академію, гдѣ и при ректорѣ знаменитомъ Инокентіи Борисовѣ имѣлъ свое значеніе. Впослѣдствіи Нилъ былъ архіепископомъ въ Иркутскѣ, гдѣ открылъ цѣлебный источникъ и на немъ построилъ монастырь; тамъ же онъ изучилъ Бурятскій языкъ, на который перевелъ нѣкоторыя священно-служебныя книги. Изъ Иркутска Нилъ переведенъ былъ въ Ярославль, гдѣ награжденъ былъ брилліантовымъ крестомъ на клобукъ. Передъ смертію онъ завѣщалъ московскому университету богатую свою коллекцію минераловъ, собранную имъ въ Сибири. Ни съ кѣмъ изъ инспекторовъ семинаріи я не былъ такъ друженъ какъ съ Ниломъ; почти до конца жизни его мы были въ пріятельской перепискѣ. Изъ Иркутска онъ присылалъ мнѣ въ подарокъ превосходный чай, за который я благодарилъ его французскими сахарными сушеными грушами изъ моего сада, которыми онъ, какъ писалъ мнѣ, угощалъ иркутскаго генераль-губернатора. Живя близъ инспекторской квартиры, я часто посѣщалъ его, и онъ также часто бывалъ у меня. Случилось мнѣ дня три съ нимъ не видѣться; приходитъ ко мнѣ его келейникъ и говоритъ, что инспекторъ заперся въ своемъ кабинетѣ и третій день оттуда не выходитъ. Я поспѣшилъ въ квартиру Нила, долго стучался въ дверь его кабинета и кричалъ, что если онъ не отопретъ дверь, то я буду ее ломать; наконецъ онъ отозвался болѣзненнымъ голосомъ и, подошедши къ двери, отперъ ее; я увидѣлъ его съ раскраснѣвшимся лицомъ и едва стоящимъ на ногахъ.

Догадываясь, что онъ въ горячкѣ, я послалъ за докторомъ, а между тѣмъ приказалъ поставить самоваръ и долго поилъ

больнаго потоговными травами, пока не показался обильный потъ; перемѣнивъ ему бѣлье, мы уложили его въ постель; онъ крѣпко заснулъ и проспалъ всю ночь. На другой день болѣзнь его перешла въ лихорадку, отъ которой онъ скоро оправился. По выздоровленіи своемъ Ниль говорилъ, что никогда не забудетъ моего къ нему участія. Въ то-же время онъ мнѣ говорилъ, что никогда такъ не чувствовалъ тяжести монашескаго положенія, какъ во время этой своей болѣзни. Ниль рассказывалъ, что наканунѣ своего постриженія онъ пошелъ къ духовнику-схимнику на исповѣдь, и тотъ обозвалъ его діаволомъ за то, что онъ вошелъ въ келію, не прочитавъ передъ дверью положенной молитвы; затѣмъ, когда Ниль сталъ креститься и вмѣстѣ кланяться, схимникъ вновь назвалъ его діаволомъ и сказалъ: и зачѣмъ ломаешь крестъ Христовъ? ты долженъ сначала положить на себя крестъ, а потомъ уже сдѣлать поклонъ.

Иеронимъ продолжалъ ректорствовать, съ нетерпѣніемъ ожидая себѣ производства въ архіереи; наконецъ, онъ былъ обрадованъ вызовомъ на чреду служенія въ Петербургъ. На время годоваго служенія на чредѣ Иеронима, начальство поручило эконому семинаріи протоіерею Огіевскому исполнять должность ректора, а мнѣ преподавать богословіе. Ректорскую должность Огіевскій исполнялъ, какъ человѣкъ опытный въ семинарскомъ управленіи; при немъ въ семинаріи дѣла шли должнымъ порядкомъ, но случилось въ ней неожиданное, непріятное происшествіе. Въ то время прибылъ въ семинарію новый инспекторъ. Мы ожидали, что на эту должность пришлютъ къ намъ монаха, а между тѣмъ явился во фракѣ Василій Рѣлицкій, учившійся прежде въ черниговской семинаріи. Бывшіе соученики его говорили, что онъ учился посредственно, оказывая успѣхи только въ русской словесности; что при окончаніи курса на ревизорскомъ экзаменѣ онъ написалъ русское сочиненіе лучше всѣхъ своихъ соучениковъ, и потому ревизоръ поставилъ его первымъ въ списокѣ и назначилъ въ академію; что Рѣлицкій самъ, сознавая свою неподготовленность къ академіи, просилъ семинарское начальство туда его не посылать, но оно не могло уважить его просьбы; что въ академіи онъ умѣлъ хорошо прислужиться

къ профессорамъ и при окончаніи курса получить степень старшаго кандидата и назначеніе учителемъ въ харьковскую семинарію. Отець его, бывшій по образованію соученикомъ придворнаго духовника, просилъ сего послѣдняго доставить его сыну инспекторское мѣсто въ черниговской семинаріи. Рклицкій въ должности инспектора обязанъ былъ преподавать философію на латинскомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ. Неизвѣстно, какъ онъ читалъ философскія лекціи, но извѣстно было, что латинскихъ ученическихъ сочиненій онъ самъ не исправлялъ, что будто-бы нѣкоторые изъ нихъ поправлялъ меньшій братъ его, бывшій ученикомъ въ философскомъ классѣ. По этой ли причинѣ, или по какому нибудь другому побужденію, въ классѣ на философской лекціи ученики освистали Рклицкаго. Оскорбленный такимъ дерзкимъ поступкомъ учениковъ, Рклицкій подалъ формальный о томъ рапортъ въ семинарское правленіе. Мы не знали, какъ рѣшить это важное, небывалое въ семинаріи дѣло. Огіевскій сказалъ, что въ прежнее время зачинщиковъ наказали бы розгами, но какъ въ настоящее время ученики философіи такому наказанію не подвергаются, то онъ доложитъ объ этомъ дѣлѣ архіерею на его рѣшеніе. Лаврентій рѣшилъ, что жаль исключать изъ семинаріи всѣхъ виновниковъ такого поступка, изъ которыхъ нѣкоторые отличались своими успѣхами въ наукахъ, и что лучше подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, если они только сами на то согласятся. Ученики согласились и приняли наказаніе; вполнѣдствіи они были даже довольны, что имъ такъ дешево обошлась ихъ дерзкая выходка. Затѣмъ дѣла въ семинаріи пошли своимъ порядкомъ. Инспекторскую должность Рклицкій исполнялъ очень хорошо. Черезъ годъ Іеронимъ возвратился въ Черниговъ и вступилъ въ должность ректора; но онъ возвращенъ былъ только для того, чтобы сдать семинарію, послѣ чего отправился въ городъ Свѣяжскъ на должность настоятеля тамошняго монастыря. По отъѣздѣ его Огіевскій и я продолжали исполнять возложенныя на насъ должности еще четыре мѣсяца, пока не прибылъ въ Черниговъ, переведенный изъ Харькова ректоръ архимандритъ

Афанасій, магистръ, товарищъ Нила по шестому выпуску петербургской академіи, а потому и мнѣ знакомый.

XV.

Ректоръ семинаріи Афанасій — Агапѣтъ и Іустинъ.

Афанасій во все время управленія черниговской семинаріей проявлялъ необыкновенную и весьма полезную для нея дѣятельность, какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Въ первые утренніе часы онъ обыкновенно читалъ богословскую лекцію, послѣ которой приходилъ въ семинарское правленіе, гдѣ занимался текущими дѣлами, послѣ чего спѣшилъ въ классы семинаріи и, какъ отличный знатокъ всѣхъ предметовъ, въ ней преподаваемыхъ, не исключая и математики, посѣщалъ лекціи, вникалъ въ ихъ преподаваніе, задавалъ вопросы ученикамъ и, замѣтя малоуспѣшныхъ, побуждалъ ихъ лучше заниматься предметами. Онъ пріѣзжалъ въ семинарію въ послѣобѣденное время, не только въ будни, но иногда и въ праздникъ, въ неопредѣленное время, когда ему вздумается. Случалось, что онъ являлся въ семинарію и ночью, приходилъ въ бурсу и, если находилъ учениковъ занимающимися, садился съ ними и толковалъ имъ о предметахъ ихъ занятій. Если случалось, что онъ нѣсколько дней не пріѣзжалъ въ семинарію въ послѣобѣденные часы, то это значило, что онъ въ это время получилъ съ почты выписываемыя изъ заграницы на разныхъ языкахъ книги, на выписку которыхъ онъ издерживалъ почти все свое жалованіе. Въ такіе дни Афанасій, прочитавъ свою лекцію, уѣзжалъ къ себѣ въ свой Елецкій монастырь и тамъ днемъ и ночью перечитывалъ присланныя книги. Послѣ такихъ домашнихъ своихъ чтеній онъ опять по прежнему являлся въ семинарію послѣ обѣда.

Афанасій обращалъ свое особенное вниманіе на сочиненія учениковъ и потому побуждалъ преподавателей философіи и словесности чаще съ ними заниматься сочиненіями и исправлять письменныя ихъ работы какъ можно тщательнѣе, а по исправ-

леніи представлять ему на просмотръ. Въ этомъ случаѣ онъ особенно насѣдалъ на инспектора Рклицкаго, не изъ личной къ нему неприязни, которой онъ ни къ кому изъ насъ не питалъ, но потому, что Рклицкій на его требованія отдѣлывался только обѣщаніями. Ревизоромъ въ это время у насъ былъ ректоръ кievской академіи архимандритъ Смарагдъ. Афанасій держалъ себя предъ нимъ самостоятельно и съ самоувѣренностію. На богословскомъ экзаменѣ ученики въ отвѣтахъ своихъ съ точностію передавали преподанныя имъ лекціи. Когда Смарагдъ дѣлалъ возраженія, Афанасій съ такою силою опровергалъ ихъ и съ такою убѣдительностію доказывалъ истинность своихъ лекцій, основываясь на свидѣтельствѣ древнихъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ богослововъ, что Смарагдъ совершенно съ нимъ соглашался и во всеуслышаніе при насъ и при ученикахъ сказалъ: „вашъ ректоръ обладаетъ обширною ученостію“. Безпре- станно слѣдя за успѣхами семинаристовъ, Афанасій постоянно обращалъ вниманіе на ихъ поведеніе и для исправленія ихъ употре- блялъ иногда крутыя мѣры. Такъ, напримѣръ, ученика филосо- фіи Илью Тимошевскаго, многократно подвергавшагося обыкно- веннымъ взысканіямъ и не подававшаго надежды на исправленіе, онъ приказалъ запереть въ особую при больницѣ комнату, не давать ему ни книгъ, ни бумаги, ни чернилъ, никого къ нему не пус- кать и подавать ему только хлѣбъ да воду, не говоря съ нимъ ни слова. День просидѣлъ такъ Тимошевскій въ затворѣ и на другой день со слезами умолялъ служителя доложить ректору, что желаетъ его видѣть. Отвѣта не было. На третій день слу- житель приходитъ въ мою квартиру, гдѣ тогда находился Афа- насій, и говоритъ, что Тимошевскій рыдаетъ и говоритъ, что болѣе не можетъ выдержать своего заключенія. Тогда только Афанасій приказываетъ привести къ себѣ заключеннаго. Явив- шись въ комнату, Тимошевскій падаетъ на колѣни и, проливая слезы, говоритъ: „прикажите меня высѣчь розгами, но болѣе такъ не мучьте“. Афанасій, сдѣлавъ ему самыя сильныя внушенія, ска- залъ что это для него было послѣднее наказаніе, и что если онъ исправится, то будетъ исключенъ изъ семинаріи. Тимошевскій исправился и кончилъ курсъ. Въ домашнемъ своемъ быту Афа-

насій жилъ просто, не заботясь ни о квартирной обстановкѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ, довольствуясь тѣмъ, что ему подавалъ монастырскій поварь; иногда захопотавшись по семинаріи, онъ забывалъ объ обѣдѣ и довольствовался однимъ чаемъ. Въ гостяхъ у городскихъ жителей онъ почти не бывалъ; при постороннихъ людяхъ былъ молчаливъ, скучая по семинаріи, куда его всегда тянуло. Въ обращеніи со всѣми онъ былъ на словахъ простъ и прямъ, никогда не хитрилъ и хитрыхъ не любилъ. Въ обращеніи съ учениками всегда былъ серьезенъ, но входилъ въ ихъ нужды и чѣмъ могъ помогалъ имъ.

Ученики его боялись, но вмѣстѣ и любили, сознавая его благонамѣренность. Это свое сознание и любовь они вполнѣ выразили тогда, когда Афанасій навсегда оставлялъ черниговскую семинарію. Передъ своимъ выѣздомъ изъ Чернигова онъ самъ отслужилъ напутственный молебенъ въ семинарской церкви, собралъ всѣхъ учениковъ въ залъ, гдѣ и мы всѣ присутствовали, и произнесъ сильную, прочувствованную прощальную рѣчь, вкорая всѣхъ насъ до слезъ тронула; плакалъ и самъ Афанасій. Когда онъ выѣзжалъ, его вся семинарія проводила за рѣку Десну; самъ онъ сидѣлъ въ бричкѣ, а на особой тройкѣ везена была его библіотека, составлявшая все его богатство.

Впослѣдствіи времени Афанасій былъ архіепископомъ въ Томскѣ, гдѣ всѣхъ удивлялъ своею неутомимою дѣятельностью по епархіи. Генералъ Зедлеръ рассказывалъ своему знакомому, что Афанасій изумлялъ его своею многостороннею ученостью, и что въ зимнее время, по глубокимъ сибирскимъ снѣгамъ, онъ объѣзжалъ свою обширную епархію въ экипажѣ, похожемъ на простой продолговатый ящикъ, запряженный собаками. Однажды собаки, чего-то испугавшись, понесли, и ящикъ опрокинулся на бокъ; такъ лежа въ опрокинутомъ ящикѣ онъ и доѣхалъ до слѣдующей станціи. Въ газетахъ писали, что когда онъ выѣзжалъ изъ Томска въ Казань, то духовенство, ученики и множество жителей провожали его съ великимъ сожалѣніемъ. Не знаю, сколько времени Афанасій пробылъ въ Казани, и какова была тамъ его дѣятельность, но, по словамъ писателя Андрея Муравьева, Афанасій въ Казани утратилъ всю свою энергію и

впалъ въ апатію. Было-ли это слѣдствіемъ прежняго чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ его силъ, или такая перемѣна произошла въ немъ, быть можетъ, отъ сильныхъ огорченій, которыя синодальные оберъ-прокуроры часто причиняли епархіальнымъ архіереямъ,—неизвѣстно.

По выbytіи Афанасія, долго не пріѣзжалъ къ намъ новый ректоръ и, когда пріѣхалъ, все болѣлъ, вслѣдствіе чего я долженъ былъ продолжать занятія по богословскому классу. Во время ректорства Агапита мы всѣ сожалѣли о выbytіи Афанасія, на котораго онъ далеко не походилъ ни по уму, ни по дѣятельности, ни по характеру. Къ счастью семинаріи, Агапитъ черезъ два года посланъ былъ архіереемъ въ Томскъ.

На мѣсто Агапита къ намъ переведенъ былъ ректоръ кievской семинаріи архимандритъ Іустинъ, по курсу товарищъ Иннокентія Борисова, человекъ умный и добросердечный. При немъ окончилась моя 13-ти лѣтняя служба въ черниговской семинаріи.

XVI.

Моя женитьба. Поѣздки въ Новгородъ-Сѣверскъ. Умисель Лукашевича. Пріятель Ленковского Шитовъ. Сватанье и моя свадьба.

Вспомнивъ о бывшихъ при мнѣ начальникахъ черниговской семинаріи, я предполагалъ говорить о моей преподавательской въ ней дѣятельности; но здѣсь просится у меня на бумагу еще воспоминаніе о томъ, почему я, стремясь въ Петербургъ, остался въ Черниговѣ. А остался я въ немъ потому, что черезъ два года моей службы въ черниговской семинаріи я женился и женился тогда, когда уклонялся отъ женитьбы, чтобы тѣмъ не связать себя и не остаться въ Черниговѣ. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

При свиданіи съ моею матерью на пути изъ Петербурга въ Черниговъ, въ августѣ 1823 года, я не предполагалъ пріѣзжать къ ней на Рождественскій праздникъ того года; но представился случай, дававшій мнѣ возможность покойно и безъ особенныхъ издержекъ проѣхать въ крытомъ, тепломъ экипажѣ, принадлежавшемъ помѣщику нашего села, находившемуся въ Чер-

ниговѣ, куда онъ выслалъ въ то время людей и лошадей забрать этотъ экипажъ и доставить въ Лисконоги. Мать моя просила меня пріѣхать къ ней въ этомъ экипажѣ, и я съ братомъ моимъ отправился въ Лисконоги. Здѣсь въ самый день моего пріѣзда родные мои объявили мнѣ, что Ленковскій присылалъ къ нимъ нарочнаго просить меня во время праздника посѣтить его, и они убѣждали меня исполнить его просьбу, интересуя меня тѣмъ, что я лучше познакомлюсь съ ихъ дочерью, которая можетъ быть моею невѣстою. Я отвѣчалъ имъ, что, вступивъ только что въ службу, я не долженъ, не могу и не хочу думать ни о какихъ невѣстахъ. Черезъ нѣсколько дней я съ братомъ пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Ленковскіе приняли меня уже какъ знакомаго съ обычнымъ своимъ радушіемъ. Святочные вечера мы весело проводили въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Дочь ихъ порядочно играла на гитарѣ (о фортепьянахъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ тогда еще не имѣли понятія) и пѣла малороссійскія пѣсни, которыя мнѣ очень понравились, да и сама пѣвица показалась мнѣ тогда лучшею, чѣмъ прежде. Но веселость наша скоро смѣнилась непріятностію для всѣхъ насъ. Когда я, ночуя у Ленковского, поутру оставался еще въ постели, мнѣ принесли письмо на мое имя, поднятое у воротъ ихъ дома. Это былъ пасквиль на все семейство Ленковскихъ. Пасквиль этотъ несомнѣнно былъ дѣломъ Лукашевича, который злобствовалъ на Ленковскихъ за отказъ ему въ рукѣ ихъ дочери. Всѣ были чрезвычайно огорчены этимъ подметнымъ письмомъ. Мнѣ жаль было дѣвицы, невинно страдавшей отъ преслѣдованія Лукашевича. Желая успокоить еѣ и ея родителей, я говорилъ имъ, что на злоумышленіе его они должны отвѣчать однимъ презрѣніемъ, что этотъ пустой человѣкъ хотѣлъ и меня очернить въ ихъ глазахъ, когда во время перваго моего у нихъ пребыванія говорилъ, будто я погуливалъ съ нимъ въ Петербургѣ, и что тогда-же онъ былъ обличенъ въ безсовѣстной клеветѣ. Чтобы еще болѣе успокоить ихъ, я, съ позволенія родителей, съ дочерью ихъ катался въ тотъ-же день въ отертыхъ саняхъ, и мы нарочно нѣсколько разъ проѣхали мимо квартиры Лукашевича, который смотрѣлъ на насъ и долженъ былъ уразумѣть, что злой

умысль его совсѣмъ не удался. Послѣ этого всѣ успокоились, и намъ по прежнему было весело. При прощаніи Ленковскіе просили меня не забывать ихъ и писать къ нимъ изъ Чернигова, что я искренно обѣщалъ имъ и исполнилъ. Между прочимъ Ленковскій рекомендовалъ мнѣ въ знакомство пріятеля своего черниговскаго, священника Шитова, говоря, что уже писалъ ему обо мнѣ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Черниговъ, Шитовъ письмомъ своимъ просилъ меня къ нему на обѣдъ. Послѣ обѣда онъ, прогуливаясь со мной на городскомъ бульварѣ, спрашивалъ меня, не думаю-ли я свататься на дочери Ленковскаго, и, остановившись противъ одного порядочнаго дома, сказалъ мнѣ, что это другой собственный его домъ, назначенный имъ въ приданое своей дочери дѣвицѣ, и что онъ желалъ бы имѣть меня своимъ зятемъ, если я того пожелаю. Каковъ пріятель Ленковскаго! Въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ Ленковскій извѣщалъ меня, что за дочь его сватается уѣздный лекарь и просилъ меня откровенно высказать мое мнѣніе о представляющейся дочери его партіи. Я отвѣчалъ ему, что по моему разумѣнію такую партію я нахожу довольно выгодною. Когда товарищъ мой Охотинъ говорилъ, что если я не женюсь на дочери Ленковскаго, то онъ на ней женится, я хладнокровно и откровенно ему отвѣчалъ, что охотно уступаю ему эту невѣсту, ибо я тогда все мечталъ о Петербургѣ. Съ наступленіемъ лѣтней вакаціи, я отправилъ брата моего къ матери, а самъ съ Охотинымъ и съ инспекторомъ семинаріи поѣхалъ въ Кіевъ. По возвращеніи нашемъ въ Черниговъ, братъ говорилъ мнѣ, что матушка была весьма недовольна моею отлучкою въ Кіевъ на все время вакаціи; что Ленковскіе выражали ему свое сердечное сожалѣніе о томъ, что я лѣтомъ не посѣтилъ ихъ; что сама дочь Ленковскихъ говорила ему объ отказѣ сватавшемуся на ней лекарю и что она не выйдетъ замужъ ни за кого, кромѣ меня. Я слушалъ этотъ рассказъ безъ особеннаго сочувствія. Въ Рождественскій праздникъ я долженъ былъ прибыть въ нашъ домъ, куда требовала меня моя мать. Когда я пріѣхалъ въ Лисконоги, она и всѣ мои родные начали меня убѣждать жениться на дочери Ленковскихъ. Въ отвѣтъ имъ я говорилъ, что полу-

чаемое мною по службѣ жалованье достаточно только для меня одного, а при женѣ оно будетъ весьма недостаточно. Родные, выхваляя все семейство Ленковскихъ, увѣряли меня, что они богаты и не пожалѣютъ приданого. Въ заключеніе своего настойчиваго увѣщанія мать моя и родной братъ ея, священникъ Симеонъ Калиновскій сказали, что дѣло это теперъ-же надо кончить такъ или иначе. Слѣдствіемъ этого консиліума было то, что я отправился къ Ленковскимъ съ своимъ дядей, который взялъ на себя роль свата.

Ленковскіе приняли насъ по прежнему весьма любезно. Когда дѣло дошло до сватовства, я молчалъ. Дядя мой, пересказавъ Ленковскому и женѣ его то, что я говорилъ о недостаточности моего жалованья для семейной жизни, спросилъ, какое приданое Ленковскій можетъ обѣщать за своею дочерью. Ленковскій отвѣчалъ, что онъ, какъ честный человекъ, не хочетъ обманывать ложными обѣщаніями, денегъ онъ не имѣетъ, да и имѣть ихъ не могъ по причинѣ своего небольшого жалованья и извѣстной всѣмъ бѣдности соборнаго его прихода; но что для дочери своей, которая у него есть единственное дитя, онъ ничего не пожалѣетъ; что, наконецъ, если я въ послѣдствіи пожелаю занять въ Новгородѣ Сѣверскіе должности соборнаго протоіерея, смотрителя духовнаго уѣзднаго училища и законоучителя гимназій, то онъ готовъ мнѣ уступить всѣ эти мѣста, а самъ пойдетъ на другой приходъ. Вотъ все, сказалъ Ленковскій, что я могу обѣщать и дать. Послѣ этого мы всѣ въ смущеніи и нерѣшительности разошлись по своимъ мѣстамъ на ночлегъ. Долго я толковалъ съ дядей; онъ соглашался со мной, что безъ приданого жениться мнѣ неудобно, что еще могутъ найтись другія невѣсты, за которыми я получу пужное обезпеченіе. Послѣ такихъ толковъ я много думалъ самъ съ собой. Затѣмъ, принявъ въ соображеніе, что мнѣ не представляется вѣрныхъ шансовъ для перевода въ Петербургъ, къ которому и стремленіе мое къ тому же начало уже охладѣвать, что жениться мнѣ все-таки придется, а невѣсты, которая была бы ко мнѣ такъ расположена, какъ дочь Ленковскихъ, я. можетъ быть, и не найду, что, наконецъ, я вступлю въ кругъ почтеннаго и добраго семейства, которое всегда благодарило ма-

тери моей и моему брату, и которое я самъ душевно любилъ, и, сообразивъ все это, я рѣшился, но рѣшенія моего не открылъ дядѣ. Поутру, когда лошади для нашего отъѣзда были готовы, я сталъ прощаться съ Ленковскимъ, и, когда онъ сталъ благословлять меня, я сказалъ: отецъ Протоіерей! благословите меня не какъ отъѣзжающаго гостя вашего, а какъ человѣка, который просить у васъ и супруги вашей руки вашей дочери, если дочь ваша охотно отдастъ мнѣ свою руку. Ленковскіе стали обнимать меня. Я пошелъ къ находившейся при этомъ въ другой комнатѣ дочери ихъ, Варварѣ Степановнѣ, просилъ ея руки и, получивъ ее, спросилъ: будетъ-ли она довольна тѣмъ положеніемъ, въ какое она вступаетъ, сдѣлавшись моей женой, при моемъ небогатомъ жалованьи, и не будетъ ли она раскаяваться, когда увидитъ себя въ бѣдной обстановкѣ. Она твердо объявила, что готова раздѣлять судьбу мою, какова-бы она ни была, и что родители ея никогда не оставятъ насъ своимъ пособіемъ. Въ тотъ-же день я отправился въ Лисконоги испросить у матери моей благословенія. По возвращеніи моемъ, Ленковскій, для большаго скрѣпленія нашего согласія, формально совершилъ надо мной и дочерью его обрядъ обрученія, и я поѣхалъ въ Черниговъ уже женихомъ съ кольцомъ на рукѣ.

Съ наступленіемъ каникулъ я вмѣстѣ съ братомъ и товарищемъ моимъ Охотинымъ въ присланномъ Ленковскимъ экипажѣ прибылъ прямо въ домъ моей невѣсты, а 22-го Іюля, въ день Маріи Магдалины, я былъ съ нею обвѣнчанъ въ Соборной церкви дядею моимъ Симеономъ Калиновскимъ; Охотинъ былъ моимъ шаферомъ. Итакъ, исполнилась и послѣдняя часть сдѣланнаго мнѣ въ Петербургѣ предсказанія. Благодарю Господа Бога, что онъ такъ устроилъ судьбу мою: 30 лѣтъ я прожилъ съ женой моей въ мирѣ, любви и согласіи, имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ которыхъ два сына, получивъ высшее образованіе, состояли на службѣ. Что касается до родителей ея, то скажу чистосердечно, что они любили меня, какъ роднаго своего сына, и помогали мнѣ съ женой моею всѣмъ, чѣмъ могли, даже и тогда, когда мы не нуждались въ ихъ помощи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ПОПОКЪ“.

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ.

I.

„Попкомъ“ прозвали его еще съ молоду, когда онъ еще былъ подросткомъ, и съ тѣхъ поръ никто иначе и не называлъ его, хотя ихъ семья называлась Самченки. Жили они бѣдно. Отецъ его, женившись, сейчасъ же отдѣлился отъ семьи; пошли дѣти, да на бѣду еще все дѣвки, кромѣ Хведька. Туговато ему приходилось кормить эту семью: еле-еле бывало сведетъ концы съ концами. Зимой зарабатывалъ на пристани при постройкѣ барокъ, а весною спускался съ этими же барками внизъ по Дону въ Ростовъ и все лѣто плавалъ по Дону вверхъ до Калача на пароходѣ и изъ Калача внизъ до Ростова на плоткахъ. Но, что бывало заработаетъ за лѣто, все это проѣдалось за зиму. Съ надѣльныхъ 7-ми десятинь плохой, выпаханной и мѣловой земли, хлѣба у нихъ рѣдко хватало до филипповскихъ заговѣвъ, а затѣмъ приходилось его покупать; на это уходили заработки какъ барочныя самого отца, такъ и добытыя дочерьми на полкѣ свеклы и бакчей, равно и жалованье Хведька съ той поры, когда его наняли въ „погоньчи“ къ богатому своему слобожанину.

Тогда то его, еще подростка, и *продразнили* Попкомъ.

Гналъ онъ воловъ на ночное пастбище. „Улиця“ гудѣла около воротъ „Кучерки“: слышались пѣсни и *реготъ*; въ вечернихъ сумеркахъ виднѣлась кучка молодежи. Хведько, одѣтый въ

длинную, по пятки, черкеску съ хозяйскаго плеча, остановился возлѣ угловой хаты стараго Гапона, желая посмотрѣть на подходившую по улицѣ молодежь. Впереди всей гурьбы шла Галька Джерегеливна съ обнявшимъ ее за шею Семеномъ Скиданенкомъ. Замѣтивъ впереди себя фигуру Хведька въ длиннополой одежѣ, эта пара быстро разошлась.

— Цытте! онде пипъ!—зашушукали Семень и Галька.

Голоса смолкли, и всл *челядь*, остепенившись, молча продолжала путь, обминая длиннополоую фигуру. Но вотъ кто то разсмотрѣлъ Хведька и окликнулъ его. Ошибка высленилась, всѣ обступили его...

— Пипъ! Пипъ стойть!

А це зовсимъ не пипъ, а попокъ—объяснялъ окликнувшій Хведька. Обступившіе его смѣялись, дергали за длинные полы черкески, повторяя: „Попокъ! Попокъ!“

Сконфуженный Хведько, подбирая полы, поторопился за ушедшими впередъ волами. Его провожалъ веселый смѣхъ и навсегда прилипшая къ нему клочка „Попокъ“.

Вѣчно въ работѣ и заботѣ, съ отроческаго возраста въ наймитахъ, Хведько былъ всегда какой то хмурый, неразговорчивый. Необщительный, всегда задумчивый, онъ какъ-то весь ушелъ въ себя. Его молчаливость и особая какая то серьезность рѣзко выдѣляли его посреди сельской молодежи. Парубки бывало соберутся гурьбою съ гармоніями, пѣснями и съ присвистомъ идутъ по селу, а Хведько, какъ бы нехотя, плетется за ними молча, безъ свисту и пѣсни. Его товарищи по службѣ (онъ парубкомъ попалъ въ экономію въ сроковые лѣтніе рабочіе) вечеромъ, покончивши работу, повечерявъ въ артели и устроивъ очередныхъ къ ночной настѣбѣ быковъ, сей-часъ же отправляются, бывало, къ ближайшему куреню, въ которомъ помѣщались полольщицы свежлы экономическихъ плантацій, и тамъ проводятъ почти на пролетъ короткую лѣтнюю ночь въ играхъ и пѣніи; а онъ никогда, сколько его ни звали, не шелъ съ ними, но или завалится спать на кошу, или за тѣхъ же товарищей всю ночь просторожитъ воловъ на настѣбѣ.

Изо всей этой возни, гаму, визгу, гульбищнаго шуму молодежи Хведьку нравилось только одно—пѣсни. Онѣ только и

привлекали его къ молодежи, обращали его вниманіе. Какъ въ ту ночь, когда его, заслушавшагося пѣсенъ, молодежь прозвала „Попкомъ“, такъ и всегда онъ подкрадывался къ поющимъ и, столъ никѣмъ не замѣченный, упивался звуками пѣсни, мало вникая даже въ смыслъ словъ и не обращая вниманія на то, кто именно поеть и что поеть. Опершись на *кіекъ*¹⁾, онъ не разъ стоялъ и слушалъ доносящіеся до него отъ куреня голоса поющихъ и упивался этою далекою пѣснею.

Стройный и красивый, онъ терялъ много, благодаря отсутствію въ себѣ малѣйшаго желанія пофрантить, показать себя и свою удалъ. 19-тилѣтній парубокъ, женихъ по мѣстнымъ обычаямъ, онъ не зналъ ни *юлицы* ни *досвитокъ*²⁾, и молодежь даже какъ бы забыла про него. Товарищи привыкли, по пословицѣ „кто везетъ того и погоняютъ“, сваливать на него всякое дѣло, дивчата, зная его безответность, при встрѣчѣ съ нимъ или дразнили его „Попокъ, Попокъ“ или *копылымы*, что называется, передъ нимъ губу, не считая его въ числѣ возможныхъ ухаживателей и кавалеровъ. Замѣтивъ его высокую спокойно стоящую въ сторонѣ фигуру, дивчата начинали надъ нимъ подшучивать. Цытьте! цытьте лышень — онде пипъ стоять; или толкали по направленію къ нему одна другую, со смѣхомъ повторяя:—иды пидъ благословення! руку поцилуй! А онъ бывало только отворотится сконфуженный и отойдетъ подалше.

Особенно донимала его Мелашка Коткова. Она была его недалекая сосѣдка, „зъ одного“ съ нимъ „кутка“, и потому отъ нея трудно было ему даже спрятаться. Какъ только выткнется со двора, такъ ужъ тутъ и Мелашка съ ея бойкою походкою, веселымъ смѣхомъ и подтруниваніемъ. Да хоть бы сама, а то къ ея двору всегда сбѣгались ея подруги и хлопцы, и тутъ же вѣчно устраивалась *юлиця*. Хоть и носа не вытыкай за ворота. Одно хорошо—это то, что, не выходя со двора, можно было всласть послушаться пѣнія. И это удовольствіе давалось ему въ рѣдкія минуты побывки дома.

¹⁾ „Кіекъ“—дубинка, длинная палка, которую берутъ съ собою пастухи.

²⁾ *Юлиця* лѣтвіа, *досвитки* зимнія сборища молодежи.

Къ зимѣ Хведько, отслуживъ срокъ въ экономіи, зажилъ дома. Юлыя перестала собираться около ихъ двора, и дивчата теперь сумерками сбѣгались на льду за огородами, гдѣ *ковзались*, а иногда и запѣвали одинъ, два куплета пѣсни. Вечера же проводили на *попрядкахъ*, куда Хведько не ходилъ.

Съ Николина дня онъ нанялся опять въ экономію; возилъ съ винокуреннаго завода барду, а съ токовъ — солому быкамъ. Прошли филипповки, насталъ мясоѣдъ, святки, свадьбы. Мимо Хведька, вѣчно занятаго возкою соломы и барды, залѣпленнаго этою же бардою, прошло много *весильныхъ* поѣздовъ съ дружками и боярами, пронеслись тройки поѣзжанъ съ разукрашенными дугами и съ колокольчиками, а онъ все таки остался внѣ всего этого веселья слободы. На ихъ *кутку* слободы вся бывшая на возрастѣ молодежь пережилась. Остались только изъ ихъ поколѣнія онъ да Мелашка, и общее мнѣніе, высказывавшееся съ деревенскою простотою, безцеремонно, признавало Хведька и Мелашку женихомъ и невѣстою.

Но вотъ и на постъ заговѣли, снѣгъ сошелъ, ледъ на рѣкѣ растаялъ и смылъ *крыюю*; сбѣжали рѣки Дономъ въ море, и къ Пасхѣ набрякли почки деревъ, зазеленѣли травы... винокурня стала, и Хведько опять попалъ въ число экономическихъ сроковыхъ рабочихъ *воловиковъ*, опять очутился въ степи, на вспаханной нивѣ за плугомъ.

„Гей, гей! Цобъ, цобе!“ разносилось по полю; щелкали кнуты, посвистывали погоньчи, высоко въ синевѣ неба курлыкали журавли, и звенѣли трели жаворонка, заливались соловьи въ терновой балкѣ... ..

II.

Прикащикъ *Оныстратовичъ*, пріѣзжавшій осмотрѣть пахоту въ субботу, приказалъ Хведьку къ *обидамъ* пригнать въ экономію три пары воловъ въ ярмахъ, чтобы забрать тамъ возы съ мѣшками сѣмянъ для посѣва и катки для укатыванія свекловицы.

Это было для Хведька кстати: можно будет понавѣдаться домой и переодѣть заношенное бѣлье. А потому онъ, какъ только пообсохла роса, прямо отъ водопоя погнался съ быками въ слободу.

Волы въ ярмахъ и налыгачахъ шли парами, подымая пыль по сухой дорогѣ; къ ярму послѣдней пары былъ привязанъ халатъ Хведька, который шелъ сзади, сбивал на ходу пушокъ съ отцвѣтшихъ головокъ горчицвѣту батогомъ.

Слышно было, какъ въ слободѣ перезвонили на *Достойну*. Яркую зеленью виднѣлись всходы яровыхъ посѣвовъ, и густымъ волнующимся ковромъ стлалась уже заострившаяся рожь, черезъ которую полоскою тянулась дорога. Вотъ уже показались вѣтряки на той сторонѣ рѣчки въ Бемовкѣ; вотъ уже видны зеленыя верхушки Андреевской балки, а далѣе и вся широкая долина Осередья, со всѣми слободами, церквами и заводами, близкими и далекими левадами и плесами, раскинулась подъ горою, уходя въ синѣющую даль на сѣверовостокъ.

Волы потянулись къ кустамъ и, неловко пригинаясь, хватали нѣжную траву на опушкѣ лѣска въ вершинѣ Андреевской балки; въ кустахъ чирикали птички; гдѣ-то внизу флейтою засвистѣла иволга, кукушка отозвалась въ вербахъ левадныхъ...

Бодро и радостно послѣшавшему домой Хведьку чего то вдругъ взгрустнулось, и онъ, не мѣшая воламъ пощипывать траву, склонивъ голову, ползлся тихо по опушкѣ.

— А Поп... Хведько...!—вдругъ услыхалъ онъ, и передъ его задумавшейся особой предстала Меланка, сіяющая новой *кумачной парой*¹⁾, во франтовски вывязанномъ платкѣ на головѣ, изъ подъ котораго на спину выпущена была толстая коса. *Лентари*²⁾ и большой серебряный хрестъ съ разноцвѣтными камнями (разумѣется стеклянными) такъ и сіяли на ея тяжело дышащей груди: видно, она шибко шла на гору.

— Це ты у слободу?

— Аже бачь...

¹⁾ „Пара“— юбка и кофта.

²⁾ „Лентари“—янтари.

— А я оце бижу на Лыпивъ хуторъ до бакчевника за гришмы—какъ бы извиняясь за встрѣчу, сказала Мелашка..

— „Дивчатъ не стривавъ?...—почти уже совсѣмъ тихо спросила она его.

— Ни, не стривавъ.—И ему вдругъ стало страшно встрѣтить дивчатъ: у него съ этой встрѣчей соединялось опасеніе вѣчныхъ шуточекъ, этой влички „Попокъ“, между тѣмъ какъ ему теперь пріятно стоять съ Мелашкой, сіяющей въ этомъ солнечномъ днѣ своею красою и яркостью платья. Никогда до сихъ поръ не приходилось ему видѣть ее такою красивою и тихою. Ему такъ покойно, хорошо съ нею. И онъ молча смотрѣлъ на нее, любовался.

Молчаніе становилось неловкимъ; бойкая всегда Мелашка почему-то была сконфужена этимъ упорнымъ взглядомъ его карихъ очей, замылась...

— Ну, бувай здоровъ! треба постыгать за дивчатами!.. прервала неловкость положенія Мелашка и тронулась въ путь.

— Будь здорова!—какъ эхо повторилъ Хведько, отстранился, давая дорогу дивчинѣ и поворачиваясь всѣмъ корпусомъ вслѣдъ за нею

— Выходъ на юлицю!—оправившись отъ замѣпательства и оглянувшись сказала Мелашка: Хведько, ничего не отвѣтивъ, смотрѣлъ въ слѣдъ уходящей и вскорѣ звонко запѣвшей дѣвушкѣ. Такъ онъ стоялъ, пока со стороны слободы не послышались голоса и смѣхъ цѣлой гурьбы дѣвокъ, поднявшихся на гору.

„Попокъ, Попокъ!“—весело зазвенѣли голоса дивчатъ: Цежь твои вола у пшепыци... Бижи... Переймай!“—смѣялись онѣ, и Хведько кинулся за волами.

Встрѣча съ Мелашкой какъ бы подбодрила Хведька. Однообразіе вѣчной работы, заботъ о харчахъ и нуждахъ семьи вдругъ отошло на второй планъ, и его жизнь какъ бы заузорилаь чѣмъ то новымъ, небывалымъ въ ней.

Забѣжавъ домой, онъ переодѣлъ рубаху и, что прежде рѣдко и по настоянію матери дѣлалъ, самъ надумался расчесать всклокоченные волосы. Наскоро пообѣдавъ, онъ побѣжалъ въ экономію, поглядѣвъ съ небывалою завистью во слѣдъ про-

ходившей по улицѣ компаніи парубковъ, разухабисто подпѣвавшихъ подъ гармонію. Смазывая возы, Хведько заботливо смазаль квачемъ и свои заскорузлые чоботы, чего прежде онъ не дѣлалъ безъ чьего либо напоминанья. Мелашка нѣсколько разъ мимо-вольно припоминалась ему, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее видѣлъ при послѣдней встрѣчѣ.— Не та прежняя, надѣдавшая ему не хуже другихъ, бойкая Мелашка, а застѣнчивая, съ оборвавшимся недовыкрикнутымъ словомъ „Поп...“ на губахъ.

Онъ зналъ, что всѣ его сверстники знаютъ съ дивчатами, выдаются съ ними на юлицѣ и зимою на досвіткахъ. Нѣсколько паръ онъ зналъ пережившихся даже, и самъ не отказывался отъ этого традиціоннаго пути сближенія съ дѣвушками. Напротивъ, этотъ способъ сближенія и для себя онъ считалъ необходимымъ, зналъ, что когда то и ему неминуемо придется быть однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ *юлицы* и *досвитокъ*, а послѣ и всей церемоніи свадебной. Зналъ онъ все это, но по сую пору за работой и заботой не пришлось ему еще приступать ко всему этому, а тѣмъ паче никогда не приходило ему въ голову представлять себя въ этихъ роляхъ, да еще и совмѣстно съ Мелашкой.

А тутъ вдругъ такъ ясно ему стало, что никто иной не можетъ быть ни его дивчиною, ни невѣстою, кромѣ Мелашки. Это сопоставленіе себя и Мелашки въ роляхъ парубка и дивки, жениха и невѣсты, было такъ неотразимо естественно, что Хведько только какъ бы припомнилъ обязательное для него, но неисполненное еще дѣло. Но только обязательность этого дѣла исходила теперь не извнѣ, какъ всякое другое, ведомое имъ по сую пору дѣло, а явилась какъ бы результатомъ какого то приглашенія личнаго со сложившимися обстоятельствами.

Все это, разумѣется, не такъ резюмируемое, но совершенно такъ въ общемъ смыслѣ сознаваемое, передумано было Хведькомъ въ этотъ день и не только не мѣшало ему дѣлать дѣло, но напротивъ какъ то подбодряло его.

Только послѣ *полудня* успѣлъ онъ навалить катки и мѣшки сѣмянъ на возы: не было ключника, занятаго чѣмъ то въ конторѣ.

По слободѣ подь хатами то тамъ, то сямъ видѣлись кучки бабъ и мужиковъ; хлопцы рѣзвились по уличной пыли, изъ садковъ доносилось пѣніе; около волости толкался народъ... Проѣхалъ онъ плотину, казенный мостъ, опустѣлую уже, но еще воняющую бардою, винокурню и сталъ подыматься на гору. Пришлось слѣзть съ воза и идя подгонять всѣ три пары. Опять онъ одинъ—и мысль его опять вернулась къ образу Мелашки, опять она стала въ его памяти въ такомъ видѣ, какою онъ видѣлъ ее сегодня утромъ, такую, какою онъ никогда еще не видалъ ея.

И вдругъ изъ-за опушки лѣса сразу слышались зычныя ноты пѣсни въ нѣсколько голосовъ, изъ хора коихъ отчетливо выдѣлялся голосъ Мелашки. На зеленомъ фонѣ листвы лѣса пестрымъ букетомъ вырисовалась группа дивчатъ въ яркихъ костюмахъ, не спѣша идущихъ на встрѣчу Хведьку.

Опять восклицанія—„Попоекъ! Попоекъ!“—и дивчата окружили его, бессознательно остановившаго быковъ. Такъ какъ собственно говоря, не было никакой причины этой остановки, то вышло что-то неловкое: одна изъ дивчатъ спросила, что и куда везетъ онъ, какъ будто это ей было и не видно, и Хведько тоже въ свою очередь спросилъ, не отъ бакчевника-ли онъ идетъ. Кто то изъ дивчатъ пощупалъ мѣшокъ на возѣ, другія какъ диковинку разсматривали катки. Одна Мелашка стояла позади всѣхъ и, какъ бы досадуя на остановку, понукала дивчаты идти домой.

— Та ну ходимъ, а то вже не рано! Тамъ вже мабудь збираються на бураки на Иржавецъ. Ходимте!—

— Посидаймо на возы, такъ Хведько и завезе насъ—отозвался кто то, и встрѣтившіеся разошлись. Хведько тронулъ быковъ, и дивчата стали спускаться съ горы, не продолжая пѣть, такъ какъ въ слободѣ заблаговѣстили къ вечернѣ.

III.

На другой день при работѣ Хведько слышалъ разговоръ своихъ товарищей, провозившихся всю ночь напролетъ на току,

гдѣ былъ и курень для полольщицъ,—разговоръ о томъ, кто тамъ былъ изъ дивчатъ, но о Мелашкѣ не было помину, и потому онъ удивился, услыхавъ какъ будто Мелашкинъ голосъ въ хорѣ дивчатъ вечеромъ. Онъ нарочно подогнался съ волами—это была его очередь—на сколько можно поближе къ току; но знакомый голосъ болѣе не повторился, хотя пѣсни не умолкали далеко за полночь.

Подъ эти пѣсни Хведько и заснулъ, и хотя спалъ онъ сидя, но когда проснулся, то уже совсѣмъ разсвѣло. Быки облеглись и, сопя, пережевывали жвачку. На току было совершенно тихо; недалеко попрыгивала спутанная лошадь объѣздчика. Надъ рѣкой стлался молочный туманъ....

Хведько отправился къ куреню, гдѣ, зачерпнувъ корцемъ воды, умылся и, обтершись рукавомъ сорочки, сталъ молиться на свѣтлѣющей востокъ.

Покончивъ короткую молитву, онъ повернулся, чтобы идти къ быкамъ, и какъ разъ уперся глазами въ стоявшую передъ нимъ Мелашку.

— Це ты рано!—первая заговорила она.

— Та я тутъ зъ волами...

— Казавъ Мыкыта—я пытала. А въ недилю чомъ не прыходывъ сюды? Хлонци уси булы.--

— А хибажъ я знавъ, що й ты тутъ!—

— А я жъ тоби казала.

— Колы?—

А оттоди, якъ зустрілися надъ балкою, якъ ты визъ катки....

— Та я жъ ничого не чувъ...

— Отъ ще й не чувъ! Адже ты чувъ, що я казала дивчатамъ, що пора збираться на буряки на Иржавецъ.

— У—гмъ! А я й байдуже....

Мелашка ближе подошла къ Хведьку. Онъ стоялъ передъ нею безъ шапки, которая осталась на колесѣ водовозной тачки, гдѣ онъ умывался. Мокрые концы примоченнаго умываньемъ чуба прилипли къ загорѣлому лбу; его загорѣлая шея была еще темнѣе, отгѣняясь отъ бѣлаго еще не успѣвшего запачкаться

ворота сорочки. Его молодое, безусое лицо дышало свѣжестью и силою, каріе глаза впились въ Мелашку, въ свою очередь оставившуюся очами въ него...

Обоимъ имъ стало какъ бы холодно, дрожь прошла по спинамъ—Мелашка оглянулась и шопотомъ, приближая лицо свое поближе къ лицу Хведька, сказала...

— Приходи у вечера на тикъ сюда. Прийдешь?!... Протянула она и потрясла его за руку повыше локтя!

— Ну, ну... отвѣтилъ Хведько и, взявъ шапку и халатъ, пошелъ къ быкамъ, уже поднявшимся и разбрѣдшимся по пастбищу.

Мелашка подошла къ дверямъ куреня, оглянулась на уходящаго Хведька, закинула за затылокъ обѣ руки и потянулась во весь ростъ, выпячивая высокую грудь.

— Ростешъ доню?!..—отозвалась изъ кучи тѣлъ въ куренѣ проснувшаяся солдатка Орышка. Мелашка не отвѣтила ничего, а упала между двухъ крайнихъ тѣлъ и моментально заснула. Она уже не слышала, какъ Орышка сама отвѣтила на ея же заданный вопросъ, обычнымъ поговорочнымъ отвѣтомъ: „Брешешь мамо, замужь хочю:“ она всю ночь до того времени не спала—Хведька ожидала, который:

- „ Тоди не прійшовъ
- „ Коли мисяць зійшовъ ..
- „ Тоди его прывнесло,
- „ Коли сонце зійшло...

IV.

Вечеръ. На току только что окончили вечерю—поѣли кулишъ; но никто еще не укладывался спать. Поле оглашалось боемъ перепеловъ, съ озера доносилось кваканье лягушекъ съ дерчаньемъ коростеля. Отъ угасающаго костра у воловиковъ дымъ стлался по кочкарнику, гдѣ паслись волю. Тамъ же, въ сторонѣ воловъ, слышалась игра сопилки.—Всѣ знали, что это играетъ одинъ изъ погоничей, подростокъ Гнатко Бульченко. На току дивчата и не думали укладываться спать. За рѣкой

на чьей то бакчѣ послышалось визгливое, нескладное пѣніе полльщиць— „московокъ“.

— А цытѣте лышень: онѣ чуе, московкы „пѣсни зам-рами“—отозвалась одна изъ дивчатъ.

— Та ни! То щось немазанымъ возомъ йде..

— Возомъ немазанымъ!.. Осѣ прислухайтесь, це десь поросята кувикають... такъ смѣялись дивчата.

— А вы отъ що: якѣ оце прислухуваться та глузувать, такъ лучше сами заспивайте!—порѣшила одна изъ молодыць, окончившая молиться и укладывавшаяся около куреня.

Дивчата немного помылись, по вскорѣ кто то изъ нихъ какъ бы про себя замужикалъ вошедшую въ ту пору въ моду пѣсню.—

„Ой упавъ снижокъ, та на батькивъ садѣ

„Побывъ дерево—красне яблочко..

Другія подхватили—и уже второй куплетъ

„Хылясь дерево, куды хыляшся—

„Котысь яблочко, куды котышся.—

былъ подхваченъ почти всею компанією, и пѣсня полилась высокими переливами съ обычнымъ вытягиваніемъ послѣдней высокой ноты.

Разъ начатое пѣніе не умолкало далеко за полночь, оглашая степь и эхомъ отбиваясь въ крутыхъ берегахъ Осереды. Одна пѣсня смѣнялась другою у дивчатъ, сидѣвшихъ тѣсною кучкою сбоку куреня.—

„Ой оце жѣ будутъ моя бсаре!

„Я—жѣ, я—жѣ, я—жѣ молодець,

„Тыхый переборецъ!

Я—жѣ молодець! Я жѣ молодець!

звучала веснянка монотонно, какъ вдругъ послѣднія слова повторились мужскими голосами, и къ кучкѣ дивчатъ подсѣли три парня, изъ коихъ одинъ повторилъ, обнимая двухъ дивчатъ, слова пѣсни „я—жѣ молодець“.

Его съ хохотомъ оттолкнули, но онѣ, ничто-же сумняся, опять сѣлъ въ кружокъ. Прерванная на минуту хохотомъ пѣсня послѣ упрека какой то дивчины— „якъ спивать, такъ спивать“, опять продолжалась.

Между пришедшими Хведька не было. Онъ и пошелъ было, но не могъ преодолѣть конфузливости и остановился неподалеку отъ куреня, невидный компаніи, припалъ къ землѣ и лежа слушалъ пѣніе.

Мелашка, ужъ не первый годъ знакомая съ обычаями молодежи, знала, что Хведько не можетъ такъ сразу явиться въ кружокъ дивчатъ, но почему то знала, что онъ тутъ гдѣ-то недалеко. Одинъ изъ присоединившихся къ компаніи парубковъ толкнулъ ее подъ бокъ и хотѣлъ было обнять, но она шлепнула его по спинѣ и отбѣжала въ сторону, присмотрѣлась въ степь и замѣтила припавшую къ землѣ фигуру, подошла ближе и тихо, чтобы не слышно было другимъ, спросила.

— „Ще ты?..“

— „Я—отвѣтилъ Хведько, приподымаясь съ земли.“

Мелашка подошла къ нему и сѣла рядомъ.

— А я вже думала—не прійдешь.—

Онъ ничего не отвѣчалъ, а только поправился на мѣстѣ.

— Ходимъ туды до гурту—опять сказала Мелашка.

Ни, я туды не пійду—отвѣтилъ Хведько и, взявъ ее за руку, потянулъ къ себѣ.

— Ого якый дужый—дергая руку, сказала Мелашка, но, будучи потянута еще сильнѣе, упала и свалила Хведька. Онъ сильно стиснулъ ее руками и, сконфузившись, какъ бы оттолкнулъ отъ себя и опять сѣлъ.

— Ой це такъ и ребра поламаешь! Такъ не тр. ба, а давай отъ-такъ сядемо до ладу! сказала она и примостилась около него вплотную, Оттакъ и сыды! прибавила она, прижимаясь къ нему и складывая его руки: оттакъ вумныкъ-разумнычокъ будешь!—

— Хибажъ такъ гуляють на юлыци?—спросилъ Хведько, которому самому еще никогда не приходилось участвовать въ этихъ гульбищахъ.

— А тожъ якъ?! Такъ.—

— А я бачывъ не такъ. Онъ Семень зъ Галькою такъ обнимаются.

— Та тожъ Семень зъ Галькою, а то мы зъ тобою. Семень не ламае ребра ій.—

— А я хіба тоби поламавъ? Я не буду...

— То то—не буду, а ты оттакъ полегше обнимай—показала Мелашка, обнимая его и залоскотала.

Хведько чуть было не крикнулъ, но удержался, такъ какъ все время они говорили тихо, и, опять обхвативъ Мелашку, прижалъ къ себѣ. Она не сопротивлялась, и даже голову склонила ему на плечо, а когда Хведько сказалъ: „оттакъ обнимаются на юлыци“, то Мелашка, понизивъ голосъ до шопота, добавила: — А оттакъ цілуются! — и обнявши его за шею, впилась своими устами въ его уста.

Такъ обнявшись, они молча, въ какомъ то сладостномъ оцѣпенѣніи, долго сидѣли на одномъ мѣстѣ. Пѣсни смолкли; слышался смѣхъ и говоръ; опять зазвучала пѣсня: какая то пара обнявшись прошмыгнула въ темнотѣ мимо нихъ; слышалось ворчаніе проѣхавшаго объѣздчика, спутывавшаго неподалеку отъ нихъ лошадей; наконецъ и пѣніе ослабѣло, а они все еще сидѣли прижавшись другъ къ другу и молчали. Ихъ души были полны восторга и страсти. Мелашка, бывшая уже на *юлыци* и *досвіткахъ*, по сю пору еще не встрѣтила того, кого бы могла полюбить. Хведько впервые въ жизни былъ въ такомъ сближеніи съ женщиной и оочпательно одурѣлъ отъ неиспытаннаго еще никогда прилива страсти. Уже забѣлѣло небо на востокѣ, отозвался перенелъ въ травѣ, соловей замолкъ; предразсвѣтная свѣжесть повѣяла, и влюбленной парѣ пришлось разстаться. Мелашка уходя сказала:—приходь въ вечери!—

V

Чуткая ко всему челядь сейчасъ же узнала, что Хведько съ Мелашкою *спарувались*, и во всемъ этомъ всѣ видѣли обыкновенное дѣло: всѣ поняли, почему она была все время съ утра въ особенно пѣвучемъ настроеніи, пока послѣ обѣда не свалилась спать въ куренѣ, какъ мертвая. Товарищи его, парубки-воловики, точно такъ-же понимали особенную его задумчивость, хотя и не въ обычной его суровости, съ отгѣнкомъ мечтательности.

Такъ какъ привезенныхъ катковъ не стало на всѣхъ воловъ, и пришлось раздѣлить супряги плуговъ, то приказчикъ Онистратовичъ съ обѣда велѣлъ Хведьку ѣхать на Гадючий хуторъ за катками, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно къ ночи поспѣть обратно.

Когда Хведько уже запрегъ воловъ и готовъ былъ тронуться въ путь, къ нему подошелъ одинъ изъ товарищей и, кинувъ въ возъ чѣмъ-то до половины набитый мѣшокъ, сказалъ:

— Оце завезы заразь по дорози у слободи Жердеву (кабатчику) та у него визьмешъ пляшку горилки, такъ мы й выпьемъ могорычи за тебе, за те, що ты зъ нами ставъ ходыты до дивчатъ. Скажы, що я приславъ, нехай тамъ и мѣшокъ!

Это былъ именно тотъ воловикъ парубокъ, который первый подсѣлъ вечеромъ къ поющимъ дивчатамъ со словами „я жъ молодець“. Звали его Петро Цюпа. Онъ былъ верховодомъ первымъ по лѣтамъ, такъ какъ ему уже было 23 года, что въ селѣ означаетъ *перестарка*. Не женился онъ по сию пору потому, что гдѣ-то таскался года два на низахъ (въ землѣ войска Донского)—и вотъ только съ осени появился въ слободѣ, гдѣ и остался, нанявшись въ экономіи, по причинѣ невыдачи ему паспорта за неуплату числившейся на его семьѣ недоимки.

Неспавшій ночь Хведько, какъ только выѣхалъ отъ коша на дорогу, сейчасъ же, завалившись на возу, заснулъ мертвымъ сномъ. Не слыхалъ онъ, какъ проѣхалъ всю дорогу до слободы, не замѣтилъ, какъ старые вола сами сошли съ горы и, можетъ быть, проспалъ бы и слободу, но около моста проѣзжавшій ямщикъ стегнулъ его кнутомъ и тѣмъ разбудилъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что уже минулъ кабакъ Жердева, находившійся вправо отъ дороги подъ горою. Вспомнивъ порученіе, Хведько остановилъ воловъ, выдернулъ изъ ярма одну занозу, вслѣдствіе чего одинъ волъ распрегся и оба должны были стоять; схватилъ съ воза мѣшокъ и побѣжалъ въ кабакъ. Когда онъ подходилъ къ кабаку, его обогналъ экономическій кучеръ-наѣздникъ на дрожкахъ, запряженныхъ выѣзжавшимся рысистымъ жеребцомъ. Наѣздникъ Никитичъ, обгоняя, спросилъ его что-

то, чего онъ не равслышалъ за трескомъ дрожекъ, и, оглядываясь, побѣжалъ въ улицу.

Жердевъ посмотрѣлъ въ мѣшокъ, въ которомъ и Хведько только теперь увидѣлъ свекловичныя сѣмена, выслушалъ переданное ему Хведькомъ порученіе Петра и, спрятавъ присланное, сказалъ:

„Ну, чтожь! заѣдешь—возьмешь!“

Такъ-же скоро побѣжалъ Хведько къ возу, запрегъ быка и тронулся далѣе къ мосту, а за мостомъ черезъ слободу опять въ поле на Гадючку. Вспомнилась ему Мелашка, его обѣщаніе опять прійти къ куреню, и онъ весь предался сладостнымъ мечтамъ о предстоящемъ свиданіи.

Солнце уже садилось, когда онъ на обратномъ пути забѣжалъ къ Жердеву въ кабакъ и, взявъ бутылку водки, догналъ поднимавшихся на гору воловъ. На кошъ онъ поспѣлъ къ самой вечерѣ, за которой и была распита привезенная имъ и переданная Петру водка. Петро объяснилъ, что это могорычъ вступной Хведька.

Послѣ вечера, когда послышалось изъ куреня пѣніе, Хведько, Петро и другіе опять потянули туда, и опять та же упоительная ночь, то же пѣніе, то же сидѣніе обнявшись и тѣ же поцѣлуи. Но теперь ужъ Хведько былъ посмѣлѣе, и между нимъ и Мелашкой шла уже рѣчь о томъ, какъ онъ ее будетъ послѣ Покрова сватать. Опять они разошлись уже на разсвѣтѣ.

На другой день всѣ пары воловъ были употреблены на укатываніе посѣяннаго на прошлой недѣлѣ проса и подсѣянной свеклы, въ отдаленныхъ одинъ отъ другаго клинахъ и далеко отъ плугарскаго коша, устроеннаго при низинѣ возлѣ водопоя. Петро и Хведько были на разныхъ клинахъ.

Къ „сиданью“ воловики не сходились, а посылали на кошъ за хлѣбомъ. Вернувшійся съ коша погонычъ Илько рассказывалъ, что на кошу прикащикъ Онистратовичъ „за щось костьвъ дида Чумака! Усе казавъ про бурякове симья та про кабакъ“. Дѣдъ Чумака былъ старшимъ надъ воловиками, завѣдывалъ плугами и теперь оставался на кошу „де що полагають“.

Хведько хотя и слыхалъ разсказъ Илька, но мало обратилъ на это вниманія; хотя было и насторожилъ уши при сопоставленіи словъ „бурякове симья и кабакъ“, но замечтался о Мелашкѣ и забылъ про все это.

Къ обѣду всѣхъ быковъ согнали на лужокъ къ кошу, гдѣ дидь Чумакъ уже наварилъ каши. Не допуская до коша, къ Хведьку вышелъ навстрѣчу Петро и тихонько сказалъ.

— „Не признавайся!

— „У чому не признаваться?—спросилъ Хведько.

— Та про бурякове симья, що ты завизъ Жердеву. Хтось доказавъ. Кажы прямо, що ты не возывъ. Такъ и кажы, а то беда! Тамъ Онистратовичъ до мене присикався—такъ я жъ и не бувъ у слободи.....

Дидь Чумакъ былъ мраченъ и не подымалъ очей изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей.

Усѣлись обѣдать молча, чинно. Пообѣдали, помолились, и только тогда дидь Чумакъ приступилъ къ разспросу, при чемъ оказалось, что „хтось доказавъ“, что Хведько занесъ къ Жердеву въ кабакъ полмѣшка свекловичнаго сѣмени, что Онистратовичъ угрожалъ вычестъ изъ его жалованья какъ стоимость сѣмянъ, такъ и за мѣшокъ, котораго не оказалось, что за это онъ и самъ задастъ вору. Хведько слушалъ все это и вспомнилъ, какъ его еще ребенка съ другими мальчуганами угрожали наказать за кражу яблокъ изъ саду дьячка „Грыгоровича“, какъ были уже и розги принесены, но почему-то ихъ помиловали. При мысли о наказаніи и розгахъ ему стало очень неловко, подумалъ онъ, какъ это выйдетъ скверно въ глазахъ Мелашки; но наткнувшись въ мысляхъ на нее, онъ опять предался мечтамъ о ней, о ея къ нему любви и ласкѣ и такъ съ этими мечтами и заснулъ, раскинувшись на припекѣ, мертвецкимъ сномъ. Долго не могли его разбудить, равно какъ и другихъ его товарищей, также завалившихся наверстывать бессонную ноченьку.

Къ вечеру воловики замѣтили, что на кошъ проѣхала тройка волостныхъ лошадей „пошта зъ дзвонькомъ“, и въ тарантасѣ, кромѣ ямщика, сидѣло какое то сельское начальство.

Пригнавшіеся на кошь воловики застали тамъ сельскаго сотскаго Чупрыну съ экономическимъ писаремъ Штуромъ. Хведько почувалъ что то неладное; опять ему живо вспомнилась исторія съ дьячковыми яблоками. Оказалось, что только его и ожидали. Сейчасъ же сотскій приказалъ ему собираться и ѣхать съ ними въ слободу.

Въ слободѣ „пошта“ подкатила прямо къ волостному правленію, гдѣ уже при зажженной лампѣ сидѣли за столомъ старшина и волостной писарь; присутствовалъ и староста, присѣвшій на краю окованнаго сундука. Передъ старшиною стоялъ кабатчикъ Жердевъ, что то развязно доказывалъ.

— А ось и самый выноватчикъ—сказалъ старшина, строго смотря на введеннаго въ комнату Хведька.—Ты що жъ оце встройивъ?

Сконфуженный Хведько ничего не отвѣчалъ, а только поникнулъ головою.

— Га! Що жъ ты ничего не кажешь? Га! Розкажи, якъ ты симья буракове у кабакъ занисъ.—Що-жъ ты мовчышь? Га!

— А що жъ мени казать? хмуро буркнулъ Хведько—я ничего не знаю...

— Не знаешь? Отъ я тоби покажу „не знаю“—грозно произнесъ старшина и, поднявшись со стула, подошелъ къ оторопѣвшему Хведьку.

— Податей ниякъ зъ васъ не справышь, а якъ на горилку, такъ вы хотъ вградете, а добудете. Га!—и тутъ же съ размаху ударилъ его такъ, что онъ пошатнулся. Вслѣдъ за этимъ схватилъ одною рукою за чубъ, а другою взялъ палку и сталъ бить его по чемъ попало.

Хведько началъ было что-то говорить вродѣ „простить, помылуите, дядечку!—но вдругъ выпрямился во весь ростъ и, желая отстранить впутовавшагося въ его чубъ старшину, въ раздраженіи такъ толкнулъ его отъ себя, что онъ отлетѣлъ отъ него и чуть чуть было не ударился объ уголь стола, но былъ поддержанъ писаремъ. Присутствовавшіе при этой сценѣ сотскій и староста кинулись было къ Хведьку, но вся его рослая, сильная фигура, отпрянувшая къ стѣнѣ, со всклокоченными во-

лосами и со сверкающимъ злобнымъ взглядомъ, была такъ страшна и изступленна, что они, не подошедши къ нему, остановились.

Оправившійся и сконфуженный такимъ неожиданнымъ отпоромъ, поправшимъ его начальническое достоинство, старшина только и могъ сказать:

— Возьмите его въ рештанську! Я тебе задамъ, куды ѱ воронъ костей не заносытъ! Га! Такъ такъ то! Га! Возьмите! що-жь вы стоите!—Но сотскіе и староста не трѣгались, а изъ передней выглядывали только двѣ чумазы фizioноміи десятскихъ, мальчиковъ подростковъ, да протиснулся въ двери старикъ сторожь одноглазый *дидъ Смалко*.

Этотъ послѣдній спокойно подошелъ къ Хведьку и, тронувъ его за локоть, сказалъ:

— Иды, чога-жь ты стоишь? Ажежь кажуть тоби иды, такъ и иды!—

Отстранившійся было отъ прикосновенія Хведько, молча повиновался приказу дѣда и пошелъ за нимъ въ арестантскую, гдѣ дѣдъ и засунулъ его на задвижку.

Долго стоялъ онъ въ темной арестантской, не отходя отъ запертыхъ сзади его дверей въ какомъ то безчувственномъ состояніи, пока наконецъ не послышались за дверью голоса, и въ томъ числѣ голосъ старшины, приказывавшаго запереть замкомъ дверь арестантской.

— А завтра вы вже поранійше напишеть бумагу; якъ прійду, такъ заразъ прыкладу печать да ѱ до мирового его,— закончилъ распоряженія старшина, послѣ чего голоса утихли; только слышно было, какъ топтался по комнатѣ и сѣнямъ дидъ Смалко. Оцѣпенѣніе прошло, но въ тоже время Хведькомъ овладѣло чувство страха и опасенія чего то ужаснаго. Онъ сѣлъ на полъ въ какую то мягкую пыль и тутъ же свалился и заснулъ тревожнымъ сномъ.

Не спалось дома въ эту ночь Мелашкѣ. Изъ хлопцевъ, пораженныхъ арестомъ Хведька, никто не пришелъ къ куреню, но тѣмъ не менѣе полольщицы передавали одна другой новость о томъ, какъ *„хлопци попались у крадижци и какъ взопылы Попка и теперь его кудысь завдадутъ*. Мелашка ушла за курень

и тамъ, припавъ къ землѣ, горько рыдала, пока на разсвѣтѣ уже сонъ не сомкнулъ ея заплаканныхъ очей.

VI.

Рано утромъ дидъ Смалко разбудилъ Хведька, выпустилъ его умыться и, сунувъ краюху хлѣба со словами—на, поснидай! Чи й вечерявъ ще?—опять заперъ двери на замокъ. Хведько поѣлъ и сидѣлъ въ раздумьи. Тоска, боязнь чего то страшнаго, невѣдомаго настолько овладѣли имъ, что онъ готовъ былъ плакать. Ему казалось, что вотъ явится мировой судья, велитъ забить его въ кандалы и сейчасъ же пошлетъ въ Сибирь. Съ особенною горечью на душѣ вспомнилъ онъ Мелашку. Ему такъ было жалко и больно, что онъ всякій разъ гналъ отъ себя мысль о ней, которая мѣтъ-нѣтъ да и приливала къ памяти. Въ арестантской было видно, хотя и не было никакого окна: свѣтъ пробивался сквозь щели стѣны и дверей.

Заблаговѣстили въ Церкви. (По селамъ причтъ иногда берется *править сорокоуствъ*, и потому и въ будни идетъ богослуженіе). Хведько, выросшій, какъ въ пѣснѣ поется,—въ наймахъ въ неволи, мало былъ знакомъ съ набожностію. Изъ всего церковнаго обихода онъ только и зналъ названіе нѣкоторыхъ видовъ богослуженія—*обидня, заупрєня, вечерня, водохрєщи* да еще слыхалъ что то о *панихидкахъ, молебнѣ* и *окафистѣ*; но что это собственно такое, онъ не вѣдалъ и изъ молитвъ зналъ только „*Отче нашу*“. Такъ-же слабы были его понятія о вѣрѣ, о Богѣ, Сынѣ Божіемъ и святыхъ. Смѣшивая эти понятія въ одно что то высшее, всѣмъ распоряжающееся, онъ зналъ, что къ этому чему-то высшему всѣ обращаются съ моленіями, боятся Его. Онъ также Ему молился и также боялся и исполнялъ внушенные съ дѣтства обряды—постился, молился, крестился, когда было принято, говѣлъ великимъ постомъ, заговлялъ и разговлялся.

Благовѣстъ напомнилъ ему о Богѣ, который можетъ сдѣлать все, о чемъ Его попросятъ, можетъ выволить его изъ бѣды и возвратитъ его къ той, такъ розово развернувшейся въ

последніе дни, жизни. Подъ этимъ всёмъ онъ разумѣлъ сближеніе съ Мелашкою, но гналъ опять отъ себя эту, по его понятіямъ, все-таки грѣховную мысль. Вспомнивъ все это, онъ сталъ молиться. Молился онъ какъ умѣлъ: крестился и повторялъ „*Господи помилуй мене*, вызволь мене Боже! мылосердный!“ И эта простая, но искрѣненная молитва помогла ему: онъ заплакалъ, и слезы облегчили его печаль и тоску; на душѣ у него стало легче, явилась какая-то надежда на спасеніе отъ постигшей бѣды, надежда нерезюмированная и неопредѣленная но тѣмъ не менѣе облегчающая наличную скорбь.

Вскорѣ прибѣжала и мать его, узнавши отъ кого-то о постигшемъ сына несчастіи. Еще не дошла она къ волостному правленію, какъ уже слышно было ея причитываніе—*голосиння*.

— Ой лышечко жъ, ой нещасная та годыночка! Сыночку жъ ты мій, дытыпа моя!..

„*Тужыла*“ и причитывала старая Самчиха, сжимая руки, ломая пальцы или присѣдая и ударяя себя по колѣнамъ. Дидъ Смалько, выметавшій соръ въ волости, только крякнулъ и насупился, вышедши на крыльцо. Увидавъ дида, Самчиха перестала „*тужить*“, высморкалась въ подолъ юбки, поправила выбившіяся изъ-подъ очипка космы уже сѣдѣющихъ волосъ и остановилась около крыльца. Дидъ мрачно посмотрѣлъ на заплаканную бабу, жестомъ приказалъ ей идти въ сѣнцы и указалъ двери арестантской.

Самчиха подошла къ дверямъ всхлиывая, старалась подать рвущійся изъ дупи вопль, такъ какъ она считала неприличнымъ вопить въ волости. Хведько самъ окликнулъ ее:

— Се вы мамо?—

— Я! Хтожъ якъ не я!—отвѣтила всхлиывая она: Що жъ оце ты, сыну, наробывъ? за що жъ оце ця халена? Хоть бы батько бувъ дома, а то колы винъ вернетъся... Бидна жъ моя головонька...

Хведько счелъ нужнымъ ободрить мать и не умѣлъ. Онъ что то бурьнулъ, но старуха ничего не разслышала и опять началъ причитывать. Проснувшіеся десятники „*стойчики*“ участливо смотрѣли на нее изъ первой комнаты. Дидъ Смалько

съ напускною строгостію *загрюмавъ* на нихъ, приказывая сбѣгать по воду. Переставшая хныкать Самчиха старалась проныкнуть глазами въ щель дверей и наконецъ таки выслушала рассказъ Хведька о случившемся и сообразила, что главнымъ виновникомъ въ семъ дѣлѣ былъ Петро Цюпа, а еще большимъ кабатчикъ Жердевъ, а также и то, что такъ какъ украдены экономическія сѣмена, то и все дѣло въ рукахъ управляющаго экономіею. Поэтому она и рѣшилась сейчасъ же отправиться къ управляющему, или, какъ его всѣ хохлы въ той мѣстности называли, къ „Карло“.

Между тѣмъ въ волостное правленіе стало сходиться начальство: прежде всего пришелъ староста съ однимъ изъ сборщиковъ, послѣ явился сельскій писарекъ съ заспанными глазами и съ одутой послѣ бессонной ночи, проведенной гдѣ то на *юльци*, фізіономіей. Затѣмъ подошелъ почтосодержатель Толочекъ, вотъ уже нѣсколько дней добивающійся, что-бы ему отвели траву для лошадей. Староста, сборщикъ и почтарь толковали, не входя въ комнату. Послѣдній все толковалъ, что-бы ему отбили на Семенютиной балкѣ траву, а староста утверждалъ, что безъ общества онъ этого сдѣлать не можетъ, и какъ аргументъ ставилъ на видъ то обстоятельство, что если ему, почтарю, отвести траву такъ недалеко отъ слободы, то онъ тогда и пожарныхъ лошадей не будетъ держать при „*струментъ пожарномъ*“, а ему старостѣ за это нужно быть въ отвѣтѣ „якъ, бувае, кто набижить“ (понимай изъ начальства).

Подошелъ еще кто-то изъ селянъ съ бумагою, завернутою въ грязный ситцевый платокъ, послушалъ пререканій почтаря со старостою и пошелъ къ писарю.

Вскорѣ подошелъ и волостой писарь, а затѣмъ и старшина, какъ и подобаеть такому сановнику, неспѣшно, *зъ повагомъ*.

Подошедши къ крыльцу, онъ остановился и выслушалъ все тѣ же толки про траву въ Семенютиной балкѣ, и сейчасъ-же настойчивость почтаря охладилъ нотаціей.

— Ты отъ що Семеновычъ: про свое домагайся, а службы не забувай. У тебе й вчора не було коней побиля струменту и сѣгодня ихъ нема. Смотри ты въ мене, а то мени недовго й

оштрапувати тебе. Вчора ты одмовлявся тимъ, що у городъ йиздыли, та отъ ще зъ тією халепою возылись, а сёгодня по якій причыни нема коней! Га!—

— „Та це, Васыль Прокоповычъ, такъ трапылось, що, прызнаться, дома сина ни стеблыны, такъ погналы попасты хотъ трохы,—отвертывался почтарь, сразу заговорившій тономъ пониже.

Старшина пробурчалъ что-то въ родѣ „я ще й не те скажу“ и пошелъ въ комнату волостнаго правленія, гдѣ писарь уже разсматривалъ какія то бумагы. Вошедши въ присутственную комнату, старшина перекрестилси на образъ, поставилъ за выстуць грубки палку (*ципокъ*) и со словами „здравствуйте, почивалы соби въ добримъ здоровьи!“—подалъ писарю руку и усѣлся за столъ.

— Ну! що! есть яки бомагы? Га?

— Та бумагы тутъ сколько угодно; ихъ и не переберешъ всѣхъ—отвѣтилъ писарь, разсматривая лежавшія передъ нимъ бумагы.

— Я знаю, що ихъ не переберешъ, та я пытаю про таки, що треба пидпысовать, а усихъ...

— Да тутъ такія, текущія... вотъ донесеніе въ уѣздную управу о сусликахъ, вотъ объ отсылкѣ 7 р. 69 коп. за пересылку того бродяги Гнатенка, а вотъ еще о страховкѣ... Да еще про эту покражу вчерашнюю... нужно актъ дознанія подписать и отослать Мировому... А вотъ и Василій Фирсовичъ! Пожалуйте! Пошлите за соцкимъ,—вѣдь онъ былъ при обыскѣ, да за понятыми! Подписывайте пока!...

Старшина взялъ бумагу и началъ читать. Онъ не особенно хорошо разбиралъ писанное и потому читалъ вполголоса, повторяя нѣкоторыя слова по два раза. Тѣмъ временемъ явившійся Василь Фирсовичъ Штура съ писаремъ крутили папироски.

Наконецъ старшина одолѣлъ актъ и, уложивъ передъ собою бумагу, взялъ перо и сталъ пріискивать мѣсто подписи. Писарь, не довѣряя грамотности его, указалъ пальцемъ...

— Вотъ тутъ прописано „волостной старшина“, а вы пишете только „вѣди Чаплиевъ“, да не ведите къ низу...

Старшина нацарапалъ В. Чапліовъ, при чемъ послѣднія буквы по обычаю понизилъ. Писарь принялъ бумагу, но увидѣвъ слогъ *овз* улыбнулся и сказалъ:

— Вы пишете *естъ* съ точками, оно и выйдетъ Чапліевъ, а не Чапліовъ.

— Ну що-жъ и поправитъ не беда! Сами и поправте...

Писарь подаль еще двѣ, три бумаги для подписи, опять съ тѣмъ же указаніемъ мѣста, а самъ на бланкѣ бойкимъ почеркомъ сталъ строчить препроводительный рапортъ.

Затѣмъ актъ о кражѣ былъ подписанъ экономическимъ писаремъ, и вписаны были понятые, за которыхъ, встати сказать, неявившихся, какъ за неграмотныхъ, равно какъ и за сотскаго, подписался сельскій писарь; затѣмъ приложена печать, сдѣланъ конвертъ—и все это, будучи записано въ разносную книгу, вмѣстѣ съ арестантомъ сдано на руки сотскому для препровожденія къ Мировому Судѣ, живущему въ сосѣдней слободѣ.

Мрачно шелъ Хведько впереди нѣсколько съ умысломъ отстававшего сотскаго Пыльца Кардаша, украшеннаго *бляхой* и вооруженнаго *ципкомъ*. Совѣстно было несчастному арестанту и „очи зводить“ при встрѣчѣ съ людьми. Ему казалось, что всѣ, даже и дальніе проѣзжіе, знаютъ его вину и знаютъ, что его „завдадутъ кудысь ажъ у Сибирь“. Его такъ и подмывало дать стрелка въ сторону и ударить отъ сотскаго; но та-же совѣстливость удерживала его отъ этого: „Ну какъ таки я буду бѣжать? всѣ міромъ будутъ за мною гнаться, будутъ кричать: „ловы, ловы его, переймай!... Какъ таки такъ?!“

Такъ и дошли они до двора Мироваго Судьи, который ихъ встрѣтилъ выѣзжая куда то на бѣговыхъ дрожкахъ. Сотскій и Хведько сняли шапки, а судья окликнулъ ихъ только вопросомъ:

— Что? арестанта? Веди въ камеру!... и, тронувъ натянутыми возжами рослую красивую, сѣрую въ яблокахъ кобылу, покатылъ прямо на гору въ поле.

Въ камерѣ сотскій подаль пакетъ писемоводителю судьи и получилъ приказъ подождать.

Ворисъ Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Аки- мовича Солтановскаго. ¹⁾

Во всей системѣ переводныхъ, окончателныхъ и публичныхъ экзаменовъ имѣлась въ виду одна цѣль: всѣхъ перевести изъ класса въ классъ; всѣхъ учениковъ 7-го класса снабдить аттестатами. Въ иномъ только классѣ, въ видѣ исключенія, оставлялся на второй и даже третій годъ какой-нибудь бѣднякъ русскій, православный, за неуспѣшность, въ главномъ предметѣ преподаванія—языкѣ польскомъ и въ польской литературѣ. Не говоря уже о продѣлкахъ съ билетами, ученику предоставлялось право: прежде чѣмъ станетъ отвѣчать на вопросъ билета, просмотрѣть по тетрадкѣ или книгѣ. Не готовя цѣлый годъ уроковъ, ученикъ съ хорошей памятью, прочитавши раза два по тетрадкѣ вышедшій ему билетъ, могъ отвѣтить безукоризненно. По математикѣ назначались только тѣ задачи, которыя были рѣшаемы въ теченіе года, да и то отвѣчали на нихъ по билетамъ съ предварительнымъ просмотромъ тетрадокъ. Ученики, квартировавшіе у учителей, знали впередъ, гдѣ отыскать билетикъ, на который они могли отвѣтить удовлетворительно. Бойкіе ученики, подходя къ экзаменаторамъ, держали между пальцевъ билетикъ. Запустивши руку въ тарелку съ билетиками, они подавали учителю тотъ билетикъ, который былъ у нихъ между пальцами. Случалось, что одинъ за другимъ ученикъ отвѣчалъ на одинъ и тотъ-же билетикъ. На это никто не обращалъ вниманія. Въ одинъ изъ классовъ я пришелъ къ концу испытанія. Когда ученики были отпущены, я сосчиталъ би-

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1893 г., № 12.

летки въ тарелкѣ. Въмѣсто слѣдуемыхъ по программѣ 52 билетовъ оказалось 83 билета. Были тройные дубликаты. Инспекторъ, его помощникъ и учителя выразили удивленіе, какъ это могло произойти. Кто изъ учениковъ былъ такъ плохъ, что и при такихъ порядкахъ не могъ ничего путнаго отвѣтить экзаменаторамъ, того вывозили публичные экзамены.

Гимназическій капеланъ въ гимназическомъ костѣлѣ служилъ обѣдню, на которой присутствовали ученики, учителя, родители учениковъ и вообще любители просвѣщенія, въ томъ числѣ богатые евреи и еврейки. По окончаніи мши капеланъ проходилъ по залу, окропляя публику святою водою. Затѣмъ учителя садились за особый, крытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ лежали экзаменаціонные и переводные списки, аттестаты, наградныя книги и похвальные листы, а посрединѣ стояло распятіе. Инспекторъ громогласно читалъ списокиъ входящихъ изъ класса въ классъ, затѣмъ тѣхъ, которые оставлены на второй годъ. Потомъ обращался къ послѣднимъ съ вопросомъ, не пожелаютъ-ли они публично исправить полученные ими на экзаменахъ отмѣтки. Конечно, всѣ желали исправить. Учителя предлагали заранѣе указанные имъ вопросы. Отвѣты слѣдовали блестящіе. Отмѣтки исправлялись, и всѣ эти ученики переходили въ высшій классъ. За назначеніе вопросовъ на публичный актъ ученики вносили учителямъ условленную плату. Награды и аттестаты собственноручно вручалъ ученикамъ епископъ; если же его не было, то мѣстный прелатъ и капеланъ. Затѣмъ инспекторъ съ кафедрой напутствовалъ окончившихъ гимназію краткою рѣчью, въ которой выражалась надежда, что они навсегда въ жизни сохранятъ тѣ убѣжденія, которыя воспитатели старались къ нимъ привить; что навсегда они останутся непоколебимо представителями своей религіи и вѣрными и полезными слугами своей родины.

Вступительные экзамены были столь же снисходительны и представляли собою настоящій хаосъ. Вокругъ экзаменующаго учителя толпились любопытные. Отвѣчающій ученикъ едва имѣлъ возможность сказать нѣсколько словъ. За него отвѣчалъ или гувернеръ, или посторонніе ученики. Каждый экзаменаторъ

былъ окруженъ такою толпою и въ залѣ слышался такой шумъ и гвалтъ, что слѣдить за экзаменомъ не было никакой возможности.

Послѣ публичнаго акта мой дѣлопроизводитель, явившись ко мнѣ съ докладомъ, объявилъ, что въ гимназiи случился небывалый казусъ. У одного ученика, окончившаго гимназiю, украдено изъ чемодана два экземпляра его аттестата, но ему оставленъ еще одинъ. Ученикъ обратился къ инспектору съ просьбою о выдачѣ ему взаимѣнъ украденныхъ двухъ новыхъ экземпляровъ аттестата. Инспекторъ безъ совѣта не беретъ рѣшить этотъ казусъ. До сихъ поръ принято выдавать каждому ученику аттестатъ въ трехъ экземплярахъ, а теперь приходится выдать въ пяти экземплярахъ. „За чѣмъ-же выдаются аттестаты въ трехъ экземплярахъ?“—спросилъ я.—На случай потери двухъ, ученику останется третiй—отвѣчалъ дѣлопроизводитель. „А если пропадетъ и третiй?“—О, тогда много хлопотъ! Нужно три раза печатать объявленiе въ официальной газетѣ о пропажѣ; нужно свидѣтельство изъ полицiи. Словомъ, много хлопотъ. Поэтому-то и выдаютъ аттестатъ въ трехъ экземплярахъ.—Можно себѣ представить, сколько лицъ, невоспитывавшихся въ гимназiи и прiобрѣтшихъ эти запасные аттестаты, пользуются въ Россiи служебными и пенсiонными правами. Конечно, всѣ эти порядки я постарался съ первой половины 186⁵/₆ учебнаго года совсѣмъ упразднить. Кромѣ того, я приказалъ представлять себѣ списокъ, какiе учителя и какимъ ученикамъ даютъ частные уроки. Сверхъ того, я воспретилъ учителямъ принимать на частные уроки послѣ Рождества, т. е. во второй половинѣ учебнаго года.

Коммиссiямъ по крестьянскимъ дѣламъ еще въ 1864 году были разосланы членомъ, завѣдующимъ дѣлами Учредительнаго Комитета, Я. Соловьевымъ Высочайше указы о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ съ тѣмъ, чтобы комиссары, какъ лица ближе всѣхъ стоящiя къ народу и имѣющiя на него влiянiе, указы эти разослали въ гминныя управленiя и лично постарались ихъ разъяснить народу; чтобы комиссары позаботились о составленiи приговоровъ о новыхъ гминныхъ и сельскихъ училищахъ, отводя для нихъ земельные участки, и о припровожденiи этихъ приговоровъ вмѣстѣ съ пла-

нами земельныхъ участковъ Начальникамъ Учебныхъ Дирекцій на утверждение. Кромѣ того, предлагалось комиссіямъ по всѣмъ училищнымъ дѣламъ входить въ сношеніе и соглашеніе съ Начальниками Дирекцій, и о своей дѣятельности по учрежденію и обезпеченію начальныхъ училищъ, а также по устраненію незаконныхъ учителей представлять въ Учредительный Комитетъ срочныя вѣдомости. Обѣхавъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1865 г. всѣ гминныя управленія, я не только не нашелъ въ нихъ ни одного экземпляра Высоч. указа, но удостовѣрился на мѣстѣ лично, что ни гминные войты и писаря, а также и никто изъ народа еще не слышалъ о Высочайшемъ указѣ 1864 г. о начальныхъ училищахъ. Не только въ 1865 году, но и за все время управленія Сувалкской учебной дирекціею я не получилъ изъ Крестьянской Коммисіи или отъ кого-нибудь изъ комиссаровъ ни одного приговора объ учрежденіи училищъ; ни одного плана объ отведенномъ для училища участкѣ. Да такіе участки никогда и не отводились для училищъ. При учрежденіи по моему старанію училища, гмина или сельское общество само опредѣляло изъ своихъ пустопорожныхъ мѣстъ моргъ или полъ морга подъ училищный домъ и огородъ для учителя. Вслѣдствіе этого часто училище строилось за селеньемъ, гдѣ нибудь на пусткѣ или у самого владбища. Никакихъ никогда сношеній Коммисія по крестьянскимъ дѣламъ съ учебною Дирекціею себѣ не позволяла. Впрочемъ секретарь коммисіи, полякъ изъ сѣверо-западнаго края, акуратно ежемѣсячно являлся въ управленіе учебной Дирекціи и съ моего разрѣшенія получалъ цыфровыя данныя о числѣ вновь открытыхъ училищъ по уѣздамъ. Это безъ сомнѣнія необходимо было для срочныхъ вѣдомостей въ учредительный комитетъ; Коммиссары же этихъ свѣдѣній собрать и представить были не въ состояніи, такъ какъ за исключеніемъ весьма малаго времени, посвящаемаго своимъ прямымъ обязанностямъ, они проводили все остальное время въ своевольныхъ отлучкахъ въ Варшаву, Петербургъ и даже за границу, въ кутежахъ и въ карточной игрѣ. Хотя они и тѣснили помѣщиковъ и играли роль покровителей

народа, и даже въ Варшавѣ заподозрѣны были Намѣстникомъ и нѣмцами въ краснотѣ, тѣмъ не менѣе перепало кое что на ихъ долю отъ помѣщиковъ. Нѣкоторые же помѣщики были даже весьма дружны съ комиссарами. При открытіи мною училища въ Сувалкахъ для дѣтей православнаго исповѣданія на добровольныя пожертвованія, присутствовалъ предсѣдатель Коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ Князь Урусовъ и два, три комиссара. На слѣдующій день я получилъ отъ Урусова увѣдомленіе, что всѣ члены Коммиссіи обязались ежемѣсячно жертвовать на поддержку Сувалскаго православнаго училища по 10 руб. изъ своего жалованья. Въ первый и второй мѣсяцъ секретарь коммиссіи изъ своего жалованья прислалъ по 10 руб. сер. Затѣмъ ни копѣйки болѣе изъ Коммиссіи не поступало. Послѣ Урусовъ мнѣ объявилъ, что члены Коммиссіи, изъявивъ желаніе жертвовать, считывали на благодарность высшаго начальства, но какъ я таковой не испросилъ имъ, то они отказались отъ пожертвованія. И хорошо, что я не испросилъ благодарности! Они все таки не дали-бы ни копѣйки, какъ мнѣ откровенно признался одинъ сильно подвыпившій Коммиссаръ, который всегда почти былъ подвыпивши и самъ именовалъ себя „генераломъ отъ мочемордіи“. Раздражить противъ себя Коммиссаровъ было всякому служащему опасно,—они всѣ въ царствѣ стояли другъ за друга, состояли въ связяхъ съ редакціями разныхъ газетъ, и могли кого угодно закидать грязью. Августовскій Коммиссаръ Д., братъ извѣстнаго богача, былъ приличнѣе другихъ. Онъ весь преданъ былъ игрѣ на скрипкѣ, на которой игралъ, какъ артистъ. Такъ какъ упомянутый раньше „генераль отъ мочемордіи“ воспитывался въ университетѣ, и такъ какъ это служило рѣдкостью между Коммиссарами, то, не смотря на вѣчное пьянство и самодурство, онъ чаще другихъ получалъ награды. Онъ, кажется, уже былъ статскій совѣтникъ и имѣлъ на шеѣ Станислава и Анну съ короной ожидалъ Владимира 3-й степени. Своей возлюбленной, крестьянской дѣвкѣ, отвелъ 30 морговъ отличной земли, а своему лакею 40 морговъ. А между тѣмъ подъ практическія занятія Вейверскимъ курсамъ не отводилъ земли въ теченіе трехъ

лѣтъ, не смотря на пожертвованія изъ Учредительнаго Комитета, а когда я послѣ личныхъ напрасныхъ просьбъ упробилъ Попечителя Округа настоять въ Учредительномъ комитетѣ на отводѣ предназначенной для курсовъ земли, то онъ отвелъ эту землю, чуть ли не въ двадцати кускахъ, по $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ морга, разбросанныхъ на протяженіи 12. верстъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ крестьянскою землею, такъ что земля эта оказалась совершенно неудобною для практическихъ занятій на курсахъ. На заявленіе о непригодности земли, комиссаръ объяснилъ, что это не его вина, такъ какъ учебное вѣдомство не желало ждать размежеванія земель. Этого размежеванія никогда, кажется, нельзя было дожидаться. За комиссара все дѣлалъ какой то его писарика—полякъ. Онъ же самъ вѣчно сидѣлъ у того или другого помѣщика или ксендза; игралъ въ карты и пьянствовалъ. Подозрѣвая, что объ ускореніи отвода для курсовъ земли я хлопоталъ, по жалобѣ инспектора курсовъ, онъ сталъ, съ помѣщикомъ П—скимъ, Вейверскимъ войтомъ и гминнымъ писаремъ, сочинять на инспектора всевозможныя клеузы; возмущалъ даже противъ него учениковъ и возстановилъ учителя. образцоваго училища. Благодаря этому, начались правильныя дрязги, дошедшія до доносовъ. Жерве поручилъ мнѣ разслѣдовать лично дѣло. За ложное сообщеніе и подкопъ противъ инспектора учитель образцоваго училища переведенъ мною въ Августовъ, а войтъ, тоже принявшій участіе въ этихъ дрязгахъ, получилъ отъ Жерве замѣчаніе. Такого исхода дѣла комиссаръ не ожидалъ и свою злобу излилъ на начальныя училища, лишивъ ихъ вовсе земельного надѣла и принявъ подъ свое покровительство всѣ незаконныя училища ксендзовъ. Я останавливалъ его въ его незаконныхъ дѣйствіяхъ сколько могъ, представлялъ его дѣйствія въ частной бесѣдѣ бывшему тогда предсѣдателемъ комиссіи Константину Васильевичу Божовскому, но поднимать дѣло не рѣшался, опасаясь не найти поддержки въ сенаторѣ Феодорѣ Феодоровичѣ Витте, а также боясь вооружить всю комиссію противъ начальныхъ училищъ, которымъ если они ни въ чемъ и не содѣйствовали, то по крайней мерѣ и не мѣшали.

Другой комиссаръ въ пьянствѣ и дебоширствѣ превзошелъ еще и „генерала отъ мочемордіи“. Онъ впрочемъ не долго былъ. Его куда-то перевели въ другую губернію за слѣдующій скандалъ. Нѣсколько дней къ ряду онъ пилъ и игралъ въ Августовѣ въ карты съ офицерами и наконецъ проигралъ все—и деньги, и часы, и ружье, и лигавую собаку, и даже шубу. Оба эти комиссара пропивали и проигрывали въ карты въ пять разъ болѣе своего жалованія. Спрашивается, отъуда они брали деньги? такъ какъ по формулярамъ они не имѣли ни движимаго, ни недвижимаго.

Комиссаръ К—евъ, кажется изъ гвардейской кавалеріи, очень богатый человѣкъ, опредѣлился въ комиссары, чтобы захватить орденовъ и, если удастся, выйти въ вице-губернаторы. Онъ почти совсѣмъ не занимался своею должностію, а только какъ-то числился. Все время онъ проводилъ или въ Сувалкахъ, или въ Варшавѣ, или въ Петербургѣ, или за границей. Онъ въ кругу комиссаровъ кутилъ,—но умѣренно.

Комиссаръ Ш—скій и еще нѣсколько другихъ, которыхъ фамиліи я забылъ, присланы были временно въ Сувалкскую губернію, по удаленіи князя Урусова, для ускоренія запущенныхъ дѣлъ. Ш—скій игралъ роль недоступнаго аристократа и извѣстенъ мнѣ тѣмъ, что не только не отводилъ для училищъ участковъ, но еще отнял у Филипповскаго училища значительный участокъ земли, завѣщанный въ 1585 г. шведскою королевою Елисаветою на содержаніе этого училища. Этотъ участокъ изъ поколѣнія въ поколѣніе состоялъ въ арендѣ зажиточныхъ мѣщанъ Филипповскихъ, построившихъ на немъ домъ и службы. Аренда обезпечивала училище. Ш—скій, не сносясь съ дирекціею, утвердилъ этотъ участокъ за арендаторами, съ тѣмъ чтобы они единовременно внесли въпольскій банкъ исчисленную имъ выкупную сумму. Учредительный комитетъ утвердилъ это постановленіе комиссара, и о своемъ утвержденіи увѣдомилъ такъ поздно дирекцію, что минулъ всякій срокъ для протеста. Процентовъ же изъ выкупной суммы оказалось недостаточно для содержанія училища. Комиссаръ Б—вичъ любилъ тоже

кутить, и жена не уступала ему въ кутежѣ и карточной игрѣ. Онъ проживалъ всѣ свои доходы. Для своей квартиры онъ выписалъ мебели на нѣсколько тысячъ изъ Парижа; въ одной столовой мебель стоила 600 р.

Не одинъ Жерве утверждалъ, что циркуляры получаютъ и посылаются не съ тѣмъ, чтобы ихъ исполняли, а съ тѣмъ, чтобы всѣмъ вѣдомо было, что начальство не дремлетъ. Такъ же смотрѣли на циркуляры и члены коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ. Учредительный комитетъ не скупился на циркуляры, между прочимъ и по училищному дѣлу; но всѣ они приобщались къ дѣламъ,—и только. Вотъ одинъ изъ этихъ циркуляровъ. „Учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ. (Варшава 3/15 марта 1865 года № 24). Въ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ главный Директоръ Народнаго Просвѣщенія отъ 11 (23) Февраля текущаго года сообщилъ мнѣ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ начальниками Учебныхъ Дирекцій при исполненіи ихъ обязанностей по устройству начальныхъ училищъ и о происходящемъ отъ того замедленіи въ исполненіи Высочайшаго Указа о начальныхъ училищахъ. Къ затрудненіямъ этого рода Главный Директоръ относитъ слѣдующія: 1) Замѣчено, что въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ господствуетъ крайнее неустройство и совершенное непониманіе дѣла и смысла Высочайшаго Указа о начальныхъ училищахъ. Въ учителя для нихъ избраны люди полуграмотные, нетрезваго и сомнительнаго поведенія и терпимы сельскими обществами только потому, что они согласились служить имъ въ важномъ дѣлѣ образованія за ничтожную плату. Согласно статьѣ 38-й Указа о нач. училищахъ, имъ необходимо выдержать испытаніе и для этого нужно явиться къ начальнику учебной Дирекціи, чего однакожь они не дѣлаютъ, и нельзя ожидать, чтобы безъ содѣйствія мѣстныхъ властей, это было ими исполнено. 2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при основаніи школы, въ оказаніи пособія этимъ школамъ натурою или деньгами допущено участіе такихъ лицъ, которыя приобрѣтеннымъ черезъ то вліяніемъ или парализируютъ усилія Правительства, или стараются измѣнить направленіе умовъ, дѣйствуя

вредно на представителей власти гминныхъ общинъ, большею частью необразованныхъ и мало развитыхъ, или же вовсе безграмотныхъ. 3) Появились во многихъ мѣстахъ школы, не имѣющія никакого обезпеченія къ своему существованію съ учителями полуграмотными, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто, обращая ученіе лишь въ средство къ своему дневному пропитанію и могутъ распространять въ крестьянскомъ обществѣ вредныя понятія. Сообщая о семъ комиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, покорнѣйше прошу г.г. членовъ комиссіи войти въ дѣло народнаго образованія со всевозможнымъ вниманіемъ и воспользоваться нравственнымъ вліяніемъ своимъ на крестьянскія общества для страненія, по возможности, изъясненныхъ Главнымъ Директоромъ препятствій къ успѣшному осуществленію предначертаній Правительства по сему предмету. Сверхъ того, покорнѣйше прошу г.г. предсѣдателей комиссій сообщить мнѣ въ свое время о результатѣ стараній членовъ комиссій и, вообще, о состояніи училищъ въ подлежащихъ отдѣлахъ комиссій, входя по сему предмету въ сношенія съ начальниками учебныхъ Дирекцій.

Членъ Завѣдывающій дѣлами Учредительнаго комитета (подписано) Я. Соловьевъ.

За Директора скрѣпилъ В. Бѣлозерскій. Вѣрно: Младшій дѣлопроизводитель Ив. Лукьяновъ. Вѣрно: за начальника секціи Томчицкій.

Ж—е въ глазахъ русскихъ потерялъ своими дѣйствіями всякій авторитетъ, а послѣ Высочайшаго выговора онъ упалъ и въ глазахъ поляковъ.

Ж—е чувствовалъ, что подъ нимъ нѣтъ почвы на посту сувальскаго губернатора, а потому исколоталъ себѣ новое мѣсто, въ Мин. Народ. Просв. Когда онъ возвращался изъ Петерб., куда ѣздилъ съ цѣлью устройства себя на новомъ мѣстѣ, то, благодаря всякимъ прислужникамъ, ему искусственно была устроена торжественная встрѣча. Было расчитано такъ,

чтобы Ж—е съ женой прибыли въ Гродно съ вечернимъ поѣздомъ. Имъ пришлось ѣхать по Сувалкской губерніи ночью. Начальникъ уѣзда, жандармскій офицеръ, офицеръ земской стражи, конная земская стража, и согнанные изъ окрестныхъ гминъ войты гминъ и народъ встрѣтили губернатора и губернаторшу по сю сторону Нѣмана въ Гродно съ хлѣбомъ и солью и громкимъ „ура“! Вдругъ по дорогѣ запылали костры и смоляныя бочки. Подъ командой офицера земской стражи, конная стража и панскіе гайдуки съ факелами въ рукахъ понеслись впереди губернаторской кареты. За нею ѣхали экипажи жандармскаго офицера и начальника уѣзда. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ селеніи или посадѣ народъ стоялъ шпалерами съ факелами въ рукахъ и оралъ по требованію полиціи „ура“! Костры и смоляныя бочки все вспыхивали впереди. При проѣздѣ черезъ лѣсъ ожидала въ формѣ лѣсная стража, которая присоединилось къ земской стражѣ и скакала вокругъ экипажа, провожая чрезъ лѣсъ. На границѣ Сейнскаго уѣзда встрѣтилъ поѣздъ начальникъ уѣзда, съ своимъ офицеромъ и земскою стражей. На дорогѣ въ Сейнъ встрѣтилъ чету вице-губернаторъ Фрибесъ. Около почтовой станціи въ Сейнахъ ожидалъ бургомистръ съ толпою евреевъ, раввинъ и мѣстный пробоцъ. Ксендзь, раввинъ и бургомистръ говорили привѣтствія, а евреи оралы „ура“. На границѣ Сувалкскаго уѣзда ожидалъ уѣздный начальникъ Бѣльскій съ офицеромъ и земскою стражей. При вѣздѣ въ Сувалки ожидалъ полицеймейстеръ, и совѣтники Губернскаго Правленія. Весь этотъ ночной путь отъ Нѣмана до Сувалокъ пылалъ огнями и оглашался почти непрерывнымъ „ура“! Это была настоящая царская встрѣча. Но она возбудила болѣе проницательскихъ замѣчаній, чѣмъ помогла Ж—е стать на ноги.

Сверхъ указанныхъ мною выше начальныхъ училищъ, въ городахъ существовали воскресно-ремесленные училища. Изъ магистратовъ платилась городскому учителю особая плата, собираемая съ мастеровъ города за то, что онъ обязанъ былъ

два часа каждое воскресенье въ училищномъ помѣщеніи заниматься грамотой и ариеметикой съ учениками всѣхъ безъ различія ремесленниковъ. Кто изъ ремесленниковъ не посылалъ учениковъ своихъ въ школу тотъ подвергался денежному штрафу. Ученикъ, не явившійся безъ законной причины въ школу, подвергался въ магистратѣ взысканію, иногда и тѣлесному наказанію. Эти ремесленные школы, распространяя грамотность, въ рукахъ чиновниковъ въ ожиданіи революціи сослужили ей службу. Ученики воскресно-ремесленныхъ школъ, все уже подростки и парни вмѣсто занятій грамотой выслушивали въ школъ отъ учителя, ксендзовъ и чиновниковъ увѣщанія и внушенія идти въ лѣсъ и спасать поработченную москалями отчизну. Банды преимущественно были наполнены этими учениками. Когда кончилась революція, усердіе бургомистровъ къ воскресно-ремесленнымъ школамъ охладѣло. Сборы съ ремесленниковъ пошли туго, а не посѣщеніе школы учениками бургомистры оставляли безъ вниманія. Городскіе учителя и своими городскими училищами сослужили службу полонизму. Всѣ подростки изъ этихъ школъ отправились въ банды. Городской учитель именовался профессоромъ. Въ своемъ потертомъ костюмѣ онъ являлся на вечера и обѣды и къ совѣтникамъ губернскаго правленія, и къ начальникамъ уѣздовъ, и къ бургомистрамъ. Съ нимъ всѣ обходились, какъ съ почетнымъ лицомъ. Это поднимало въ немъ духъ, льстило его самолюбію и дѣлало его усерднымъ орудіемъ для достиженія революціонныхъ цѣлей. Я не давалъ ни въ чемъ ни малѣйшей потачки всѣмъ вообще моимъ подчиненнымъ, но старался всегда обходиться съ ними человѣчно и не оскорблять ихъ самолюбія и человѣческаго достоинства. Это ими было оценено, и они въ большинствѣ пошли съ полною готовностью по указанному мною направленію. Но полиція и комиссія странно мнѣ вредили своимъ обращеніемъ съ сельскими, гминными и городскими учителями. Не только комиссары, начальники уѣздовъ, офицеры земской стражи, но и простые стражники учителямъ не только тыкали, но при случаѣ, безъ всякой причины, награждали ихъ крѣпкими словами. Это роняло ихъ въ глазахъ гминнаго начальства и гминнаго общества и возбуж-

дало въ нихъ непріязненные чувства къ москалямъ, безпричинно надъ ними глумящимся. Ксендзь до революціи былъ тоже свой братъ съ учителемъ. Изъ костела учитель каждый праздникъ заходилъ къ ксендзу на завтракъ. Помѣщики тоже часто приглашали къ себѣ учителей, угощали ихъ и обходились съ ними любезно. Теперь и ксензь, и помѣщикъ, и польскій чиновникъ, и гминный войтъ, и гминный писарь стали гнать учителей, сдѣлались ихъ врагами. Учителя въ ихъ глазахъ были хуже самыхъ москалей, преслѣдуя московскія цѣли. Это просто были измѣнники отчизны. Положеніе учителей сдѣлалось не выносимымъ и крайне плохо обезпеченнымъ. Начальнику дирекціи предстояла почти непосильная борьба—одному ограждать личность учителя и его семейства отъ оскорбленій, обидъ, и отстаивать ему кусокъ насущнаго хлѣба. Начальникъ дирекціи боролся на свой рискъ, не находя никакой поддержки въ главномъ директорѣ. Послѣдній не способенъ былъ ни къ какой борьбѣ, преслѣдуя исключительно свои личные интересы, почему и старался жить въ мирѣ со всѣми вѣдомствами. Онъ не терпѣлъ ни одного изъ своихъ русскихъ начальниковъ дирекцій, хотя большая часть изъ нихъ заняла свои мѣста по его личному приглашенію.

Закрытіе мною Сейнскаго епископскаго іезуитскаго училища; закрытіе училища сестеръ милосердія въ Вейсрахъ; переходъ Смольнскаго училища Реформатовъ въ вѣдѣніе учебной Дирекціи; преслѣдованіе секретныхъ училищъ, а также секретныхъ странствующихъ учителей, новые порядки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и водвореніе повсемѣстно во всѣхъ училищахъ русскаго языка,—все это не могло нравиться епископу и католическому духовенству. Между тѣмъ епископъ продолжалъ быть со мною весьма любезнымъ, дѣлалъ мнѣ значительныя уступки и даже пытался сблизиться со мною. Это, конечно, не могло не обратить моего вниманія. Я старался разгадать цѣль этой миролюбивой политики графа Лубенскаго.

Ученики гимназiи и въ Сувалкахъ, и въ Маріамполѣ разучили подъ руководствомъ учителей пѣнія народный русскій гимнъ „Боже Царя храни!“ Я убѣдилъ ксендза, чтобы они въ Высокоторжественные дни, по окончанiи мши и Te Deum, пѣли этотъ гимнъ въ костелѣ. Я указывалъ ему на то, что пѣніе гимна послѣ богослуженiя не противорѣчитъ обычаямъ католицизма; что допускалось духовенствомъ пѣніе революціонныхъ гимновъ въ костелахъ. Теперь, когда революціи кончена, и поляки заявляютъ о своихъ вѣрноподданныхскихъ чувствахъ, пѣніе гимна обще-народнаго русскаго было бы весьма умѣстнымъ. Онъ просилъ, чтобы пѣніе ограничивалось гимназической каплицей, такъ какъ онъ боится манифестацій, особенно со стороны женщинъ въ большомъ костелѣ. Сверхъ того, онъ боится протеста и со стороны учениковъ и ихъ родителей. Ученики пѣли гимнъ въ гимназической каплицѣ и привыкли къ этому порядку. Вдругъ телеграмма, что въ Государя Императора стрѣляли въ Петербургѣ въ саду. Назначены благодарственныя молебствiя за избавленіе Государя отъ опасности. Епископъ, свѣдавшій почему то раньше о выстрѣлѣ, чѣмъ губернаторъ, ночью прикатилъ изъ Сейнъ въ Сувалки, чтобы лично служить въ костелѣ молебствіе. Поляки были страшно напуганы этимъ выстрѣломъ. Они не сомнѣвались, что стрѣлялъ полякъ и ожидали новыхъ стѣсненiй. Стрѣлялъ же, какъ оказалось впослѣдствіи, русскій нигилистъ, сынъ помѣщика, Каракозовъ. Я приказалъ повести учениковъ въ костелъ на епископское служеніе и распорядился, чтобы по окончаніи молебствiя пропѣтъ былъ на русскомъ языкѣ русскій народный гимнъ. Во все пѣніе гимна, епископъ оставался у алтаря и горѣли свѣчи. Послѣ пѣнія на епископскомъ богослуженіи, я распорядился, чтобы въ высокаторжественные дни повсемѣстно въ костелахъ, гдѣ есть училища, ученики пѣли этотъ гимнъ по-русски. Ксендзы, видя, что со стороны епископа не послѣдовало протеста, покорились моему распоряженію. Однажды въ ноябрѣ, кажется, я проѣзжалъ черезъ Сейны. Посѣтивъ начальное училище, я отправился въ католическую семинарію на послѣобѣденные уроки. Тамъ меня ждали. Двери изъ классовъ въ корридоръ оказались не совсѣмъ

запертыми; безъ сомнѣнія, это сдѣлано было съ умысломъ. На корридорѣ меня встрѣтилъ Регенсъ семинаріи. Подходимъ въ одному классу—идеть преподаваніе русскаго языка; подходимъ къ другому—тоже самое, наконецъ, и въ третьемъ ученики декламируютъ басни Крылова. Уроки кончились, стало темнѣть; я желалъ проститься съ Регенсомъ, но онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай. Мы поднялись во второй этажъ. Онъ помѣстилъ меня на диванѣ, а самъ сѣлъ въ кресло, и мы бесѣдовали долго. Между тѣмъ сдѣлалось совершенно темно, а свѣчей и самовара не подавали. Вдругъ на окнѣ скользнула тѣнь, и я почувствовалъ, что около меня на диванѣ кто-то усѣлся и обнялъ меня за талію. Догадываясь, что это епископъ графъ Лубенскій, я остался совершенно спокойнымъ. Но, кажется, епископъ имѣлъ въ виду немножко меня напугать, испытать мои нервы. Регенсъ смолкъ. Тишина продолжалась минуты три. Но вотъ почти шопотомъ заговорилъ графъ: Вы меня не узнали? Грѣхъ вамъ, посѣщая семинарію, не зайти ко мнѣ! Я уже около мѣсяца живу въ зданіи семинаріи.—Затѣмъ пошла бесѣда о томъ, о семь. Зная, что я изъ Подольской губерніи, графъ заговорилъ о Тульчинѣ и его владѣльцѣ графѣ Мечиславѣ Потоцкомъ; о его причудахъ и преступленіяхъ и о его необычайной скупости. Мечиславъ приходился графу Лубенскому родственникомъ, и графъ разъ былъ у него въ Тульчинѣ. Между тѣмъ ни свѣчей, ни самовара не подавали. Все это, кажется, было заблаговременно условлено. „Что мы будемъ въ темнотѣ сидѣть! Пойдемъ лучше ко мнѣ напьемся чаю!“—Сказалъ Епископъ. Я отвѣчалъ, что Регенсъ пригласилъ меня на чай къ себѣ. „Ха, ха, ха!—засмѣялся епископъ,—Регенсъ пригласилъ на чай! Да развѣ это возможно? Вѣдь у него ни самовара, ни чайника, ни чаю, ни сахару! Это необычайный скупяга! Онъ изъ вѣжливости васъ пригласилъ, думая, что вы откажетесь. А теперь самъ не знаетъ, что дѣлать! Видите, онъ жалѣетъ даже зажечь свѣчу, и мы сидимъ въ совершенной темнотѣ. Другой разъ не вѣрьте Регенсу. Пойдемъ ко мнѣ пить чай!“—Что вы, что вы, ваша эминенція! Самоваръ сейчасъ будетъ! Вы меня совсѣмъ оконфузили!—„Самовара не бу-

деть!—отвѣчалъ графъ; я своего не дамъ! я самъ хочу пить чай! Что мы тутъ будемъ спорить, пойдемъ ко мнѣ! Пойдемъ, Регенсъ!“ Поворачиваясь волѣ вашей эминенціи,—смиренно произнесъ Регенсъ. Путаясь въ потемкахъ я вышелъ подъ руку съ графомъ въ освѣщенный корридоръ. Миновавши нѣсколько дверей, мы очутились у ливрейнаго лакея, который ловко раскрывъ дверь въ епископское помѣщеніе. Передней не было. Лакей снялъ съ меня шубу и унесъ въ корридоръ. Мы очутились въ просторной келіи съ простымъ деревяннымъ диваномъ, деревянными стульями со спинкою и круглымъ столомъ передъ диваномъ, накрытымъ салфеткою темнаго цвѣта. На столѣ горѣли двѣ свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, а на угловомъ столикѣ подлѣ дверей шипѣлъ серебряный самоваръ. Изъ этой комнаты дверь вела въ другую маленькую, которую епископъ мнѣ сейчасъ показалъ. „Это моя спальня и моленная“. Въ спальнѣ стояла простая деревянная крашеная кровать; ночной столикъ подлѣ кровати—съ одной стороны, а съ другой стороны—шкафъ съ книгами. Подлѣ одного окна устроенъ былъ аналой съ распятіемъ, а подлѣ другого стояло бюро и шагахъ въ двухъ въ углу деревянный шкафъ. „Вотъ мое помѣщеніе! Я его чрезвычайно люблю! Здѣсь я ближе къ Богу и къ моимъ питомцамъ семинаристамъ. Я съ ними и днемъ, и ночью. Мы любимъ другъ друга. Я питаю сильную надежду, что изъ нихъ мнѣ удастся приготовить Господу Богу хорошихъ и вѣрныхъ слугъ“. Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показался ксендзь Мезоніевъ. За чаемъ епископъ говорилъ безъ перерыва. Онъ откровенничалъ насчетъ минувшей революціи и вообще отношеній польскаго народа къ русскому правительству. Онъ критиковалъ обѣ стороны и особенно напиралъ на то, что въ политикѣ русскаго правительства нѣтъ послѣдовательности и системы. Все основано на случайностяхъ, на лицахъ, на произволѣ. Отсюда постоянное раздраженіе поляковъ, отсюда корень революцій и потоки крови, и вмѣсто сближенія растетъ разъединеніе. Русское правительство не благодарно къ своимъ дѣятелямъ. Тѣ, которые въ царствѣ служили ему усердно, приобрѣли вліяніе на поляковъ и умѣли примирять ихъ съ ихъ положеніемъ,—

всѣ дурно кончили. Начальники самодуры ихъ повышвыряли во всѣ стороны и сдѣлали нищими. Болѣе благоразумные изъ русскихъ чиновниковъ были себѣ на умѣ. Они пускали пыль правительству въ глаза, а между тѣмъ дружили съ поляками. Кто изъ нихъ терялъ мѣсто, болѣе въ немъ не нуждался: онъ былъ обезпеченъ своими друзьями. Правительство часто увлекается, требуетъ невозможнаго. Не исполнить невозможныхъ требованій не значитъ измѣнять, а между тѣмъ такое поведеніе даетъ друзей и обезпеченіе.

Если кто изъ русскихъ чиновниковъ дослужить до полной пенсіи, его ждетъ на старость нищета; всѣ пенсіи нищенскія. Умные чиновники стараются обезпечить себя, пока служатъ, мало разсчитывая на пенсію. (Тогда еще о привилегіяхъ русскимъ чиновникамъ, служащимъ въ царствѣ, не было и рѣчи). У насъ, по крайней мѣрѣ, что чиновникъ полякъ получалъ на послѣдней службѣ, тоже самое будетъ получать и въ отставкѣ. Въ Россіи еще не додумались до такого порядка. Если епископъ слишкомъ высказывался о будущихъ стремленіяхъ Польши, или слишкомъ рѣзко говорилъ о правительствѣ—ксендзь Мезоніевъ устремлялъ на епископа пристальный взглядъ, и оттаивалъ его. Епископъ бесѣдовалъ со мной по русски, почему я заключилъ, что іезуиту Мезоніевъ знакомъ этотъ языкъ. Онъ собственно былъ присланъ въ Россію, чтобы наблюдать за епископомъ, руководить имъ и внушать ему воззрѣнія на текущія дѣла папы и іезуитовъ.—Бесѣда затянулась за полночь. Я сталъ прощаться. Епископъ пригласилъ попробовать рыбу *сею*, которая водится въ одномъ Вичерскомъ озерѣ. Ловить ее и продавать запрещено. Ее только ловятъ для стола Намѣстника. Рыба средней величины, похожа на коропа; безъ костей и съ мясомъ чрезвычайно нѣжнымъ. Епископъ проводилъ меня до дверей. Я отправился къ лѣстницѣ перваго этажа. Лѣстница и нижній корридоръ оказались не освѣщенными. Ощупью, въ потемкахъ я пробирался впередъ по изгибамъ корридора. Вдругъ слышу за собою торопливые шаги. Видимо, за мною кто-то гонится. Я прислонился къ стѣнкѣ, ожидая всякой случайности. Мимо меня прошелъ епископъ и окликнулъ меня. „Извините ме-

ня за разсѣянность. Я забылъ, что тутъ не освѣщается.“ Я думаю, и тутъ рассчитывали испытать мои нервы. Я отвѣчалъ, что умѣю находить дорогу въ потемкахъ. Я вамъ дамъ до квартиры проводника. У насъ ночью на улицахъ не безопасно въ темныя ночи: кругомъ лѣса. Я поблагодарилъ епископа и сказалъ, что пойду одинъ, и въ случаѣ чего, имѣю возможность себя защитить, (у меня кромѣ палки ничего не было). Но я старался дать понять, что со мною револьверъ, котораго я вовсе не имѣлъ. „Если вы не устали, то, можетъ быть, сдѣлаете мнѣ компанію посмотрѣть моихъ питомцевъ со мною въ дортуарахъ.“ Я согласился. Мы поднялись опять на второй этажъ и изгибами корридора достигли дортуаровъ. Въ первой комнатѣ было нѣсколько столовъ. Это учебная. Было уже около двухъ часовъ по полуночи; но нѣсколько семинаристовъ еще занимались. Прочіе спали въ дортуарахъ, освѣщенныхъ ночниками. Изъ дортуара епископъ повелъ меня куда то далѣе по корридору. Въ концѣ корридора обозначалась большая дверь. При нашемъ приближеніи обѣ половинки ея, какъ будто сами собою, раскрылись, и глазамъ моимъ представился костель, слабо освѣщенный разноцвѣтными лампами. Костель былъ весьма обширныхъ размѣровъ. Я остановился при входѣ. Епископъ быстро прошелъ къ алтарю, сталъ на колѣни и молился минуты три. По выходѣ нашемъ двери затворились. Кто ихъ отворялъ и затворялъ, этого я не замѣтилъ. Мы подошли къ епископской квартирѣ. Епископъ захватилъ съ собою свѣчу и лично провелъ меня по всему зданію до самаго выхода во дворъ. Эти дружескія бесѣды и ухаживанья клонились къ тому, чтобы я сдѣлался уступчивѣе, и на продѣлки духовенства смотрѣлъ сквозь пальцы. Главное же, чтобы я оставилъ готовившуюся къ открытію женскую гимназію подъ вліяніемъ епископа и близкихъ ему людей. Ксендзы видѣли въ женщинѣ самую надежную силу въ борьбѣ съ Россією и православіемъ. Они всѣми своими силами старались оберегать ее отъ всякихъ новыхъ понятій, отъ знакомствъ съ русскимъ языкомъ и отъ сближенія съ русскими. Полька выходила за русскаго, имѣя въ виду посредствомъ мужа служить Польшѣ. На нее смотрѣли, какъ на мученицу, какъ на

жертву, и окружали ее симпатіями. Конечно—были исключенія. Любовь, бѣдность, честолюбіе толкали полекъ иногда въ русскимъ. Но въ концѣ концовъ онѣ обращали домашнюю жизнь въ настоящій адъ для мужа и стремились выполнить свою католическо-политическую миссію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Андріолли и Матейко, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта.

Истекшій годъ унесъ съ собою двухъ талантливыхъ польскихъ художниковъ, которые пользовались у своихъ земляковъ наибольшею популярностью и которые въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ (хотя довольно рѣдко) изображали прошлую жизнь южно-русскаго края, что и даетъ Кіевской Старинѣ поводъ вспомнить сошедшихъ со сцены дѣятелей искусства; причемъ свѣдѣніямъ о тѣхъ работахъ ихъ, которыя насъ спеціально интересуютъ, считаемъ нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности почившихъ художниковъ.

Михаиль Эльви́ро *Андріолли* родился въ Вильно въ 1837 году и былъ полякомъ только на половину: отецъ его былъ итальянецъ, а мать—полька. Первоначально молодой Андріолли предназначалъ себя для медицинской карьеры, почему, по окончаніи средняго образованія, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета; но не чувствуя охоты къ занятіямъ медициною и увлекшись искусствомъ, скоро оставилъ университетъ и сталъ учиться живописи сначала въ Москвѣ, потомъ—въ Петербургской академіи художествъ, послѣ чего для довершенія художественнаго образованія уѣхалъ въ Италію, гдѣ черезъ два года получилъ на римской выставкѣ серебряную медаль за одну изъ своихъ картинъ. По возвращеніи на родину, онъ долженъ былъ поселиться на время въ Вяткѣ, а послѣ того имѣя склонность къ путешествіямъ, много разъ бывалъ въ Западной Европѣ и чуть ли не всю ее объѣздилъ.

Въ началѣ своей художественной дѣятельности Андриолли писалъ картины масляными красками, но извѣстность себѣ онъ приобрѣлъ не этими картинами, а своими рисунками, которые въ большомъ количествѣ помѣщались въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ и русскихъ иллюстрированныхъ журналахъ, и въ особенности—своими иллюстраціями къ произведеніямъ разныхъ писателей. Начавъ съ иллюстрацій къ стихотвореніямъ Савинскаго, Андриолли иллюстрировалъ сочиненія польскихъ писателей Мальчевскаго, Мицкевича („Панъ Тадеушъ“, „Крымскіе сонеты“ и разныя мелкія стихотворенія) Сырокомли („Deborog“), Крашевскаго („Stara baśń“), Ходзьки („Pamiętniki kwestarza“), Элизы Оржешко („Мееръ Іозефовичъ“), Словацкаго и другихъ. Когда умеръ извѣстный французскій иллюстраторъ Густавъ Доре, не окончивъ начатой имъ работы по иллюстраціи сочиненій Виктора Гюго, послѣдній поручилъ Андриолли продолжать эту работу. Исполненіемъ этого порученія Андриолли приобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность въ качествѣ иллюстратора. Послѣ того, въ Лондонѣ на конкурсѣ, устроенномъ для изготовленія роскошнаго изданія сочиненія Шекспира, Андриолли остался побѣдителемъ и иллюстрировалъ трагедію „Ромео и Джульетта“. Кромѣ того, онъ исполнялъ виньетки и рисунки къ сочиненіямъ Вальтеръ Скотта, Купера, Андерсена и другихъ писателей. Изъ русскихъ изданій Андриолли иллюстрировалъ предпринятое книгопродавцемъ Вольфомъ изданіе „Женщины русскихъ писателей“. Послѣдними рисунками его были печатавшіеся въ журналѣ „Tygodnik Ilustrowany“ въ то время, когда Андриолли уже лежалъ на смертномъ одрѣ, рисунки изъ путешествія по славянскимъ землямъ.

Будучи однимъ изъ даровитѣйшихъ и плодовитѣйшихъ современныхъ рисовальщиковъ, Андриолли работалъ часто торопливо, и не всегда тщательно отдѣлывалъ свои рисунки, въ чемъ, по разсказу одного изъ біографовъ ⁽¹⁾, самъ сознавался, говоря: „я знаю, что меня упрекаютъ въ слишкомъ скорой работѣ, въ недостаточной отдѣлкѣ моихъ рисунковъ, но что при-

¹⁾ В. Русакова, въ журналѣ „Новь“ 1893 г. № 22.

кажете дѣлать, когда это не въ моемъ духѣ—отдѣлывать детали“. Кроме того, замѣчался у него еще одинъ недостатокъ, о которомъ говоритъ нашъ извѣстный художникъ И. Е. Рѣпинъ въ своихъ „Письмахъ объ искусствѣ“¹⁾, давая такую характеристику Андріолли: „Этотъ полу-полякъ, полу-итальянецъ очень выразителенъ; онъ храбръ и благороденъ—какъ польскій рыцарь, страстенъ и кипучъ—какъ итальянецъ. Типы его сильныхъ фигуръ постоянно переплетаются то польскими, то итальянскими. Рядомъ съ душою широкаго славянина, работаетъ энергичный итальянецъ-затѣйникъ, съ кипучимъ воображеніемъ, съ несокрушимой страстью и неутолимой производительностью; то онъ вычуренъ, какъ подзнія „баровко“ Микель-Анджело, то трагиченъ своей чернотой, какъ Матейко. И чего недоставало этому яркому романтику, чтобы вписать свое имя въ списокъ замѣчательныхъ художниковъ.—Увы, хорошей школы—того, что въ такомъ изобиліи было у Брюллова.“

Къ произведеніямъ Андріолли изъ южно-русскаго быта относятся иллюстраціи его къ извѣстному сочиненію Антонія Мальчевскаго: „*Marya powieść ukraińska*“ и нѣсколько отдѣльныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ иллюстрированныхъ журналахъ. Рисунки, украшающіе роскошное изданіе повѣсти Мальчевскаго²⁾, какъ и самая повѣсть, изображаютъ шляхетскую жизнь старой Украины. Рисунки эти были первою крупною работою Андріолли, какъ иллюстратора, и имѣли въ польской публикѣ огромный успѣхъ вызвавъ многія подражанія. Они талантливо исполнены, но мало говорятъ нашему сердцу, и именно потому, что главное мѣсто въ нихъ отведено не типамъ кореннаго населенія Украины, а польскимъ магнатамъ и паннамъ которые и являются въ нихъ почти единственными дѣйствующими лицами. Къ современной жизни простого народа на Украинѣ Андріолли не присматривался внимательно, и едва-ли имѣлъ къ тому возможность, не живя въ Малороссіи и путешествуя преимущественно по Западной Европѣ. Вслѣдствіе

¹⁾ „Театральная газета“ 1893 г. №№ 22, 24 и 25.

²⁾ Изданіе это было выпущено въ трехъ форматахъ: въ 4 ю, въ 8 и въ 16 долей листа; послѣднее (третье) изданіе вышло въ 1884 году.

этого рисунки Андриолли изъ современной народной жизни въ Малороссіи не отличаются вѣрностью въ изображеніи типовъ и бытовой обстановки, какъ это можно замѣтить на помѣщенномъ въ „Живописномъ Обзорѣніи“ (1880 г. № 18) рисункѣ его „Праздникъ весны въ Подольской губерніи“.

Скончался Андриолли 11 (23) Августа 1893 г. въ Наленчовѣ, Люблинской губерніи. По смерти выставка его картинъ и рисунковъ была устроена въ Варшавѣ осенью истекшаго года.

Подобно Андриолли, Янъ Алоизій Матейко, по происхожденію своему не былъ чистокровнымъ полякомъ: отецъ его, переселившійся въ Краковъ изъ с. Рудницъ въ Чехіи и носившій на своей родинѣ фамилію *Matiejka*, которая въ Польшѣ передѣлалась въ *Matejko*, происходилъ отъ чешской семьи¹⁾; свѣдѣній о матери художника мы въ печати не находили: вѣроятно, она была полька. Родился Янъ Матейко въ Краковѣ въ 1838 году и первоначальное художественное образованіе получилъ въ Краковской школѣ изящныхъ искусствъ, послѣ чего учился живописи въ Мюнхенской и Вѣнской академіяхъ художествъ. Какъ рассказываетъ Маріанъ Горжковскій въ своей книгѣ, посвященной обзорѣнію художественной дѣятельности Матейки²⁾, еще не начиная учиться живописи, посѣщая классы Краковской гимназіи, Матейко выказывалъ исключительную страсть къ искусству и съ увлеченіемъ копировалъ рисунки изъ „Историческихъ пѣсень“ Нѣмцевича и тому подобныхъ изданій, причемъ въ особенности любилъ рисовать богатырей и героевъ на коняхъ. Эта обнаруживавшаяся еще въ мальчикѣ склонность къ изображенію въ своихъ рисункахъ мощныхъ, богатырски сложенныхъ типовъ представляется довольно характерною чертою; позже, съ полнымъ развитіемъ таланта, какъ вѣрно замѣтилъ Б. Прусъ³⁾, сила физическая или духовная въ ея наивышемъ напряженіи сдѣлалась излюбленною темою

¹⁾ См. объ этомъ статью Э. Элинека „Ojciec Matejki“, въ газетѣ „Kraj“ 1893 года № 45.

²⁾ „O artystycznych czynnościach Sana Matejki począwszy od lat jego najmłodszych do końca r. ku 1881“, przez M. Gorzkowskiego. Krakow. 1882.

³⁾ „Kraj“ 1893 г. № 47.

Матейки. Учасъ живописи въ Мюнхенской академіи, онъ въ то же время занимался въ богатой художественными коллекціями тамошней бібліотекѣ, гдѣ копировалъ рисунки разныхъ памятниковъ и костюмовъ. По возвращеніи изъ Вѣны въ Краковъ, Матейко задумалъ и изготовилъ большую коллекцію рисунковъ костюмовъ прошлаго времени, съ 1222 по 1745 годъ, подъ названіемъ: „Ubiory w Polsce“¹⁾ Это былъ большой и цѣнный трудъ, которымъ, вмѣстѣ съ занятіями въ Мюнхенской бібліотекѣ по части изученія бытовой обстановки прошлаго времени, Матейко хорошо подготовилъ себя къ дѣятельности историческаго живописца, какимъ, по своему влеченію къ историческимъ сюжетамъ, онъ сдѣлался.

Первою картиною, которою Матейко прибрѣлъ себѣ европейскую извѣстность, была выставленная на Парижской выставкѣ 1865 года и удостоенная награды золотою медалью картина „Проповѣдь Скарги.“ Затѣмъ слѣдовалъ рядъ историческихъ картинъ, изъ которыхъ наибольшую извѣстностью пользуется: „Люблинская унія“ (за эту картину, находящуюся въ настоящее время въ зданіи Галиційскаго сейма въ Львовѣ, Матейко на Парижской выставкѣ 1870 г. былъ удостоенъ наивысшей награды—орденомъ Почетнаго Легіона), „Варшавскій сеймъ 1773 года“, „Янъ Собіескій подъ Вѣною“, „Стефанъ Баторій“, „Hold pruski“, „Битва подъ Грюнвальдомъ“, „Станчикъ“ (шутъ короля Сигизмунда), „Витъ Ствошъ“ (польскій скульпторъ XV столѣтія), „Коперникъ“, „Костюшко“, „Битва подъ Варною“, „Битва при Танненбергѣ“ и другія. Послѣднимъ трудомъ Матейки была оставшаяся неоконченною картина „Śluby Iana Kazimierza“²⁾. Однимъ изъ послѣднихъ его произведеній былъ также его собственный портретъ, снимокъ съ котораго былъ помѣщенъ въ журналъ „Tygodnik Ilustrowany“ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти художника (1893 г. № 167), а по кон-

¹⁾ Раскрашенный экземпляръ этихъ рисунковъ находится въ извѣстной бібліотекѣ Оссолинскихъ.

²⁾ Нѣкоторые изъ русскихъ некрологовъ (напримѣръ во Всемирной Иллюстраціи) переводятъ это названіе: „Заповѣдь Яна Казимира“, другіе (напримѣръ въ Кіевлянинѣ)—„Свадьба“; оставляемъ названіе подлинника.

чинѣ его былъ перепечатанъ во многихъ журналахъ. Альбомъ гравированныхъ на деревѣ снимковъ съ картинъ и рисунковъ Матейки былъ изданъ въ 1875 году ¹⁾.

Изъ одного перечня картинъ Матейки можно видѣть, что онъ посвятилъ себя исторической живописи не только въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ выраженіе „историческая живопись“ употребляется въ художественной критикѣ, но и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ: за немногими исключеніями, почти всѣ картины Матейки изображаютъ историческія событія и лица, и именно—изъ польской исторіи. Едва-ли можно уеазать другого художника, который въ такой степени сосредоточивалъ бы свою дѣятельность на художественномъ воспроизведеніи исторіи своей родины, какъ дѣлалъ это Матейко: почти во всѣхъ его работахъ, въ сотняхъ картинъ и рисунковъ его главнымъ образомъ занимало одно—прошлое его родного края. Притомъ, изображая кистью и карандашемъ событія изъ исторіи своей родины, онъ предпочтительно останавливался на такихъ сюжетахъ, въ которыхъ, прославляя поляковъ, могъ рисовать ихъ прошлое въ наиболѣе привлекательныхъ для нихъ чертахъ. Этимъ Матейко давалъ поводъ называть его художникомъ тенденціознымъ, каковая тенденціозность проистекала изъ его страстнаго патріотизма.

Когда въ 1873 году ему было предложено занять мѣсто директора академіи художествъ въ Прагѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—сдѣлаться устроителемъ основывавшейся тамъ картинной галереи, Матейко, отклоняя это лестное предложеніе, именно тѣмъ и мотивировалъ отказъ, что онъ слишкомъ любитъ Польшу для того, чтобъ могъ ее покинуть. Въ написанномъ по этому поводу письмѣ, упомянувъ о томъ, что онъ хорошо понимаетъ тѣ выгоды, которыя заключаетъ въ себѣ сдѣланное ему предложеніе и которыя могли-бы обезпечить будущность его и дѣтей его, ничѣмъ до сихъ поръ не обезпеченную,—указавъ даже на свое кровное родство съ чехами, которое сильнѣе всякихъ матеріальныхъ выгодъ могло-бы побудить его къ переселенію, и на ту пріязнь,

¹⁾ „Album Iana Matejki z tekstem objaśniają cym przez K. Wojcickiego“. Warszawa. Nakład i druk Zewentala.

какую онъ питаетъ къ чехамъ, Матейко прибавляетъ: „ale zie-
mi mojej Polsce miłość ma pależу“, и отъ этого, а не отъ чего
нибудь другого, продолжаетъ онъ, долженъ зависѣть выборъ
между двумя положеніями, и потому онъ рѣшилъ оставаться
подъ своею „хотя и мизерною стрѣхою“, не предпочитая ее
никакимъ выгодамъ и удобствамъ—даже и тогда, когда онѣ
предлагаются такими близкими и родственными людьми, какъ
въ данномъ случаѣ ¹⁾.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, въ концѣ 1873
года, Матейко сдѣлался директоромъ Краковской школы изящ-
ныхъ искусствъ, въ которой онъ начиналъ учиться живописи,
и оставался въ этой должности до кончины своей, послѣдовав-
шей 20 октября (1 ноября) 1893 г. ²⁾

Хотя нѣкоторые изъ наиболѣ тенденціозныхъ картинъ Ма-
тейки, написанныя на сюжеты изъ исторіи борьбы поляковъ съ
нѣмцами, вызывали въ свое время недовольство нѣмцевъ, кото-
рымъ картины эти не могли нравиться по своему содержанію,
но по поводу смерти Матейки многія нѣмецкія газеты помѣс-
тили самые сочувственные о немъ отзывы, называя его однимъ
изъ величайшихъ историческихъ живописцевъ, причемъ въ част-
ности нѣкоторые нѣмецкіе критики поставили его выше Ка-
ульбаха и Пилоти (у котораго Матейко учился живописи въ
Мюнхенѣ). Изъ авторовъ статей, помѣщенныхъ въ русскихъ
журналахъ, В. Чуйко ³⁾ такъ характеризовалъ Матейко: „по
колориту его можно сравнить съ лучшими венеціанскими и ис-
панскими мастерами; въ правильности и изяществѣ рисунка съ
Матейко не можетъ сравняться ни одинъ изъ нынѣ живущихъ

¹⁾ Это интересное письмо напечатано въ вышеупомянутой книгѣ М. Горж-
ковскаго, стран. 64 и 65.

²⁾ Русскіе некрологи заключаютъ въ себѣ противорѣчивыя свѣдѣнія о вре-
мени смерти художника: по сообщенію „Кіевлянина“ Матейко умеръ 21 октября,
по сообщенію „Живописнаго Обзорія“—19 октября, по сообщенію „Сѣвера“—5
ноября и т. д. Мы обозначили время смерти на основаніи напечатанныхъ въ поль-
скихъ газетахъ (см. „Кгаз“ № 44) объявленій о смерти и погребеніи, въ которыхъ
публика извѣщалась, что Матейко „Zasnął w Bogu dnia 1 listopada o godzinie
3 popołudniu“.

³⁾ Всемирная Иллюстрація 1893 г. № 1297.

живописенъ Краковъ! Сколько тутъ превосходной готики передъ моими глазами! Цѣлый базаръ славянскихъ типовъ, въ барашковыхъ шапкахъ, въ кобенякахъ, и киреяхъ съ видлогами; женщины повязаны какъ хохлушки. Красные обшлага на синихъ мундирахъ, ясные гузики, бѣлые кафтаны съ широкими поясами, расшитые расквиткованные, переносятъ меня во времена казаковъ гетманщины.... Но что это тамъ вверху, надъ куполомъ какого то грандіознаго зданія? Что за страшное, черное, колоссальное знамя изъ флера! Какъ оно величаво волпуется на сѣромъ безотрадномъ небѣ! Жутко даже... Я отвернулся къ великолѣпному старому готическому собору и пошелъ къ нему. У дверей его еще издали мнѣ бросилась въ глаза огромная траурная афиша съ чернымъ крестомъ. Я глазамъ не вѣрилъ—ясно можно было прочесть: *Jan Matejko*. Онъ умеръ вчера въ 3 часа пополудни. Все послѣ этого мнѣ показалось въ траурѣ...“

Упомянувъ затѣмъ о попыткѣ проникнуть въ квартиру Матейки, тѣло котораго въ то время бальзамировали, о приготовленіяхъ къ похоронамъ и о посѣщеніи Краковскаго музея, въ которомъ находятся четыре громадныхъ картины Матейки, Рѣпинъ излагаетъ свое мнѣніе объ этихъ картинахъ, которое мы не можемъ позволить себѣ выписать все цѣликомъ, такъ какъ для этого оно слишкомъ подробно. Поэтому, отсылая желающихъ ближе ознакомиться со взглядами Рѣпина къ подлинной статьѣ, приведемъ изъ нея лишь главнѣйшія положенія. По словамъ Рѣпина, Матейко имѣлъ великую національную душу и умѣлъ горячо и вѣстатн выражать своимъ творчествомъ любовь къ своему народу; въ годину забитости своей націи онъ развернулъ передъ нею великолѣпную картину былаго ея могущества и славы. Описавъ картину „Hold pruski“ и сравнивая ее съ находящеюся въ томъ же музеѣ картиною Семирадскаго „Свѣточи Нерона“, Рѣпинъ пишетъ, что, обративъ на нее вниманіе послѣ картинъ Матейки, онъ едва узналъ ее: такою черною и безжизненною показалась она ему. „Я едва вѣрилъ“, говоритъ онъ, „своимъ глазамъ—ужели это та самая, такъ ослѣплавшая весь Петербургъ картина! Нѣтъ, она почер-

нѣла вслѣдствіе сырости или другого химическаго процесса въ краскахъ? Или такъ велика сила искренняго, глубокаго вдохновенія передъ искусственно возбужденными праздными силами таланта? Да и слабый рисунокъ Семирадскаго развѣ можетъ идти въ сравненіе съ могучимъ стилемъ Матейки!“ Далѣе Рѣпинъ находитъ, что въ своихъ картинахъ Матейко уже черезчуръ добросовѣстенъ въ ущербъ самому себѣ. Масса подавляющаго матеріала въ другихъ его картинахъ, наприм. „Битва при Грюнвальдѣ“, даже мѣшаетъ общему впечатлѣнію: не смотря на геніальный экстазъ центральной фигуры, все же кругомъ, во всѣхъ углахъ картины, такъ много интереснаго, живого, кричащаго, что просто изнемогаешь глазами и головой воспринять всю массу этого колоссальнаго труда. Нѣтъ пустого мѣстечка; и въ фонѣ, и вдали, вездѣ открываются новыя ситуации, композиціи, движенія, типы, выраженія; это поражаетъ, какъ безконечная картина вселенной, по мѣрѣ того, какъ усиливается зрительный аппаратъ наблюдателя. Да, картины Матейки, продолжаетъ авторъ, надо изучать, хотя большое наслажденіе доставляетъ созерцаніе и каждаго куска его картины; вырѣжьте любой кусокъ—получите прекрасную картину, полную мельчайшихъ деталей. Это-то, по мнѣнію Рѣпина, и тягелитъ общее впечатлѣніе колоссальныхъ холстовъ, такъ какъ въ картинахъ нужны фоны, нужны пространства для отдыха глаза и для простора главныхъ фигуръ. Большою техническою ошибкою этого могикана исторической живописи Рѣпинъ находитъ то, что онъ рѣшительно вездѣ, на всѣхъ планахъ и во всѣхъ углахъ картины, подробно заканчиваетъ всѣ детали всѣхъ предметовъ, съ одинаковою страстью и любовью; малѣйшіе полутоны которые видны въ натурѣ только при долгомъ разсматриваніи, жилы на рукахъ, ногти, блескъ на нихъ, всѣ мельчайшіе переливы, рефлексы отъ всѣхъ предметовъ, часто даже въ преувеличенной дозѣ—все у него подчеркнуто. Эту ошибку Рѣпинъ объясняетъ физическимъ недостаткомъ Матейки—его близорукостью; отодвигаясь на нѣкоторое разстояніе отъ своей картины, онъ уже смутно воспринималъ написанное, и потому усиливалъ всѣ мелочи. Въ заключеніе своего отзыва о картинахъ Матейки Рѣпинъ говоритъ: „но съ какою любовью, съ какою энергіей

нарисованы всѣ лица, руки, ноги, да и все, все! Какъ это вездѣ *crescendo, crescendo*, отъ котораго кружится голова! Нельзя не удивляться этой гигантской выдержкѣ, этому безпримѣрному терпѣнію. Такое отношеніе возможно только при горячей, страстной любви искусства. Рано сгорѣлъ этотъ великій энтузіастъ, горячій патріотъ. Подвигъ его на прославленіе своей родины—безпримѣрный по своей колоссальности. Для созданія этого великаго цикла польской эпопеи нужны были гигантскія силы и преданная душа. Да, въ этомъ небольшомъ тѣлѣ жила дѣйствительно героическая душа“...

Нѣкоторыя изъ картинъ Матейки, относясь къ исторіи Польши, изображаютъ такія событія, которыя имѣли значеніе и для исторіи Малороссіи, по связи этихъ событій съ исторіей южнорусскаго края. На нѣсколькихъ большихъ его картинахъ съ большимъ числомъ фигуръ (какъ „Люблинская унія“, „Стефанъ Баторій“, Проповѣдь Скарги“), въ группахъ изображенныхъ на нихъ лицъ, были изображены и нѣкоторые дѣятели южнорусскаго края, напримѣръ: гетманъ низовыхъ казаковъ (на картинѣ „Стефанъ Баторій“), князья Острожскіе, Вишневецкіе и другіе. Къ произведеніямъ же Матейки, имѣющимъ болѣе близкое отношеніе къ Малороссіи, принадлежатъ слѣдующія:

1. *Hold Bohdana Chmielnickiego przed Janem Kazimierzem pod Zbarażem*. Акварель изъ болѣе раннихъ произведеній Матейки, была написана въ 1859 году и подарена художникомъ М. Горжековскому въ Краковѣ. Снимковъ съ нея, на сколько намъ извѣстно, издаваемо не было.

2. *Hetman Zaporozża Eustachy Daszkiewicz*. Картина, писанная масляными красками, выставялась на Краковской художественной выставкѣ 1874 года и была приобрѣтена Л. Михаловскимъ въ Краковѣ. Фотографическіе снимки съ нея были изготовлены А. Шубертомъ въ Краковѣ, а гравированный на деревѣ снимокъ по рисунку самого художника былъ помѣщенъ въ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany* (1877 г. № 93) и перепечатанъ въ „Живописномъ Обзорѣніи“ (1878 г. № 1). Картина представляетъ поясную фигуру гетмана, который изображенъ съ большою бородою, одѣтымъ въ кольчугу и довольно странной формы широкую шапку; въ рукахъ онъ держитъ ружье

какъ бы приготовляясь взвести курокъ; лицо энергичное и красивое, но вовсе не малорусскаго типа.

3. *Bohdan Chmielnicki*. Рисунокъ 1875 года, былъ помѣщенъ въ журналѣ „Kłosy“, а литографическая копія съ него напечатана въ сборникѣ В. Б. Антоновича и В. А. Беца „Историческіе дѣятели юго-западной Россіи“ (Кіевъ, 1883 г.). Рисунокъ представляетъ портретъ гетмана, сдѣланный на основаніи извѣстной гравюры Гондіуса, составляющей самый старый, современный гетману портретъ его; но, сравнительно съ гравюрою, черты лица нѣсколько идеализированы. На немъ не видно той усталости, которая замѣчается на лицѣ, изображенномъ Гондіусомъ; глаза свѣтятся энергіей и удалью, напоминающею скорѣе польскую, чѣмъ украинскую, удаль. На рисунокѣ сохранена та же особая примѣта, которою отличаются гравюры Гондіуса (отвороченная четвертая петля лѣвой стороны верхняго плаща).

4. *Wieszczba ukraińskiego lirnika*. Картина, писанная масляными красками, была выставлена на художественной выставкѣ въ Краковѣ въ 1875 году и приобрѣтена Я. Луцескою въ Варшавѣ. Фотографическіе снимки съ нея были изготовлены А. Шубертомъ, а гравированные на деревѣ снимки были помѣщены въ вышеупомянутомъ альбомѣ Матейки и въ „Живописномъ Обзорѣніи (1879 г. № 33), въ послѣднемъ подъ названіемъ: „Украинскій пѣвецъ былинъ“. На картинѣ изображенъ лирникъ съ большою, развѣвасемою вѣтромъ въ обѣ стороны бородою, съ лицомъ вдохновеннымъ, но совсѣмъ не похожимъ на тѣхъ лирниковъ, которые намъ знакомы; онъ сидитъ среди группы слушателей; повидимому, онъ пѣлъ о временахъ минувшихъ и затѣмъ мыслью своею перенесся къ будущему, въ головѣ его нарисовалась какая то картина; онъ положилъ лиру на колѣни и что-то говоритъ, вперивши взглядъ въ пространство; пораженные слушатели внимаютъ ему, а одинъ изъ нихъ, съ книжкой и карандашемъ въ рукахъ, записываетъ. На заднемъ фонѣ картины, изъ за головы лирника виднѣтся поднимающаяся на небѣ полная луна.

5. *Wernyhora prorok ukraiński* (другое названіе: „*Wieszczbiarz lirnik*“). Картина, писанная масляными красками и представляющая новую варіацію на предъидущую тему, въ боль-

шемъ размѣрѣ и съ разными измѣненіями. Она выставялась на Львовской выставкѣ 1884 года, а въ настоящее время находится въ Америкѣ. Снимки съ нея были помѣщены въ журналахъ „Kłosy“ (1886 г. № 1082) и „Illustrierte Zeitung“ (1893 г. № 2629). Въ объясненіе вышеуказаннаго названія картины, въ текстѣ альбома Матейки, принадлежащемъ К. Войцицкому, равно какъ и въ нѣкоторыхъ замѣткахъ, помѣщенныхъ объ этой картинѣ въ польскихъ и нѣмецкихъ журналахъ, сообщалось, что Вернигора былъ наиславнѣйшимъ изъ украинскихъ лирниковъ, что онъ жилъ въ половинѣ прошлаго столѣтія и въ представленіи народа обладалъ способностью предсказывать будущее. Притомъ, какъ повѣствуютъ нѣкоторые комментаріи (не знаемъ—вѣрно-ли), изображенный на этой картинѣ лирникъ пророчествуетъ о будущемъ Польши, предсказывая ея погибель (въ нѣмецкомъ журналѣ, въ которомъ помѣщенъ снимокъ картины, она такъ и названа: „Die Prophezeiung des Kosacken Wernyhora über die Zukunft Polens“). По содержанію своему, эта картина напоминаетъ предъидущую; также поднимается на заднемъ фонѣ полная луна, лирникъ изображенъ въ такой же позѣ, но у него иное лицо и иное выраженіе; лира уже не лежитъ на колѣняхъ, а брошена на землю; лирника окружаетъ большее число слушателей (вмѣсто семи, девять); у нихъ иные лица и иное расположеніе фигуръ. Ближе всѣхъ къ лирнику, съ правой его стороны, сидитъ запорожецъ съ „оселедцемъ“ на головѣ; онъ слушаетъ лирника съ видимымъ удовольствіемъ и должно быть—отъ радости обнялъ его; рядомъ съ запорожцемъ помѣстился гайдамака въ мѣховой шапкѣ съ ружьемъ въ рукѣ; онъ слушаетъ предсказаніе болѣе спокойно и недовѣрчиво; на лицѣ сидящаго на переднемъ планѣ монаха выражается смущеніе и огорченіе; въ лицѣ того слушателя, который записываетъ, изображенъ, какъ объяснялъ „Dziennik Rozpawski“, Каневскій староста Суходольскій.

6. Рисунки, изображающіе виды разныхъ старинныхъ зданій въ Львовѣ и другихъ мѣстахъ Галиціи. Были помѣщены частію въ вышеупомянутомъ альбомѣ Матейки (подъ заглавіемъ: „Starożytnie budowle i zabytki“), частію—въ журналахъ „Tygodnik Ilustrowany“ и „Kłosy“.

Будучи первостепеннымъ мастеромъ и хорошимъ знаткомъ польской исторіи, Матейко, какъ можно замѣтить по его картинамъ и рисункамъ, подобно Андриолли, не былъ знаткомъ малорусскаго быта, да и не могъ его хорошо знать: онъ бывалъ только въ разныхъ мѣстахъ Галиціи, а на Украинѣ никогда не былъ. Весь ушедши своими симпатіями, изученіями и работами въ польскую исторію и археологію и отрываясь отъ этихъ работъ для изображенія чего нибудь другаго только въ видѣ исключенія или для отдыха, онъ вѣроятно и интересовался малороссами лишь на столько, на сколько они принимали участіе въ событіяхъ польской исторіи. Можетъ быть вслѣдствіе всего этого, изображенные на картинахъ и рисункахъ Матейки малороссы мало напоминаютъ знакомые, родные намъ типы. Но хотя представленные въ его произведеніяхъ малорусскіе типы не совсѣмъ вѣрны, въ авторѣ, при всей его страстности, нельзя замѣтить ни антипатій, ни насмѣшки по отношенію къ нимъ; напротивъ, и Богданъ Хмельницкій, и гетманъ Дашковичъ, и лирникъ Вернигора въ изображеніи Матейки выглядятъ героями, воплощая въ себѣ красоту и мощь физическую и духовную.

Оба художника, о которыхъ мы говорили, были почти ровесники: Матейко былъ однимъ годомъ моложе Андриолли; оба умерли въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ отъ нихъ можно было ожидать еще многого. По характеру своему, они составляли нѣкоторую противоположность другъ другу: Андриолли былъ живой, подвижный, общительный человекъ, а Матейко—молчаливый, сосредоточенный въ себѣ, гордый. Работая надъ небольшими рисунками, Андриолли говорилъ, что не въ его духѣ отдѣлывать детали, а Матейко чрезмерно трудился надъ отдѣлкою деталей, работая надъ громадными холстами. Со временемъ, конечно, явятся новые иллюстраторы, передъ произведеніями которыхъ слава Андриолли можетъ померкнуть, а другой Матейко едва-ли явится. Нельзя не сожалѣть, когда преждевременно умираетъ могучій талантъ, но, вспоминая слова поэта: „не говори съ тоской—*ихъ нѣтъ*, а съ благодарностію—*были*“, мы могли бы сказать землякамъ Матейки: счастливы вы тѣмъ, что у васъ *былъ* талантъ, который изъ вашего прошлаго умѣлъ создать въ краскахъ такую чудную эпопею. Н. Шугуровъ.

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія I.

(съ польскаго)¹⁾.

I.

Степная Елена.

Богданъ Хмельницкій выступаетъ какъ историческій дѣя-
тель внезапно: изъ скромнаго чигиринскаго сотника, а затѣмъ
войсковаго писаря онъ становится обладателемъ обширнаго
края, разореннаго и опустошеннаго. Желтоводскій погромъ, Кор-
сунская побѣда, Пилага быстро слѣдуютъ другъ за другомъ,
и побѣдоносное шествіе Богдана останавливается у стѣнъ За-
мостья. Триумфаторъ возвращается въ упоеніи отъ удачи, въѣз-
жаетъ въ древній Кіевъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ великими по-
честями академики и привѣтствуютъ его какъ дѣйствительно
посланнаго Богомъ избавителя украинныхъ земель. Неудиви-
тельно, если этотъ, недавно еще простой козакъ, гордый такой
встрѣчей, воскликнулъ, обращаясь къ унижавшимся передъ нимъ
польскимъ комиссарамъ: „Правда, я человекъ малый, но Господь
мнѣ помогъ сдѣлаться независимымъ повелителемъ на Руси“²⁾.

Но въ нашу задачу не входитъ рассказъ о триумфахъ
Богдана,—все это извѣстно слишкомъ хорошо. Цѣль наша го-
раздо скромнѣе: мы постараемся обрисовать дворъ и обстановку

¹⁾ „Biblioteka Warszawska“, іюль, 1893 г.—Предлагается переводъ съ нѣ-
которыми сокращеніями.

²⁾ Michałowski „Księga pamiętnicza“, Kraków, стр. 374.

гетмана и въ особенности прослѣдить роль женщины, ея вліяніе и значеніе при этомъ дворѣ. Это не лишено интереса. Известно, что во время военныхъ бурь хмельниччины погибла масса женщинъ, какъ мѣстныхъ уроженокъ, такъ и привилегированныхъ шляхтянокъ; большая часть ихъ, въ качествѣ предмета мѣновой торговли, поступала въ продажу на бахчисарайскій и константинопольскій рынки, но не мало осталось на мѣстѣ, среди новыхъ условій общественности, неожиданно выступившей на историческую арену.

О происхожденіи самого Богдана имѣется множество самыхъ разнорѣчивыхъ показаній, но мы не намѣрены вдаваться въ подробный ихъ разборъ. Отецъ гетмана Михаилъ повидимому не принадлежалъ къ привилегированному сословію. Тѣмъ не менѣе это былъ человекъ бывалый, понатертый и мало чѣмъ отличался отъ шляхтича; Жолковскіе въ Жолквѣ и Даниловичи въ Олесѣ пользовались его услугами и совѣтами; послѣдній изъ нихъ, въ качествѣ курсунскаго старосты, отдалъ въ 1616 г. Михаилу пустошь въ Корсунщинѣ и даже назначилъ его чигиринскимъ подстаростой ¹⁾. Возможно, что Михаилъ не былъ мѣстнымъ уроженцемъ, такъ какъ другихъ Хмельницкихъ почти не встрѣчаемъ на этой окраинѣ. Какъ бы то ни было, новый чигиринскій чиновникъ понималъ важность науки, такъ какъ отдалъ своего единственнаго сына въ іезуитскую школу въ Ярославѣ, гдѣ Богданъ научился по-латыни и усвоилъ тотъ лоскъ и умѣнье говорить, благодаря которымъ онъ пользовался такимъ вліяніемъ на окружающихъ.

Полученный Михаиломъ хуторъ или урочище Суботовъ находился въ милѣ отъ Чигирина, официальной резиденціи подстаросты. Расположенный надъ Тясминомъ и окруженный лѣсами и болотами, уголокъ этотъ скорѣе походилъ на стоянку рыбака или охотника, нежели на земледѣльческій поселокъ ²⁾. Но вскорѣ Суботовъ измѣнился до неузнаваемости: хозяинъ

¹⁾ Michałowski, op. c., стр. 431. Первоначально грунтъ Михаила Хмельницкаго принадлежалъ къ червасскому старостству (Rulikowski „Słownik geograficzny“ XI, 522).

²⁾ Rulikowski, op. c., XI, 523.

поставилъ домъ, устроилъ прудъ, при немъ мельницу, пасѣку, обширный садъ, затѣмъ явились и поселенцы. Хуторъ приносилъ немалые доходы. Должно думать, что хозяйствомъ завѣдывала мать Богдана, потому что мужъ ея, занятый службой, отправился съ „волонтерами“ подъ Цепору и тамъ сложилъ голову въ побоищѣ ¹⁾. Сынъ, сражавшійся рядомъ съ отцомъ, попалъ въ плѣнъ и „два года находился въ тяжкомъ заключеніи, по его собственнымъ словамъ“ ²⁾. Это было въ Цареградѣ; сдѣлавшись тайнымъ послѣдователемъ корана, Богданъ получилъ нѣсколько больше свободы ³⁾; затѣмъ попалъ въ Крымъ, все таки плѣнникомъ; онъ выучился бѣгло говорить по турецки и по татарски, но въ этой школѣ усвоилъ онъ много восточной хитрости и немало завязалъ отношеній, которыя облегчили ему впослѣдствіи возможность имѣть союзниковъ и располагать по первому мановенію силами орды. Пользуясь усвоеннымъ въ плѣну опытомъ, онъ по возвращеніи домой нерѣдко принималъ дѣятельное участіе во внутреннихъ междоусобіяхъ польскихъ магнатовъ. Передъ 1646 г. онъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ, въ качествѣ посредника въ дѣлѣ поступления козаковъ во французскія войска ⁴⁾. Богданъ пользовался покровительствомъ польскаго короля Владислава, который зналъ его лично, потому что войсковою писарь дважды являлся къ королю (въ 1639 и 1646 г.). Словомъ, Хмельницкій много видѣлъ и побывалъ въ свѣтѣ, на войнѣ, при дворѣ, а въ школѣ онъ познакомился съ представителями высшаго дворянства и даже духовенства ⁵⁾.

Изъ плѣна выкупила его мать. Онъ вернулся домой какъ разъ во время, потому что хозяйство пришло въ разстройство подъ управленіемъ старухи, угнетенной немощью и несчастіями. Сынъ занялся хозяйствомъ, и повидимому онъ понималъ дѣло, потому что все пошло у него на ладъ. Наконецъ, въ хуторѣ

¹⁾ Żółkiewski, Pisma, Lwów, 1861, 571.

²⁾ Michalowski, op. c., стр. 431.

³⁾ Sękowski, Celsectanea, I, 201—203.

⁴⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, изд. 4-е, 1884 г., стр. 67 и 24.

⁵⁾ Шайноха, Два lata dziejów naszych, Lwów, 1, 14.

стало тѣсно, и Богданъ, по усмирениі движенія Павлюка, выпросилъ у короля степной участокъ на противоположномъ берегу Тясмина. Явились постройки, пасѣвки, гумна, явился чиншъ съ хать и корчёмъ, потому что въ нихъ варились меды и пиво ¹⁾. Быть можетъ, благосостоянію помогла и женитьба, имѣвшая мѣсто около 1630 г. или нѣсколько позже. Въ это время Богдану было слишкомъ тридцать лѣтъ; раньше онъ не имѣлъ возможности думать о бракѣ,—походъ къ Цецорѣ, многолѣтняя неволя, затѣмъ заботы о хозяйствѣ не позволяли. Анна Сомко, жена Богдана, была дочерью богатаго переяславскаго вупца, по смерти отца осталась сиротой и находилась подъ опекой брата. Послѣдній сошелся съ Богданомъ, пользовался его покровительствомъ и даже былъ назначенъ впоследствии прилуцкимъ полковникомъ. Спокойнаго нрава, щедрая, болѣзненная, Анна всецѣло отдалась домашнему хозяйству,—все остальное ея не касалось. Дѣтей было четверо: Катерина, Елена или Степанида ²⁾, Тимошъ (род. въ 1635 г.) и Юрій (въ 1641 г.). Обстоятельства сложились благоприятно: достатокъ, нѣкоторые успѣхи на полѣ мелкой дипломатіи и походовъ въ степи, популярность среди козаковъ реестровыхъ и запорожскихъ, необычная для неважнаго званія войскового писаря,—словомъ, въ своемъ чигиринскомъ міркѣ Хмельницкій безспорно занималъ выдающееся положеніе; войсковые комиссары, назначенные Рѣчью Посполитой (въ своемъ родѣ региментари надъ реестровымъ войскомъ), не беспокоили его, пользовались нерѣдко его совѣтами и видѣли въ немъ будущаго предводителя козацкихъ отрядовъ, если послѣдніе будутъ организованы. Богданъ водилъ дружбу съ полковниками, а староста (Станиславъ Конецпольскій) и начальникъ военныхъ силъ отличалъ его предъ другими, равными и даже старшими въ чинѣ. Такъ обстояли дѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не явилась на сцену особа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ подстаростины чигиринской.

¹⁾ Rulikowski, op. c., XI, 523.—Grabowski, Ojczyzsté spominki, 1, 138.

²⁾ Krasicki въ прибавленіи въ соч. Несѣцкаго, III, 41.

Происхожденіе этой степной Елены неизвѣстно,—мѣстные источники на этотъ счетъ расходятся. Но такъ какъ она держалась восточнаго обряда, то нужно думать, что родилась она на украинѣ. Называли ее „Ляшкой“,—быть можетъ, отецъ ея былъ выходецъ изъ рѣчи посполитой. Несомнѣнно, она осталась сиротой, потому что нашла пристанище въ домѣ Хмельницкихъ. Трудно сказать, чѣмъ собственно она тамъ занималась. Младшій сынъ гетмана, Юрій, выказывалъ ей впоследствии большую привязанность,—вѣроятно, она ухаживала за нимъ, когда тотъ былъ еще ребенкомъ. Болѣзненной хозяйкѣ дома нужна была помощница. Естественно было взять сироту для услугъ по хозяйству. Но помощница Анны съумѣла занять мѣсто хозяйки и въ сердцѣ ея мужа, и при томъ нераздѣльно. Трудолюбивая подруга жизни войсковаго писаря, быть можетъ, и подмѣтила кой-что, но молчала: она чувствовала себя не въ состояніи вліять на мужа, ставшаго выше ея по образованію, тѣмъ болѣе, что Богданъ долженъ былъ усвоить на Востокѣ нѣкотораго рода пренебреженіе къ женщинѣ, этому покорному орудію въ рукахъ повелителя-мужа, почти невольницѣ. Если пріютившаяся въ его домѣ сирота пришлась по сердцу Богдану, то почва для развитія страсти была подготовлена. Но законная жена была жива,—приходилось ожидать, и Богданъ ожидалъ терпѣливо, тѣша себя надеждой на болѣе или менѣе близкую развязку. Но тутъ какъ разъ, самымъ неожиданнымъ образомъ, явился опасный соперникъ. Въ Чигиринѣ наступила большая перемѣна: мѣсто прежняго подстаросты занялъ новый, назначенный на этотъ постъ короннымъ гетманомъ, нѣкто Даниилъ Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, вдовецъ, человѣкъ уже немолодой, такъ какъ у него были замужнія дочери: одна изъ нихъ вышла за Комаровскаго, помощника тестя въ управленіи обширными чигиринскими имѣніями. Вновь назначенный чиновникъ появился на Украинѣ въ концѣ 1639 года. Выборъ Конецпольскаго былъ не изъ удачныхъ, потому что Чаплинскій не обладалъ подходящими качествами. Привыкшій къ жестокому обращенію съ крѣпаками на своей родинѣ, онъ съ близорукимъ упрямствомъ стремился примѣнить ту же систему и

въ степяхъ, т. е. въ самомъ неудобномъ для этого краѣ, на пограничьи съ татарами и запорожскими козаками, которые издѣвались надъ всякими административными репрессаліями. Къ несчастію, Чаплинскій имѣлъ преувеличенное понятіе о своей власти, хотя въ дѣйствительности она была и велика, благодаря исключительнымъ условіямъ и легкомысленному отношенію мѣстныхъ властей къ возложеннымъ на нихъ по конституціи обязанностямъ по охранѣ границъ. Вслѣдствіе этого подстароста въ порученномъ ему надзоре округѣ былъ неограниченнымъ повелителемъ, если сумѣлъ заслужить довѣріе старосты. Между тѣмъ, въ это время чигиринскій староста былъ и великимъ короннымъ гетманомъ; непосредственно ему былъ подчиненъ комиссаръ или „старшій“ войска запорожскаго, имѣвшій резиденцію въ недалекомъ Трехтемировѣ; во время назначенія Чаплинскаго эту должность занималъ Петръ Комаровскій, близкій родственникъ его зятя, и такимъ образомъ сама собою создавалась нѣкоторая зависимость послѣдняго отъ перваго. Слѣдуетъ припомнить, что должность комиссара учредилъ самъ Конецпольскій въ 1638 г. по усмиреніи возстанія Острицы, а назначеніе на эту должность выходило изъ гетманской канцеляріи, отъ нея же зависѣло и назначеніе начальниковъ надъ реестровыми полками; вслѣдствіе этого чигиринскій полковникъ Кречовскій, подчиненный комиссару, тѣмъ самымъ находился въ зависимости отъ подстаросты, который, пользуясь довѣріемъ гетмана, „присвоилъ себѣ власть какъ надъ комиссаромъ, такъ и надъ полковникомъ. Надменный, заносчивый, недоступный и склонный къ насилию, Чаплинскій считалъ козакъ не войскомъ, но сбродомъ наглыхъ и непослушныхъ мужиковъ, и вообразилъ, что его задача и даже въ нѣкоторомъ родѣ обязанность заключается въ усмиреніи закоренѣлаго своеволія и въ караніи самоуправства, которое вытекало изъ условій жизни народа, чаще имѣвшаго дѣло съ саблей, нежели съ плугомъ. Повторяемъ, выборъ гетмана былъ не изъ удачныхъ, хотя у него было подъ рукой много людей опытныхъ и знакомыхъ съ краемъ. Несправедливо было-бы впрочемъ сваливать всю вину за дальнѣйшія событія на одного Чаплинскаго: онъ

явился на Украину представителемъ системы притѣсненія, не имъ заведенной и практиковавшейся до него, но Чаплинскій примѣнялъ ее слишкомъ грубо, нерѣдко пользуясь властью и закономъ въ угоду собственнымъ капризамъ и неосновательнымъ антипатіямъ.

Нѣсколько ознакомившись съ мѣстностью, Чаплинскій обратилъ особое вниманіе на Хмельницкаго. Не понравились они другъ другу. Войсковой писарь слишкомъ импонировалъ подстаростѣ,—онъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ жителей староства; кромѣ того, Богданъ недавно возвратился изъ Варшавы, гдѣ былъ любезно принятъ во дворцѣ и даже получилъ обѣщанія дальнѣйшихъ вольностей, имѣлъ при себѣ какія то грамоты,—не удивительно, что Богданъ держалъ себя независимо. Чаплинскій началъ наводить справки объ его предѣлахъ и узналъ, что они были мужиками, что отецъ его, обыкновенный поселенецъ, назывался Хмелемъ; а сынъ—Хмеленкомъ, но затѣмъ самовольно измѣнилъ фамилію. Въ ограниченной головѣ шляхтича не могли помѣститься три понятія: хлопь, богатъ, за панибрата съ королемъ! Дальнѣйшимъ поводомъ къ враждѣ было соперничество въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Чаплинскій понималъ, что удачнымъ и энергичнымъ заселеніемъ обширныхъ степныхъ пространствъ можетъ заслужить неограниченное довѣріе со стороны великаго короннаго гетмана. Извѣстно, что девизомъ Конецпольскаго въ послѣдніе годы его жизни было заселеніе плодородныхъ пустынь Украины, не щадя никакихъ расходовъ и жертвъ. Сюда входили и королевскія имѣнія, которыя, по заселеніи ихъ, должны были составить какъ бы оборонительную стѣну для сель и хуторовъ, расположенныхъ далѣе въ степяхъ: побольше народу, рабочихъ рукъ и силъ для отпора татарскимъ набѣгамъ,—отсюда и большая безопасность для внутреннихъ областей Рѣчи Посполитой, немало терпѣвшихъ отъ непокойныхъ сосѣдей. Благосостояніе Богдана кололо глаза Чаплинскому, который, не смотря на всѣ усилія, не могъ вести колонизаціи такъ удачно, какъ простой козакъ, располагавшій гораздо меньшими средствами. Послѣдствіемъ этого явилось разсмотрѣніе правъ Хмельницкаго на владѣніе землями.

Къ несчастью, документы не были въ порядкѣ, и начались придирки. Обиженный не уступалъ, онъ подавалъ жалобы все выше и дальше,—все было бесполезно: по всеѣмъ правиламъ закона, которымъ пользовались лишь когда это было выгодно и удобно, выходило, что чигиринскаго сотника можно лишить наслѣдственнаго и даже благопріобрѣтеннаго имѣнія, утвержденного королемъ, на томъ лишь основаніи, что въ свое время актъ на владѣніе не былъ занесенъ въ городскія или земскія книги, а королевская грамота не была утверждена сеймомъ. Заслуги отца чигиринскаго сотника, погибшаго подъ Цецорой, были при этомъ забыты. Чаплинскій велъ дѣло исподоволь и вѣроятно заручился предварительно согласіемъ гетмана, ссылаясь на бунтовскіе замыслы Богдана, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ въ Суботовѣ произошли большія перемѣны: жена Богдана умерла, оставивъ сиротъ; Богданъ началъ пить, по обычаю, столь распространенному на Украинѣ. Эта дурная привычка не осталась безъ вліянія на здоровье сыновей, какъ младшихъ въ родѣ. Прекрасная Елена продолжала жить у вдовца, быть можетъ въ качествѣ няньки прѣ дѣтяхъ. Трудно сказать, когда именно узналъ ее Чаплинскій, но, кажется, это случилось еще при жизни Хмельницкой. Пользуясь отсутствіемъ сотника, подстароста явился въ Суботовъ, чтобы осмотрѣть хозяйство, о которомъ такъ много слышалъ; нашелъ все въ образцовомъ порядкѣ; хозяйка, ссылаясь на нездоровье, не вышла къ гостю,—мѣсто ея заняла Елена, и подстароста былъ пораженъ. Вѣроятно, она была необыкновенно хороша собой, если успѣла такъ очаровать двухъ немолодыхъ уже соперниковъ. Должно думать, что она подавала надежды обоимъ,—иначе трудно объяснить ожесточенную борьбу ихъ за обладаніе Еленою. Какъ бы то ни было, подстароста для похищенія дѣвушки распорядился организовать настоящее нападеніе, „заѣздъ“—обычный въ ту пору пріемъ, терпимый закономъ, но представлявшій явное нарушеніе послѣдняго. Все дѣло велось подъ предлогомъ выселенія войскового писаря изъ незаконно занятаго Суботова. Конечно, все совершилось по заранѣ состав-

ленной программѣ: хаты поселенцевъ были снесены, взято съ гумна 400 копѣ хлѣба, мельница и все хозяйство Хмельницкаго сдѣлались добычей пламени, а тѣмъ временемъ дѣвушка была похищена ¹⁾). Бракъ былъ совершенъ по латинскому обряду,—вѣроятно, Елена приняла католичество. Это было въ 1646 году. Взбѣшенный писарь вызвалъ противника на поединокъ, но едва самъ спасся отъ засады; вслѣдъ за тѣмъ онъ кинулся къ Конецпольскому, сыну короннаго гетмана, управ­лявшему староствомъ по смерти отца,—безполезно; обратился къ суду,—получилъ отказъ. Богданъ помчался въ Варшаву. За нимъ послѣдшилъ Чаплинскій. Оба противника предстали предъ лицомъ сенаторовъ, приглашенныхъ въ качествѣ судей. Въ числѣ другихъ обидѣ, потерпѣвшій упомянулъ о похищенной дѣвушкѣ, которую назвалъ своей женой. „Что касается этого, протестовалъ подстароста, то она вовсе не была женой Хмельницкаго; онъ силой держалъ ее у себя, вотъ почему она такъ поспѣшно ушла отъ него, а такъ какъ она мнѣ пришлось по сердцу, то я и женился на ней. Никто не заставитъ меня отказаться отъ нея, но если бы и такъ, то она сама не согласится и ни за что не возвратится къ Хмельницкому.“ Присутствовавшіе начали подшучивать: „Ну, стоитъ ли, пане сотникъ, жалѣть о такой особѣ! Свѣтъ не клиномъ сошелся,—пойди другой, а эта пусть останется при томъ, кто ей такъ понравился“ ²⁾). Король тоже не оказалъ Богдану никакой помощи, при этомъ случаѣ Владиславъ будто-бы напомнилъ Хмельницкому о значеніи сабли для самозащиты. Въ сердцахъ возвратился Богданъ на родину; Суботовымъ онъ уже не владѣлъ, такъ какъ новый староста передалъ его въ пожизненное владѣніе Чаплинскому. Поэтому Богданъ поселился въ Чигиринѣ, въ своей усадьбѣ, чтобы быть поближе къ врагу, а можетъ быть и къ пани Чаплинской. Можно думать, что послѣдняя подавала ему какія то надежды, что она приковала его къ себѣ какими то особыми чарами,—иначе трудно объяснить поведеніе

¹⁾ Maciejowski, Pamiętniki o dziejach piśmiennictwa i prawodawstwa słowian, 1139, I, 319.

²⁾ Костомаровъ, оп. с., I, 238—241.

Хмельницкаго. Что ему грозила ежеминутно опасность, можно судить изъ длиннаго списка притѣсненій и насилій, на которые не скунился теперь подстароста въ упоеніи двойной побѣдой надъ писаремъ. Ненависть усиливалась по мѣрѣ того, какъ росла популярность Богдана въ Чигиринѣ; въ то время какъ у Чаплинскаго было пусто, на дворѣ у писаря вѣчно стоялъ говоръ и веселье: гостепріимный хозяинъ угощалъ многочисленныхъ посѣтителей, вербовалъ себѣ сторонниковъ, нерасположенныхъ къ подстаростѣ. Нерѣдко показывался здѣсь и черкасскій сотникъ Барабашъ, принадлежавшій къ партіи умѣренныхъ; Иванъ Кречовскій, нѣкогда уроженецъ брестскій, а теперь полковникъ чигиринскій, слѣдовательно, непосредственный начальникъ писаря, крестилъ у него дѣтей и часто навѣщалъ кума. Николай Зацвилюховскій, послѣ Комаровскаго бывший комиссаромъ Рѣчи Посполитой войска запорожскаго, „племени русскаго и закона русскаго,“ высказывалъ Богдану неизмѣнную дружбу. Пріязнь эта завязалась со времени походовъ противъ Павлюка и Остраницы. При каждомъ пріѣздѣ изъ Трехтемирова въ Чигиринъ, Зацвилюховскій являлся къ войсковому писарю, выступалъ въ роли посредника, старался примирить противниковъ. Но что удивительнѣе всего, даже преемникъ Зацвилюховскаго, печальной въ народѣ памяти Янъ Шембергъ, охотнѣе гостилъ у Хмельницкаго, нежели у Чаплинскаго: до такой степени всѣ осуждали зазнавашагося подстаросту. Писарь громко заявлялъ, что никогда не участвовалъ ни въ какихъ мятежахъ и бунтахъ, и всегда и во всемъ поступаетъ законно ¹⁾. Но все это не избавило его отъ невзгодъ и притѣсненій: молодой староста, хорунжий коронный, склонялся на сторону своего подручнаго Чаплинскаго и безнаказанно позволялъ ему безчинствовать. Однажды Чаплинскій приказалъ высѣчь публично на рынкѣ Тимоша, старшаго сына Хмельницкаго, за какую то провинность ²⁾; затѣмъ наслалъ на него товарища, который во время похода хватилъ его обухомъ по головѣ; наконецъ, подговорилъ прос-

¹⁾ Oczyste wspominki, II, 111.

²⁾ Szajnocha. Dwa lata dziejów naszych, II, 8.—Szkice historyczny, IV, 197.—Иначе у Костомарова, оп. с., I, 160.

того козака Песту обвинить чигиринскаго сотника предъ старостой въ измѣнѣ и бунтовскихъ проискахъ. Въ списокѣ обидъ, посланномъ Михаилу Потоцкому, вел. кор. гетману по смерти Конецпольскаго, самъ Богданъ выражается по этому поводу такъ: „Самой тяжелой обидой признаетъ Хмельницкій то, что какой то Песта, *хамъ*, козакъ, коварно очернилъ его предъ его милостью паномъ хорунжимъ короннымъ въ замыслахъ отправить артиллерію на море и т. п.“¹⁾ Подстароста постепенно все болѣе ожесточался противъ своего противника; зять Чаплинскаго публично грозился, что „если не удастся справиться съ Хмельницкимъ, то прикажетъ убить его.“ Однако этого не случилось; изъ заточенія освобождалъ сотника Кречовскій, въ качествѣ поручителя, а иногда даже сама пани подстаростина. Хмельницкій патетически упоминаетъ объ этомъ,—единственное письменное восхваленіе женщины грознымъ впоследствии мстителемъ: „если-бы не эта доброжелательная и заботливая о невинно страждущихъ Эсхирь“, восклицаетъ Хмельницкій, не уйти бы ему отъ мести жестокаго тирана, ея мужа²⁾. Обстоятельство это даетъ поводъ думать, что и Елена, не смотря на бракъ съ подстаростой, не была вполне равнодушна къ чигиринскому сотнику: быть можетъ, ею руководило сожалѣніе,—вѣдь по ея винѣ онъ пострадалъ; возможно, что на нее произвела сильное впечатлѣніе эта выдающаяся энергія чловѣка, не опускавшаго рукъ, не смотря на всѣ удары судьбы. Съ другой стороны, Чаплинскій повидимому еще не былъ вполне удовлетворенъ своей побѣдой,—не догадывался ли онъ о симпатіи жены къ непокорному козаку? Во всякомъ случаѣ, Елена сумѣла усыпить подозрительность мужа, коль скоро онъ снисходилъ къ ея просьбамъ и хотя временно смягчался въ своей ненависти къ сопернику, какъ будто успокоивался. Судя по дальнѣйшимъ фактамъ, можно думать, что, подчиняясь убѣжденіямъ и предостереженіямъ Чаплинской, войсковой писарь рѣшился исчезнуть изъ глазъ опаснаго врага и ушелъ на Низъ

¹⁾ Michałowski, Księga pamiętnicza, 5.

²⁾ Szajnocha, Dwa lata. II, 7.

въ декабрѣ 1647 г., покинувъ все,—только старшаго сына Тимоша взялъ со собой.

Скитаясь по двѣпровскимъ островамъ, Богданъ продолжалъ посылать жалобы къ вліятельнымъ лицамъ въ Рѣчи Посполитой, и на первомъ планѣ всегда стоялъ ненавистный мужъ Елены: очевидно, Богданъ не могъ забыть о немъ. Тоска, оскорбленная любовь, какъ ржавчина, грызла сердце Богдана; въ жгучихъ словахъ онъ выражалъ свою злобу къ Чаплинскому и изъ зауряднаго старосты тѣмъ самымъ сдѣлалъ его историческою личностью. Изливши свой гнѣвъ, онъ уже спокойнѣе излагалъ затѣмъ другія свои обиды и претензіи. Вотъ характерная для Богдана выдержка изъ одной такой жалобы, посланной великому гетману коронному Николаю Потоцкому: „не вѣсть откуда явился нарушитель спокойнаго житья моего, Чаплинскій, литовскій бродяга, польскій пьяница, воръ и грабитель украинскій, подстароста чигиринскій, который, распорядясь въ теченіи восьми лѣтъ въ Чигиринщинѣ именемъ своего господина, пана Конецпольскаго, короннаго хорунжаго, клеветническими извѣтами и доносами въ конецъ погубилъ многихъ нашихъ братьевъ и присвоилъ ихъ имущество; и конечно ужъ не панъ хорунжій коронный, а слуга его, лжець, измѣнникъ и пьяница Чаплинскій владѣеть Чигиринщиной“¹⁾.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ кровавомъ историческомъ спорѣ не послѣдняя роль принадлежала женщинамъ.

II.

Изъ подстаростины—гетманша.

Не прошло еще года съ той поры, какъ Хмельницкій ушелъ изъ Чигирина, опасаясь мести подстаросты,—и въ положеніи его произошла огромная переменна: изъ преслѣдуемаго войсковаго писаря онъ дѣлается владыкой Украины, льстецы приравниваютъ его къ Александру Македонскому, ему под-

¹⁾ Szajnocha, Dwa lata, II, 6.

властны обширныя земли на пространствахъ 26.500 квадратныхъ миль. Въ первое время триумфаторъ смутился своей удачей,— триумфъ былъ достигнуть поистинѣ съ головокружительной быстротой. Въ первыхъ шагахъ Хмельницкаго замѣчается какое то колебаніе: онъ идетъ впередъ неохотно, какъ бы подчиняясь давленію взволнованныхъ народныхъ массъ, поставившихъ его во главѣ движенія. По временамъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, онъ гнѣвливъ, заносчивъ, грозитъ своимъ врагамъ; но въ спокойныя минуты онъ дѣйствуетъ иначе, стремится къ миролюбію и даже иногда сожалѣетъ о прошломъ. Примѣрный и опытный хозяинъ, такъ преданный землѣ, онъ видѣлъ вокругъ себя только опустошеніе. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ августѣ, т. е. чрезъ три мѣсяца послѣ начала вооруженной борьбы съ Рѣчью Посполитою, насчитывалось 65 опустошенныхъ мѣстечекъ на Украинѣ, а лежавшія вокругъ нихъ деревни были сметены точно ураганомъ; вся область по р. Горыни представляла настоящую пустыню ¹⁾. Разореніе коснулось и земель, на которыя не простирались претензіи козаковъ, достигло Львова и Замостья. Сѣверная Волянь, Пинщина, Бѣлоруссія разграблены были въ конецъ. На востокъ козацкія укрѣпленія проицѣли далеко за Днѣпръ, не говоря уже о земляхъ къ югу, которыя оказались безхозяйными въ полномъ смыслѣ слова. „Города опустѣли, пишетъ неизвѣстный современникъ, не осталось ни одного шляхтича, только *plebs*, часть котораго перешла къ Хмельницкому, а другая сидѣла дома не смотря на козацкіе „законы“, хотя въ послѣднихъ нерѣдко участвовали Татары и оставшимся дома землеробамъ грозила жестокая кара ²⁾. Число погибшихъ неизвѣстно, но оно было повидимому огромно, судя хотя-бы по даннымъ объ избіеніи евреевъ, приведеннымъ у Греца ³⁾: въ 1648 г. въ Немировѣ погибло 6.000, въ Тульчинѣ (Нестерварѣ) 2.000, въ Полонномъ 10.000 евреевъ,—грабежъ оцѣнивали въ 4.000.000 зл. ⁴⁾. Разомъ съ

¹⁾ Michałowski, Księga pam., I, 151, 158.

²⁾ Michałowski, op. c., I, 65.

³⁾ Кіев. Старина, XXIX, 398.

⁴⁾ Michałowski, op. c., I, 158.

евреями погибли въ Полонномъ и 400 шляхтянокъ и христіанскихъ дѣтей, искавшихъ спасенія въ замкѣ. Въ Константиновѣ истреблено 3.000 евреевъ, въ Барѣ 2.000, въ Наролѣ 12.000, не упоминая уже о менѣе значительныхъ погромахъ въ Заславѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавѣ и т. д. Голодъ и переполохъ привели за собою и эпидеміи: въ одномъ Львовѣ погибло отъ мора до 10.000 евреевъ. Въ общемъ, разорено 300 еврейскихъ „приходовъ“, входившихъ въ составъ кагаловъ ¹⁾, и истреблено въ нихъ до 250.000 жителей. Евреи живо помнятъ это страшное время, и до настоящаго дня Немировскіе евреи встрѣчаютъ 21 Іюня постомъ и молитвой. Воевода брацлавскій Кисель уже въ Августѣ 1648 г. горько упрекаетъ своего пріятеля Хмельницкаго за эти вопіющія къ небу свирѣпства. Въ это время Хмельницкій готовъ былъ еще оказывать пощаду и даже совѣтовалъ бѣлоцерковскому старостѣ Черному укрыться съ людьми и скотомъ въ мѣстечко ²⁾. У Желтыхъ Водъ въ плѣнъ было взято 3.000 польскихъ солдатъ и 50 офицеровъ, въ томъ числѣ Шембечекъ (?) и Сапѣга, комиссары, — ихъ приказано было кормить, а раненыхъ лечить и ухаживать за ними какъ слѣдуетъ ³⁾. Послѣ Корсунскаго погрома плѣннымъ полякамъ (исключая гетмановъ и 60 высшихъ офицеровъ, предназначенныхъ для хана) предложено было выкупиться. 8.000 рядовыхъ увелъ Тугай-Бей въ Крымъ. Въ Чигиринѣ осталось 520 солдатъ и 65 офицеровъ, обѣщавшихъ дать выкупъ и поступившихъ въ собственность гетману. Когда Кисель хлопоталъ чрезъ своего посланца за этихъ плѣнныхъ, Хмельницкій успокаивалъ его, увѣряя, что всѣ поляки, доставшіеся въ гетманскія руки, останутся живы и невредимы ⁴⁾. Но по мѣрѣ успѣховъ жестокость возрастала. Изъ числа плѣнниковъ, взятыхъ въ Барѣ и Кодакѣ, гетманъ часто бралъ съ собою болѣе важныхъ, а драгуны, приованные къ пушкамъ, тащились въ обозѣ гетманскомъ. Отправленные въ 1649 г. въ Череславъ

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., ч. V, т. II. Кіевъ, 1890.

²⁾ Там. изд. Кіев. Ком., I, 3, 48.

³⁾ Величко, Лѣтопись, I, 64.

⁴⁾ Там. изд. Кіев. Ком., I, 3, 214.

плѣнные просили даже отослать ихъ къ Татарамъ, гетманъ не согласился и даже отвѣчалъ угрозами, но видно надзоръ былъ не слишкомъ суровъ, если при выѣздѣ изъ Кіева польскихъ комиссаровъ въ свитѣ ихъ укрылось до 100 плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и много драгунъ бодацкихъ ¹⁾. Но чрезъ два года обстоятельства сильно измѣнились.

Лишь по возвращеніи изъ-подъ Замостья, осенью 1648 г., появился Хмельницкій снова въ Чигиринѣ, встрѣченный народомъ съ великою радостью и торжествомъ ²⁾. Тогда-же онъ вступилъ во владѣніе Суботовымъ, который еще раньше былъ приведенъ, по его приказанію, въ порядокъ. Резиденціей гетмана была назначена собственная его усадьба, а прежнее помѣщеніе подстаросты обращено въ тюрьму.

Въ Чигиринѣ-же впервые появляется и жена подстаросты, Чаплинская. Гдѣ она находилась въ началѣ кровавой борьбы, что случилось съ ея неудачникомъ-мужемъ—трудно сказать. Въ маѣ 1648 г. въ Чигиринѣ уже не было польскаго гарнизона, такъ какъ сюда отправлены желтоводскіе плѣнные. Сомнительно, чтобы Чаплинскій при такихъ условіяхъ продолжалъ спокойно оставаться на урядѣ. По словамъ Величка, Хмельницкій послѣ битвы при Желтыхъ Водахъ отправилъ въ Чигиринъ 150 вѣрныхъ и опытныхъ козаковъ, поручивъ имъ задержать Чаплинскаго. Порученіе было исполнено въ точности, и чрезъ два дня подстароста предсталъ предъ очами гетмана, который велѣлъ его вазнить и тѣло его, въ знакъ презрѣнія, закопать далеко за обозомъ ³⁾. Но если такъ, то чѣмъ объяснить упорныя требованія гетмана къ Рѣчи Посполитой о выдачѣ ему того-же Чаплинскаго, повторяющіяся въ теченіе почти всего слѣдующаго года? ⁴⁾. Не только письменно, но и лично Хмельницкій просилъ объ этомъ и Киселя, какъ комиссара Рѣчи Посполитой; конечно, Кисель протестовалъ-бы, если-бы Чаплинскій былъ уже каз-

¹⁾ Michałowski, księga pam., 382.—Нам. изд. Кіев. Ком., I, 3, 351, 354.

²⁾ Quatre années de guerre etc, trad. de Chebren de Javan Machsoula par Daniel Levy, 69.

³⁾ Величко, літопись, I. 63 сл.

⁴⁾ Michałowski, op. c., 366, 371, 372

нень. Между тѣмъ Хмельницкому важно было устранить съ дороги подстаросту, хотя-бы потому, что онъ былъ мужемъ женщины, которую гетманъ взялъ себѣ въ жены. Не подлежитъ сомнѣнію, что Чаплинскій успѣлъ скрыться во время; быть можетъ, онъ наткнулся при этомъ на козацкій загонъ и погибъ, а жена его попала въ плѣнъ и въ Чигиринѣ ожидала рѣшенія своей судьбы. Мы встрѣчаемъ ее здѣсь уже въ ноябрѣ 1648 г. Оригинальный бракъ этотъ состоялся въ первыхъ числахъ января 1649 г. какъ будто чрезъ замѣстителя: гетманъ былъ въ то время въ Кіевѣ, Чаплинская — въ Чигиринѣ. Благословлялъ патріархъ, какъ объ этомъ сообщалъ Хмельницкій Киселю нѣсколько позже: „на войнѣ съ ляхами благословилъ, далъ титулъ *illustrissimo principi*, обвинчалъ меня съ женой и отпустилъ грѣхи, хотя я не исповѣдывался“¹⁾. Кисель, какъ православный, считалъ этого патріарха самозванцемъ. За отпущеніе грѣховъ Хмельницкому, который не исповѣдывался, такъ какъ „имѣлъ хмель въ головѣ“, патріархъ получилъ въ подарокъ 1000 зл. и упряжку въ 6 лошадей. Онъ же послалъ Чаплинской разрѣшеніе грѣховъ, „благословеніе на бракъ, три самовозгарающія свѣчи, молоко Пресвятой Дѣвы и миску лимоновъ“²⁾.

Судя по дошедшимъ извѣстіямъ, степная Елена не сдумѣла удержаться на высотѣ своего неожиданнаго положенія, не принимала участія въ общественныхъ дѣлахъ и выступала лишь въ подчиненной роли хозяйки, угощающей гостей своего мужа, а главнымъ образомъ его самого. Нѣкоторые полагаютъ, что она дѣлала такъ съ цѣлью угодить своему господину и такимъ образомъ пріобрѣсти на него и его окружающихъ вліяніе, но на самомъ дѣлѣ вліяніе это ни въ чемъ не замѣтно. Наряженная въ дорогія матеріи и бархатъ, въ брилліантовомъ ожерельи, діадемѣ и съ великолѣпными перстнями на пальцахъ, она во время пріемовъ наполняла золотые кубки обыкновенной водкой и подносила гостямъ, набивала „люльки“, а въ заключеніе подносила мужу нюхательнаго табаку на глиняномъ черепкѣ,—

¹⁾ Michałowski, op. c., 377.

²⁾ Памятники, I, 3, 325—339. — Michałowski, op. c., 378.

изъ вѣжливости, присутствующіе тоже угощались ¹⁾. Неизвѣстно, какъ относились къ этому браку окружающіе гетмана,—быть можетъ, не обходилось безъ порицаній. Кисель согласился взять съ собою жену, когда отправлялся къ гетману въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой, лишь послѣ того, какъ удостовѣрился, что при свиданіи сторонъ не будетъ присутствовать „незаконная“ подруга Хмельницкаго. Очевидно, исключительное положеніе бывшей подстаростины служило трудно одолимымъ препятствіемъ для роли „владѣтельной особы“, и Елена не старалась устранить эту помѣху. Но все же, какъ жена человѣка, державшаго въ рукахъ судьбы милліоновъ людей, она могла-бы имѣть на него доброе вліяніе—вѣдь онъ любилъ ее горячо—но не сдумѣла, или скорѣе не заботилась объ этомъ...

Нѣтъ никакихъ указаній на ея дѣла милосердія, заступничества, облегченія тяжелой участи несчастныхъ... Правда, при данныхъ условіяхъ, это было-бы и небезопасно, но женщина съ сердцемъ, столь могущественная, легко могла устранить препятствія и творить добро втайнѣ, не ожидая громогласной благодарности. Извѣстно, что нѣкоторая часть захваченныхъ погромомъ поляковъ успѣла спастись. Изъ разсказовъ бѣглецовъ узнаемъ имена лицъ, протянувшихъ имъ руку помощи. Съ благодарностью упоминаются какой-нибудь Тугай-Бей, Хмельницкій, кіевскіе мѣщане и духовенство ²⁾. Извѣстно благотѣльное вліяніе Выговскаго на гетмана: войсковою писарь нерѣдко смягчалъ гнѣвъ Богдана и облегчалъ участь тѣхъ, которые должны были пасть жертвой. Дочери Хмельницкаго также выказывали теплое сочувствіе къ несчастнымъ и всѣми силами старались облегчить ихъ тяжкую участь. Лишь о гетманшѣ никто не упоминаетъ въ этомъ отношеніи. Даже въ титулѣ ей отказываютъ, и современные мемуаристы пренебрежительно называютъ ее бывшей женою Чаплинскаго. Судя по всему, она играла самую ничтожную роль въ этомъ полудикомъ обществѣ. Пустая, легкомысленная, щеголиха, жившая со дня на день, она не сду-

¹⁾ Венгрюжновскій.

²⁾ *Histor. belli sacas. pol.*, 91—93.—Лѣтопись Ерлича, II, 70

мѣла даже завязать ближайшихъ отношеній съ женами подчиненныхъ гетмана: женщины простыя и даже грубоватыя, но въ сущности нравственныя, онѣ не могли простить ей ея прошлаго и ея роли очаровательницы въ мужскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, она жила все время при дворѣ гетмана въ одиночествѣ и водилась только съ ворожками. А было ихъ немало: уже подъ Замостьемъ является какая-то чародѣйка Маруша, прибывшая съ войскомъ съ дальней окраины; подъ вліяніемъ ея предсказаній, козаки будто - бы приостановили осаду замка. Во время похода къ Берестечку много ворожекъ сопровождало козацкую старшину; обозная чернь обрушила на нихъ свой гнѣвъ за неудачу и нещадно мучила за ложныя предсказанія ¹⁾. Наряду съ обозными, немало было и придворныхъ ворожекъ, нѣчто въ-родѣ доморощенныхъ астрологовъ въ юбкахъ; гетманъ почти каждую ночь совѣщался съ ними, какъ это видно изъ путевого дневника комиссаровъ въ Череевскъ; такъ напр., въ февралѣ 1649 г. встрѣчаемъ слѣдующую отмѣтку: „долго спалъ (Хмельницкій), такъ какъ подпиралъ съ ворожками, которыя часто его забавляютъ и обѣщаютъ ему удачу на войнѣ и въ этомъ году“ ²⁾. Безъ сомнѣнія, и гетманша прибѣгала къ ихъ помощи, чтобы хотя этимъ путемъ приобрѣсть вліяніе на суетнаго мужа.

Оставалась еще одна важная обязанность — воспитаніе дѣтей гетмана, — посмотримъ какъ справилась съ этимъ Елена. Первая жена Богдана оставила четверо дѣтей; вторая жена знала ихъ давно и они знали ее хорошо; своихъ дѣтей у нея не было, и тѣмъ легче могла она заняться сиротами. Въ разсматриваемую эпоху двѣ старшія дочки Богдана уже подросли.

Дошедшія до насъ, правда, скудныя извѣстія рисуютъ характеръ дѣвушекъ въ благопріятномъ видѣ — но сомнительно, что бы это было результатомъ вліянія мачихи. Рѣзкую противоположность представляютъ сыновья гетмана. Велико, не смотря на свое уваженіе къ памяти Богдана, называетъ ихъ не-

¹⁾ Костомаровъ, Богд. Хмельн., II, 41, 364.

²⁾ Michałowski, Ks'ęga pam., 374.

обузданными грубіянами¹⁾. Первенство въ этомъ отношеніи принадлежало старшему. Это была совершенно испорченная натура, едва-ли не съ самаго дѣтства. Онъ рано началъ жить, физическое развитіе было не особенно сильное, онъ былъ изуродованъ оспой, къ книгѣ не лежало у него сердце; съ дѣтства привыкшій къ водкѣ, самолюбивый, мстительный, склонный къ дурнымъ палостямъ, хотя обыкновенно мрачный и молчаливый, Тимошъ должно быть отличался немало, если зять подстаросты Чаплинскаго велѣлъ его, 12-лѣтняго мальчика, высѣчь публично на рынкѣ въ Чигиринѣ. Можно бы согласиться, что это было актомъ личной мести писарю войсковому, если-бы не дальнѣйшіе факты изъ непродолжительной жизни Тимоша, объясняющіе такой поступокъ Комаровскаго. Вскорѣ послѣ того мальчикъ отправился съ отцомъ въ Запорожье; пребываніе здѣсь, а затѣмъ въ Крыму въ теченіе почти цѣлаго года довершило воспитаніе Тимоша, столь удачно начатое. Отецъ оставилъ его за Перекопомъ въ качествѣ заложника; ханъ поручилъ Тимоша надзору какого-то армянина, юноша познакомился съ ханскимъ дворомъ и мурзами²⁾,—все это неприятно отразилось на характерѣ будущаго козацкаго предводителя: онъ отатарился и одичалъ еще болѣе, научился, правда, мѣстному языку, но вмѣстѣ съ тѣмъ вынесъ изъ ханскаго дворца равнодушіе къ дѣламъ вѣры, неуваженіе къ семьѣ, необузданность, коварство, при отсутствіи энергіи—быть можетъ и физическіи силы, надорванные еще въ дѣтствѣ приходили въ упадокъ. Изъ Крыму онъ явился только подъ Пилавой во главѣ татарскаго отряда³⁾. Въ Чигиринѣ Тимошъ уже засталъ мачиху, которая если не *de jure*, то *de facto* распоряжалась здѣсь въ качествѣ владѣтельной особы. Онъ не любилъ ее и выказывалъ это нерасположеніе съ самаго начала; малорусскіе лѣтописцы съ великимъ огорченіемъ рассказываютъ, какъ „странно“ поступилъ Тимошъ съ монахомъ, посланцемъ упомянутаго уже патріарха, который привезъ Чаплинскую, кромѣ необычныхъ по-

¹⁾ Лѣтопись, I, 14.

²⁾ *Ib.*, I, 47.

³⁾ Костомаровъ, Богд. Хм., I, 4.

дарковъ, еще и отпущеніе грѣховъ: тринадцатилѣтній Тимошъ сперва напоилъ гостя водкой, а когда этотъ свалился съ ногъ, сбрилъ или выжегъ ему бороду, чтобы выставить монаха на посмѣшище. Гетманша, чтобы нѣсколько вознаградить посланца, подарила ему 50 талеровъ¹⁾. Тимошъ постоянно надоѣдалъ мачихѣ и, входя въ лѣта, устроилъ при гетманскомъ дворѣ враждебную ей партію. Нѣкоторые полагали, что ненависть эта была вызвана обманутой или неудовлетворенной любовію, которая началась будто бы еще въ то время, когда Елена была служанкой войскового писаря. Приводимъ эту догадку лишь для дополненія характеристики. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сказать, что дурныя качества Тимоша явились не по винѣ гетманши. Младшій сынъ, Юрій, обыкновенно называемый Юркомъ или Юрасемъ, выказывалъ нѣкоторую привязанность къ мачихѣ; родной матери онъ не помнилъ,—она умерла, когда Юрій былъ еще ребенкомъ. Это былъ мальчикъ до крайности слабый и щедущій, и такимъ онъ остался до конца своей недолгой жизни. Его обучали хоть немного: у него былъ учитель монахъ, преподававшій мальчику латынь; Самуиль Зорко, секретарь отца, знакомилъ Юрія съ польскимъ языкомъ, который считался въ то время какъ бы языкомъ дипломатіи²⁾; извѣстно еще, что по смерти гетмана Юрій окончилъ курсъ богословія въ кіевской академіи³⁾. Но на немъ сказалось вліяніе алкоголизма отца: Беневскій въ 1660 г. пишетъ, что Юрій страдаетъ эпилепсіей, а Величко называетъ его „евнухомъ“⁴⁾, хотя изъ другихъ источниковъ знаемъ, что онъ любилъ женщинъ, и впоследствии, достигши власти на Украинѣ, устроилъ въ Немировѣ цѣлый гаремъ, въ турецкомъ вкусѣ⁵⁾. Изъ всей семьи гетмана только Юрій былъ привязанъ въ дѣтствѣ ко второй женѣ Богдана. Въ благодарность за это, и мачиха окружала болѣзненнаго и слабого ребенка всевозможными заботами.

Н. М.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*¹⁾ Opowiadania historyczne, т. I.²⁾ Памятники, I, 3, 339.³⁾ Величко, I, 54.⁴⁾ Самовидецъ, 2 изд., 520.⁵⁾ Лѣтопись, I, 14.

Документы, известія и замѣтки.

Ученическое сочиненіе Н. В. Гоголя. До сихъ поръ извѣстны намъ только два ученическихкія сочиненія Н. В. Гоголя, писанныхъ имъ, какъ предполагаютъ, въ первой половинѣ 1828 года, незадолго до выпуска изъ лицей кв. Безбородко, и впервые напечатанныхъ г. Кулишомъ въ 1854 году¹). Конечно, очень жаль, что намъ такъ мало до сихъ поръ открыто этихъ первыхъ литературныхъ опытовъ Гоголя, а между тѣмъ несомнѣнно, гдѣ-нибудь въ рукописныхъ и книжныхъ хламахъ находятся они, пребывая въ забвеніи. Такъ, намъ удалось недавно найти еще одно ученическое сочиненіе Гоголя подъ заглавіемъ «Въ какое время дѣлаются славяне извѣстны по исторіи, гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до расселенія своего и какое ихъ было расселеніе». Написано оно на листѣ синеватой бумаги, гдѣ водяные знаки показываютъ 1827-й годъ. Въ началѣ листа помѣтка „Н. Гоголь-Яновского“, а въ концѣ сочиненія не безынтересная рецензія профессора К. Моисеева, безъ всякихъ его поправокъ въ текстѣ. Рукопись писана крайне небрежно, съ искаженіями словъ, съ недописанными словами и съ помарками. Въ виду важности даже всякихъ мелочей, касающихся литературныхъ опытовъ великаго писателя, печатаемъ текстъ съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей его письма.

Рецензентъ сочиненія, Кирилль Абрамовичъ Моисеевъ, былъ профессоромъ російской словесности, исторіи и статистики въ гимназій Высшихъ Наукъ Князя Безбородко въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1820 по 1837 годъ), а слѣдовательно нельзя точно указать, когда именно писано было это рецензированное имъ сочиненіе Гоголя; но указанные раньше водяные знаки на бумагѣ точно устанавливаютъ намъ, что не раньше 1827 года, а такъ-какъ Гоголь въ іюнѣ 1828 года уже окончилъ курсъ наукъ, то срокъ написанія этого сочиненія опредѣляется съ достовѣрностью, а именно—незадолго до окончанія курса.

Н. Гоголь-Яновского.

В. Науменко.

Въ какое время дѣлаются славяне²) извѣстны по исторіи гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до расселенія своего и какое ихъ было расселеніе.

Трудно и почти невозможно отдернуть темный непроницаемый занавѣсъ (sic) исторіи первоначального³) происхожденія славянъ. Обширная страна извѣстная въ древности подъ именемъ Скифія потомъ Сарматія отечество славянъ, была попеременно селима и опустошаема варварскими народами. Послѣ ужасныхъ опустошеній свирѣпаго Атиллы, когда владычество гуновъ было потрясено Уграми венграми и Аварами въ XI вѣкѣ начинаютъ появляться славяне. Жестокіе звѣрскіе въ войнѣ но великодушные въ мирѣ они скоро сдѣлались ужасомъ греческой монархіи. Съ сего времени они почти безпрестанно громили ея провинціи и самые стѣны Константинополя. Императоро-

¹) Въ Современ. 1854 г., № 4. (Опытъ біографіи Н. В. Гоголя); перепечатаны Кулишомъ же въ его трудѣ „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, т. 2-й, стр. 275—276, наконецъ въ послѣдній разъ изданы въ „Сочиненіяхъ Н. В. Гоголя“ Ник. Тихо-вратовымъ, т. 5-й, стр. 46 и 47 съ дополненіемъ на стр. 545 и 546.

²) Было сначала славянъ, но потомъ ѣ переурвлено на е.

³) Написано сверху вмѣсто зачеркнутаго первоначальности.

ры²) неотваживались входить съ ними въ неравную битву. Самые великіе полководцы Велизарей и Нарцесъ несмотря на свою доблесть и храбрость испытанную мало здѣлали; одно только золото Юстиніана могло умиловити ихъ грозныхъ непріятелей. Но Славяне въ скоромъ времени начали исвать жилищъ постоянныхъ. Часть изъ нихъ заняла земли дунайскія другая подалась на сѣверъ къ балтійскому морю гдѣ впоследствии основанъ Новгородъ. Разныя именованія носили въ это время славяне по мѣстамъ своего расселенія. Поселивш... по рѣкѣ Бугу назывались Бужанѣ, въ лѣсахъ въ дебряхъ непроходимыхъ жили Древляне. Поляне получили названіе отъ ровныхъ и необъятныхъ полей своихъ. Радимичи и Вятичи отъ двухъ ихъ главныхъ предводителей Радима вятка. Кромѣ того были извѣстны подъ именемъ Дреговичей дубовы, Сѣверяны обитавшихъ въ нынѣшней черниговской губерніи. Около сего времени Славяне славилась своимъ гостепрѣимствомъ. Лѣтописцы съ восторгомъ повѣствуютъ о таковой ихъ добродѣтели. встрѣтившагося путника пришедшаго у нихъ просить ночлега хотя былъ то самъ непріятель принимали съ радушіемъ. Открывали даже дома свои во весь день когда уходили и ставили на столѣ хлѣбъ для приходившихъ странниковъ. Любили войну и сохраняли вполне всѣ рыцарскіе добродѣтели. Были всѣ рослы стройны имѣли волосы²) русые спадавшіе кудрями по плечамъ. Лица были смуглы но не по природѣ. Съ раннихъ лѣтъ они уже загарали солнцемъ находясь вѣчно на вѣтриной ловлѣ. Съ XII когда норманы и другіе сѣвер. народы извѣстны подъ именемъ варягъ распространили свой (sic) удалые *разъѣды* (sic) по берегамъ Балтійскаго моря и начали *посычатъ* (sic) славянъ они начали примѣтно улучшаться въ *образование* (sic) ибо норманы распространившіеся по всей Европѣ и видѣвши все лучше сообщили славянамъ свое знаніе. Но еще болѣе упрочилось ихъ просвѣщ... со *времени* (sic) когда письмена принесенныя въ Моравію Кирилломъ и Меѳодіемъ достигли ихъ. До пришествія Рурпка уже *основалось* (sic) независимая республ... славянъ въ Новгородѣ и славяне управлялись законами вѣроятно норманскими, но уже по *тогдашнему* (sic) ихъ состоянію можно было предсказать будущее ихъ благоденствіе и славу.

Рецензія: Не соблюдена хронологія и происшествія показаны въ превратномъ порядкѣ. Профессоръ К. Моисеевъ.

Вукъ Сербинъ, полковникъ Переяславскій (1675—1682).—

Изучая біографіи малороссійскихъ козацкихъ полковниковъ семнадцатаго вѣка, крайне трудно бываетъ собрать въ актахъ того времени какія-либо выпуклыя индивидуальныя черты, которыя позволили-бы изображать въ живыхъ краскахъ душевный складъ, особенности характера, мотивы дѣятельности и міросозерцаніе отдѣльныхъ лицъ изъ этой среды. Всѣ они болѣе или менѣе похожи другъ на друга, всѣ одинаково воевали, вели интриги изъ-за войсковыхъ урядовъ, наживались захватомъ войсковыхъ земель да военной добычей, и стремились загладить грѣхи жизни пожертвованіями на церкви и монастыри. Только мѣсто службы да нѣкоторыя вишіи случайности жизни отличаютъ одного изъ нихъ отъ другаго. Поэтому историку приходится довольствоваться сухимъ перечнемъ біографическихъ данныхъ, не пытаясь путемъ психологическаго анализа создавать

живыя и выпуклыя характеристики этихъ дѣятелей стариннаго козачества.

Въ предыдущей статьѣ нашей, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1893 годъ, мы изложили біографію полковника Переяславскаго Родіона Григорьевича Дмитрашка. Теперь очередь за его преемникомъ, *Вукомъ Сербинюмъ*.—Повидимому онъ не имѣлъ никакого фамильнаго прозвища. По національности онъ былъ Сербомъ, по-малорусски: *Сербиномъ*, а по имени звался *Вукомъ* (Волкомъ), и вотъ такъ и называли его всѣ современники: *Вукъ Сербинъ* (Волкъ Сербъ) или, употребляя уменьшительное имя отъ *Вукъ*,—*Вуйца*, *Войца Сербинъ*. Извѣстно, что въ Сербіи на ряду съ христіанскими именами въ честь святыхъ угодниковъ до сихъ поръ даютъ новорожденнымъ дѣтямъ прованіи по именамъ животныхъ и растений. Знаменитый творецъ сербскаго литературнаго языка Караджичъ самъ носилъ имя *Вукъ* (Волкъ) и въ своемъ Словарѣ сербскаго языка объясняетъ, чѣмъ руководствуются сербскія матери, давая сыновьямъ имя этого хищнаго звѣря: «Если у какой-нибудь женщины умираютъ дѣти, то она даетъ вновь родящемуся мальчику имя *Вукъ* (Волкъ), *чтобы вѣдьмы не могли его съѣсть*»¹⁾. Но кромѣ имени *Вукъ*, занимающій насъ Переясловскій полковникъ имѣлъ и христіанское имя *Василій*.

Вукъ Сербинъ пришелъ, вѣроятно, въ Малороссію въ составѣ того *товариства хорошей волоски*, которое привелъ Дмитрашко въ 1665-мъ году. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ числѣ подписавшихся подъ присяжнымъ листомъ и подъ статьями Козацко-Дубровской рады, происходившей въ іюнь 1672 года и выбравшей гетманомъ Самойловича,—съ званіемъ сотника Золотоношскаго²⁾. Какъ видно, онъ къ этому времени (1672 г.) обжилъ уже въ Золотоношѣ и руководилъ постройкой тамъ церкви. Когда полковникъ Переяславскій Дмитрашко и сотникъ Золотоношскій Вукъ Сербинъ уѣхали на раду въ Козацкую Дуброву, то наказной сотникъ Золотоношскій Тимко Бурмака писалъ отъ 8 іюня 1672 года къ наказному полковнику Переяславскому Олихверу Максименку: «Изволь, милость твоя, написать въ таборъ къ господину Дмитрашку Райчѣ полковнику, чтобы Войцу, сотника нашего, прислалъ для совѣта подаванія намъ, созиданія ради церкви Божіи; уже мы и плотниковъ наняли»³⁾.—

¹⁾ См. Сриски рјечникъ 1-е изданіе 1818 г., стр. 88.

²⁾ См. Акты Ю. и З. Р. IX, 908. Лѣтопись Величка, т. II, 312.

³⁾ См. А. Ю. и З. Р. IX, 968.

Есть извѣстіе, что послѣ Козацко-дубровской рады Вуць ѣздилъ съ нѣкоторыми другими лицами въ Москву—хлопотать объ утвержденіи вновь избраннаго гетмана и объ оставленіи за малоросійскимъ войскомъ его старинныхъ вольностей ¹⁾.

Во время похода къ Днѣстру полковника Дмитрашка лѣтомъ 1674 года Вуць Сербинъ былъ посланъ съ передовымъ отрядомъ за р. Бугъ, соединился тамъ съ подольскимъ полковникомъ Мурашкою, и сначала они вмѣстѣ разбили скопища Турокъ и Татаръ, но затѣмъ были осаждены ими въ м. Ладыжинѣ надъ р. Бугомъ. Здѣсь Вуць Сербинъ показалъ себя плохимъ боевымъ товарищемъ: 6-го августа 1674 года, въ день Преображенія Господня, онъ со своими козаками вырвался изъ Ладыжина, переправился черезъ р. Бугъ, скрывался два дня въ лѣсахъ и затѣмъ присоединился къ главному отряду полковника Дмитрашка, а Мурашка съ своимъ отрядомъ погибъ подъ ударами превосходнаго силами непріятеля ²⁾.

Когда Дмитрашко поссорился съ гетманомъ Самойловичемъ и былъ устраненъ послѣднимъ отъ Переяславскаго полковничества, то полковникомъ Переяславскимъ избранъ былъ Вуць Сербинъ. 13 января 1675 года онъ доносилъ уже изъ Барышевки, по обязанности Переяславскаго полковника, ясновельможному гетману, что орда разгромила польскій отрядъ короннаго хорунжаго Снявскаго ³⁾.

Въ письмѣ къ гетману отъ 7 февраля 1675 года изъ Барышевки-же Вуць Сербинъ сообщаетъ новости о Дорошенкѣ:—совѣтникъ Дорошенка Гамалѣя хотѣлъ взять мѣстечко Бубновъ (въ нын. золотоношскомъ у. полтав. губ.), но неудачно; «три приступа чиня, никакихъ радости не воспріавъ;» хотять брать и другіе «ионаддѣпрскіе городки.» Пишетъ Сербинъ и о своей дѣятельности: «съ сотнями полку моего конно собрався, къ Днѣпру умышляя, къ Домонтову пошелъ есмь.» Въ заключеніе онъ говоритъ, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не замедлитъ извѣститъ (ко объявленію подати) и проситъ прислать ему военную помощь: «милости твоей прошу, изволь, по милости своей, на оборону и на отпоръ въ тѣ городки поддѣпрскіе котораго полку сколько сотъ пѣхоты и съ запасы своими прислати вскорѣ, какъ милость твоя обѣщаль ⁴⁾».

¹⁾ См. А. Ю. и З. Р. XII, 396-97.

²⁾ См. А. Ю. и З. Р. XI, 600.

³⁾ См. А. Ю. и З. Р. XII, 21--22.

⁴⁾ См. А. Ю. и З. Р. XII, 53--54.

Лѣтомъ 1675 года Вукъ Сербинъ съ другими козацкими начальниками ходилъ на правую сторону Днѣпра въ мѣстечку Мошнакъ (въ нын. черкасскомъ у. кiev. губ.) *добывать языка* и здѣсь одержалъ блестящую побѣду надъ компаніей и серденятами Дорошенка ¹⁾.

16 Октября 1675 г. Вукъ Сербинъ сообщалъ новости о Дорошенкѣ Кіевскому воеводѣ князю Алексѣю Андреевичу Голицыну ²⁾.

Черезъ годъ послѣ этого (осенью 1676 г.) Переяславскій воевода князь Ѳедоръ Волконскій оскорбилъ гетмана Самойловича и полковника Вука Сербина какими-то *укоризненными* словами. Гетманъ жаловался на Волконскаго въ Москву Государю, и 25 октября 1676 г. приказано было воеводѣ Кіевскому князю Голицыну разобратъ жалобу на Волконскаго и если она подтвердится, то «князя Ѳедора посадить на 3 дня въ тюрьму». Чѣмъ окончилось это дѣло, изъ извѣстныхъ намъ актовъ не видно ³⁾.

Въ 1679 г. Вукъ Сербинъ содержалъ стражу внизъ по Днѣпру, отъ степей татарскихъ ⁴⁾.

Кажется, въ 1682 году,—гетманъ Самойловичъ лишилъ Вука Сербина полковничества и засадилъ его за что-то въ тюрьму: по крайней мѣрѣ, въ одномъ актѣ отъ 23 января 1863 года, напечатанномъ А. М. Лазаревскимъ въ Мотыжинскомъ архивѣ, полковникомъ Переяславскимъ является уже Леонтій Артемьевичъ Цолуботокъ ⁵⁾, а 30 апрѣля 1684 года Патрикъ Гордонъ случайно упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, что Вука держатъ еще въ тюрьмѣ (*Woitza würde noch im Gefängnisse gehalten*) ⁶⁾. Этнмъ объясняется, почему у Вука Сербина возбудилось озлобленіе противъ гетмана Самойловича и онъ явился однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ при смѣщеніи гетмана въ 1687 году. Когда въ день ареста (20 іюля) гетманъ вышелъ поутру изъ походной церкви и направился къ своей палаткѣ, то Вукъ Сербинъ подошелъ къ нему, схватилъ его за руку и сказалъ ему, что онъ долженъ идти другой дорогой, намекая, очевидно, на приближающійся моментъ ареста ⁷⁾.

¹⁾ См. А. Ю. и З. Р. XII, 220, 250—51.

²⁾ См. А. Ю. и З. Р. XII, 265—65.

³⁾ См. А. Ю. и З. Р. XII, 769, 771.

⁴⁾ См. Повѣствованіе Ригельмана, М. 1847, Ч. II, стр. 165, ст. 2. Лѣт. Грабани, К. 1854, стр. 314.

⁵⁾ См. Мотыжинскій Архивъ. К. 1890, стр. 123.

⁶⁾ См. Gordons Tagebuch, 2 B., стр. 21.

⁷⁾ См. тамъ-же, стр. 185.

Осенью 1684 года Вукъ Сербинъ былъ уже на свободѣ и проживалъ въ г. Переяславѣ. Къ этому времени относится печатаемый ниже документъ, по которому Вукъ (Василій) даритъ Кіевскому Свято Никольскому монастырю дворовое мѣсто съ домомъ въ г. Переяславѣ близъ Воскресенской церкви.

Подъ статьями объ избраніи гетмана Мазепы (25 іюля 1687 г.) Вукъ Сербинъ подписался уже генеральнымъ эсауломъ (General-Adjutant der Kosaken по выраженію Патрика Гордова): «Андрей Гамалѣя, вмѣсто перваго Енеральнаго Асавула Войцъ Сербина, и за себя, Енеральнаго Асавула, рукою своею подтверждаю ¹⁾». Изъ этой подписи видно, что Вукъ былъ неграмотнымъ.

Хотя Вукъ ненавидѣлъ Самойловича и содѣйствовалъ избранію въ гетманы Мазепы, однако Мазепа поступилъ относительно него такъ-же двулично, какъ онъ поступалъ и относительно другихъ выдающихся дѣятелей малороссійскаго войска: онъ далъ Вуку универсалъ на маестности въ с. Подлипномъ нѣжинскаго полка (близъ г. Конотопа), а между тѣмъ написалъ въ Москву, что онъ ему, гетману не желателенъ ²⁾.

Въ дневникѣ Патрика Гордова подъ 28 ноября 1687 года разсказывается, что Вукъ (Voitz oder General-Adjutant der Kosaken) съ отрядомъ легкой конницы въ 1.000 человекъ сдѣлалъ рекогносцировку въ Кизи-Кермену ³⁾, потерялъ убитыми нѣсколько человекъ и узналъ, что Турки подвозятъ матеріалы и хотятъ укрѣпить Кизи-Кермень ⁴⁾.

Съ этого времени Вукъ не упоминается болѣе въ историческихъ источникахъ. Изъ приводимой ниже дарственной его видно, что у него было потомство, но о дальнѣйшей судьбѣ послѣдняго мы не нашли пока никакихъ указаній въ извѣстныхъ намъ актахъ того времени. Годъ смерти Вука Сербина также намъ неизвѣстенъ.

Приложеніе ⁵⁾.

Я: василій сербинъ товаришъ войсковий полку Переяславскаго: и тогожъ города обыватель: теперь Его милости пану Полковникови Переяславскому, старшинѣ полковой и мѣской, товариству и посноли-

¹⁾ См. Маревничъ, Ист. Малороссіи, М. 1842, т. III, стр. 319.

²⁾ См. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изд. 1885, стр. 20, и Лазаревскій, нѣжинскій полкъ, 1893, стр. 240.

³⁾ Нин. Бериславль. См. Эварницкій, Запорожье, ч. II, 1888, стр. 132—133.

⁴⁾ См. Gordons Tagebuch, 2 B., стр. 205.

⁵⁾ Подлинникъ этой дарственной хранится въ Церковно-Археол. музеѣ при Кіевской Духовн. Акад. За сообщеніе копій приносимъ искреннюю благодарность проф. Н. И. Петрову.

тимъ людямъ, такъ теперъ яво и въ потоміе векуисти времена в семь градѣ дай Боже щасливе по насъ паступующимъ: и всѣмъ кому бы о томъ знати належало; вѣдомо чиню симъ моимъ шкриптемъ, иж мѣючи и домоу свой на пляцахъ в певнихъ межахъ и границахъ кождий особъ поскупленихъ: а мною юж самимъ построенный и незаведенный, близъ церкви воскресенія христова черезъ улицу противко домовъ пановъ Сулимовъ Іоана Стефановича сотника Гелмязовскаго, Александра Стефановича хоружого полкового Переяславского стоячій¹⁾: з доброе мое волѣ не с примусу якого анѣ з людское намови за отпущеніе грѣховъ моихъ и за здравіе мое и дѣтей моихъ, также за усопшихъ родичовъ, жонъ, и дѣтей моихъ: превелебному въ Бозе Его Милости господину отцу Антонію Радзѣвилловскому²⁾ игуменуви Свято-Николскому пустинного монастыра Киевского ему теперъ и всей братіи и по нихъ настуующимъ сукцессоромъ при той святой обытели мешкающимъ подаю у вѣчное спокойное владѣніе и завѣдованя; которим то дворомъ волно Его милости господину отцу игуменуви свято-николскому и всей братіи кого хотячи даровати, продати его, или вечисте его ку своей монастырской потребѣ держати и вселякне з оного на тую святую обитель Николскую розмножати пожиткы: до которого двора, я самъ, дѣти мои. и кривные близкие и далекие од сего часу жадного вступу мѣти не будутъ: але цале за теперешнимъ моимъ доброволнимъ уступенямъ и одданемъ, превелебный въ Богу Его милость: отецъ Антоній Радзѣвилловскій игумень С: Николскій Пустинный Киевскій, обнявши его яко власнимъ монастырскимъ владѣти и нимъ завѣдовати часи вчистими спокойне маеть: на чомъ и сее мое писаня писаня и вечистій запис с подписомъ мене самого руки и печати: и за упрошениямъ отъ мене о подиисъ руки и приписненя печати самого Его милости пана полковника нашего Переяславского Леонтія Полуботка; и с подиисемъ старшины полковое и мѣское подаю от себе: в Переяславу мѣсяца октовра: 3^и дня 4ХПД року (17 Октября 1684 г.)

О О О О О О (мѣста печатей).

Устне през самого пана Василя Сербина прошно мене и пр. . . . них. . . . дѣючоеса полковіе старш. . . . о под-

¹⁾ Иванъ и Александръ Сулимы, сыновья Бориспольскаго сотника Степана (Стенка) Сулимы, убитаго въ 1659 г.

²⁾ Радзивилловскій-знаменитый проповѣдникъ своего времени. Извѣстны дѣла его книги: Огородокъ Маріи Богородицы и Вѣнецъ Христовъ. См. Аскоченскій, Кіевъ, 1856, г. I, стр. 341.

пис до того добровольного за. . . . прозбѣ не отмовляючи.
По. . . . Леонтій Артемовичъ П. войска их
Царского пресвѣтлого,

(другой полулистъ съ окончаніемъ подписей, не сохранился).

Сообщилъ А. Стороженко.

Союзники Наполеона на Волыни въ 1812 г. Извѣстно, что въ 1812 г., во время Наполеоновскаго нашествія, западная часть Волыни нѣкоторое время была занята непріятельскими корпусами князя Шварценберга и Ренье: австрійцы стояли въ с. Глобахъ (ковельск. у.), саксонцы въ м. Киселинѣ (владиміро-вол. у.) и поляки во Владимірѣ. Въ дѣлахъ владиміро-волынскаго духовнаго правленія есть нѣсколько довошеній православныхъ священниковъ, характеризующихъ отношеніе непріятелей къ мѣстнымъ свитынямъ и духовенству. Хуже всего вели себя поляки: 17-го августа они ограбили домовую Успенскую церковь при соборѣ, взяли въ плѣнъ соборнаго протоіерея В. Малеванскаго и увезли съ собою болѣе цѣнное церковное имущество, въ томъ числѣ 1638 золотыхъ изъ церковной кружки. Уходя изъ Владиміра (въ началѣ сентября), поляки взяли изъ епископскаго замка двѣ пушки и разное огнестрѣльное оружіе. ¹⁾

Иначе вели себя другіе союзники Наполеона. Священникъ м. Езерянъ (владиміро-вол. у.) доносилъ, что 18-го августа остановился въ этомъ селѣ непріятельскій корпусъ подъ командою фельдмаршала Фреймонта, и такъ какъ это былъ день воскресный, то находившійся при корпусѣ католическій ксендзъ пожелалъ отслужить для солдатъ обѣдню. За неимѣніемъ въ селѣ костела, онъ обратился къ православному священнику съ требованіемъ открыть церковь. Священникъ не посмѣлъ послушаться: онъ снялъ съ престола св. антипинъ и евангеліе и покрылъ престолъ бѣлой пеленой, на которой ксендзъ положилъ «свой каменный портателъ» и (по словамъ доношенія) «не гнушаяся ничѣмъ, но отдавая надлежащую честь дому Божію, свое имѣлъ богослуженіе».

Другой случай произошелъ въ с. Черневѣ, того-же уѣзда. 11-го сентября сюда явился корпусный командиръ саксонскихъ войскъ, генералъ Ренье и расположился съ отрядомъ на ночлегъ за чертой селенія; но такъ какъ вечеромъ пошелъ сильный дождь, то отрядъ вступилъ въ село и размѣстился по избамъ. Не найдя для себя при-

¹⁾ Дѣло Владиміро-Вол. Дух. Правленія, 1812 г., № 1026.

личнаго помѣщенія, генераль просилъ священника открыть церковь и расположился, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, на ночлегъ въ притворѣ церковномъ. Въ полночь генераль собрался выступить съ своимъ отрядомъ и направиться въ дальнѣйшій путь. Уходя, онъ пригласилъ священника и церковныхъ братчиковъ, указавъ имъ, что въ церкви онъ не сдѣлалъ никакого безпорядка и, поклонившись святымъ иконамъ, вышелъ изъ притвора ¹⁾.

О. Л.

Полтавскій губернский маршалъ С. М. Кочубей. Семень Михайловичъ Кочубей (род. 1778 (?) + 1835 г.) былъ прямымъ потомкомъ казеннаго Мазепой Василя Леонтьевича Кочубея ²⁾. Отецъ его, подполковникъ Михаилъ Семеновичъ (род. 1751 г.) былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ полтавской губерніи, имѣя около 6000 душъ, и жилъ постоянно въ д. Требахъ полтавскаго уѣзда, гдѣ, вѣроятно, и родился Семень Михайловичъ. Намъ неизвѣстно, кто была мать Семена Михайловича, какъ онъ провелъ свои дѣтскіе годы и гдѣ получилъ образованіе. Двадцати одного года онъ выступаетъ уже на общественномъ поприщѣ, будучи избранъ коноптоскимъ повѣтовымъ маршаломъ, въ каковой должности пробылъ очень короткое время, такъ какъ, съ открытіемъ въ 1802 году полтавской губерніи, онъ былъ избранъ на первыхъ же дворянскихъ выборахъ сначала полтавскимъ повѣтовымъ маршаломъ, а вскорѣ и полтавскимъ губернскимъ маршаломъ. Въ послѣдней должности Семень Михайловичъ прослужилъ около четырехъ лѣтъ, съ 1803 г. по 1807 г., занявши этотъ столь отвѣтственный въ то время постъ въ самое смутное для дворянства время, когда крестьяне мечтали о вольности и толпами обращались съ просьбами къ тогдашнему малороссійскому генераль-губернатору князю А. Б. Куракину объ обращеніи ихъ въ вольныхъ козаковъ. Боясь волненій среди своихъ вѣрнопостныхъ, большинство дворянъ переѣхали въ Полтаву, ища утѣшенія и поддержки со стороны губернскихъ властей. Кромѣ переѣхавшихъ въ Полтаву на жительство, было много дворянъ, приѣзжавшихъ накороткѣ, такъ что иногда собралось въ городѣ до 600—700 дворянъ, которыхъ Кочубей долженъ былъ, конечно, принимать и ободрять. По свидѣтельству внучатаго брата Семена Михайловича,

¹⁾ Дѣло Владиміро-Вол. Дух. Правленія, 1812 г., № 1038.

²⁾ Русскій Архивъ 1876, т. 3, стр. 453.

Аркадія Васи́льевича Кочубея (род. 1790+1873)¹⁾, онъ жилъ въ Полтавѣ пышно и роскошно, такъ что никогда не садился обѣдать иначе какъ въ кругу гостей, не менѣе тридцати человѣкъ. Понятно, что такой образъ жизни окончательно разорилъ его большое состояніе. По свѣдѣніямъ А. В. Кочубея, Семенъ Михайловичъ промоталъ 7000 душъ, а по другимъ источникамъ болѣе 12000 душъ²⁾. Оставшись въ бѣдности, онъ неоднократно обращался къ высшему правительству съ просьбами объ оказаніи ему матеріальной помощи, какъ потомуку невинно погибшаго изъ-за вѣрности Престолу. Въ 1816 г. онъ совершенно оставилъ всякую общественную дѣятельность и поселился въ своемъ имѣніи, с. Бѣликахъ миргородскаго уѣзда, гдѣ и провелъ послѣдніе годы жизни въ полнѣйшей бѣдности, такъ что священникъ с. Жуковъ Ѳеодоръ Романовскій долженъ былъ устроить по немъ поминки на свой счетъ³⁾. Сохранилась масса писемъ⁴⁾ Кочубея къ тогдашнему молороссійскому генераль-губернатору князю Н. Г. Репнину, въ которыхъ Кочубей описываетъ свое бѣдственное положеніе и проситъ о помощи. Князь Репнинъ очень участливо относился къ несчастному Семену Михайловичу.

С. М. Кочубей былъ женатъ на Прасковѣ Яковлевнѣ Бакуринской, умершей 22 февраля 1815 г. Онъ горячо любилъ свою жену и былъ страшно огорченъ ея потерей. Похороны ея были очень торжественныя. Г. Бучневичъ⁵⁾ такъ описываетъ ихъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ:

„Отпѣваніе совершалъ архимандритъ Кресто-Воздвиженскаго монастыря Іосифъ Ильицкій соборне съ городскими протоіереями и множествомъ священниковъ. Дорога отъ дома до кафедральнаго собора и зятѣмъ до с. Жуковъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось чтеніе Евангелія, была устлана ельникомъ. По совершеніи погребенія, поминовеніе въ с. Жувахъ продолжалось болѣе недѣли. На площади ежедневно въ большихъ котлахъ варили для народа обѣдъ и ужинъ, а также были выставлены бочки меда и пива. За погребеніе, какъ значитъ въ сохранившихся отъ того времени конторскихъ книгахъ жуковского имѣнія, было выдано архимандриту Іосифу Иль-

¹⁾ Семейная хроника. Записки А. В. Кочубея. С. П. Б. 1890. Стр. 13 сл.

²⁾ Бучневичъ. С. Жуки полтавскаго уѣзда. (Перепеч. изъ № № 79 и 80 полт. губ. вѣд. 1890 г.).

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ На основаніи этихъ писемъ составлена настоящая замѣтка.

⁵⁾ Л. С.

ицкому и протоіереямъ по 500 руб. асс., а священникамъ по 300 р. асс., жуковскому-же священнику Ѳедору Романовскому была подарена большая, болѣе двухъ десятинь, прекрасная усадьба, перешедшая потомъ во владѣніе Токаревскаго“.

Самъ С. М. Кочубей умеръ 29 апрѣля 1835 г.

По счастливой для фамиліной гордости игрѣ судьбы, Семень Михайловичъ имѣлъ лишь одного бездѣтнаго сына, Николая.

Подвизаясь на общественномъ поприщѣ, С. М. Кочубей хотя и лишился всего состоянія, но сдѣлалъ очень много для общественнаго блага.

Снискавши расположеніе со стороны дворянства, онъ достигъ того, что, по его предложенію, дворяне пожертвовали 3000 руб. асс. на богоугодныя заведенія и 60000 руб. асс. на устройство дворянскаго училища, вмѣсто котораго былъ основанъ на пожертвованныя деньги въ 1840 г. кадетскій корпусъ.

Такъ какъ при учреженіи полтавской губерніи г. Полтава представлялъ собой жалкій городишку съ мизерными постройками, въ которыхъ не могли размѣститься общественныя учрежденія, то Кочубей дѣлалъ многочисленныя пожертвованія для благоустройства города. Для того что бы устроить всѣ необходимыя зданія по приказу общественнаго призрѣнія, Кочубей подарилъ приказу свой кирпичный заводъ съ 200 т. выжженного кирпича и нѣсколько усадебныхъ мѣстъ и, кромѣ того, передалъ генералъ-губернатору князю А. Б. Куракину 18 т. для покупки каменнаго дома подъ помѣщеніе для бѣдныхъ воспитанниковъ приказа. На Александровской площади Кочубей взялся построить три каменныхъ дома—губернаторскій, вице-губернаторскій и дворянскій, на постройку которыхъ не находилось охотниковъ, вслѣдствіе крайне ограниченныхъ суммъ, ассигнованныхъ на постройку по смѣтѣ. Самъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ жить въ двухъ смежныхъ частныхъ домахъ, заново отдѣланныхъ Кочубеемъ, принадлежавшихъ—одинъ самому Кочубею, другой штабъ-лѣкарю Тишевскому.

Кромѣ всѣхъ этихъ пожертвованій, Кочубей отдалъ въ даръ городу купленную имъ рошу для публичнаго сада, подарилъ гимназіи купленную имъ минералогическую коллекцію и устроилъ при гимназіи пансіонъ для восьми мальчиковъ на полномъ своемъ содержаніи, воспитывалъ на свой счетъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ, а также нѣкоторыхъ своихъ крѣпостныхъ, въ харьковскомъ университетѣ, въ с. петербургской medico-хирургической академіи, въ разныхъ пансіо-

нахъ и институтахъ. Изъ этихъ воспитанниковъ выработались потомъ весьма полезныя общественныя дѣятели, такъ напримѣръ, оберъ-секретарь 3-го департамента сената Пороховниковъ (изъ дворянъ), старшій врачъ полтавскихъ богоугодныхъ заведеній статскій совѣтникъ Матвѣевъ (изъ крѣпостныхъ) и т. п.

Жена Кочубея учредила въ Полтавѣ на свой счетъ пансіонъ для 12 бѣдныхъ дворянокъ, который просуществовалъ до 1816 года. Съ назначеніемъ князя Н. Г. Реннина малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, этотъ пансіонъ взяла на свое иждивеніе его супруга княгиня Варвара Алексѣевна Реннина, а въ 1818 г. былъ отереть институтъ благородныхъ дѣвиць, при чемъ Кочубей передалъ для помѣщенія института большой деревянный домъ съ садомъ, лѣсомъ, сѣнокосомъ и огородами на 96 десятинахъ, стоимостью въ 100000 р., изъ которыхъ Кочубей согласился принять въ уплату только 50000 руб. асс.

Во время отечественной войны, когда было сформировано полтавское ополченіе, Кочубей далъ ратниковъ изъ своихъ крѣпостныхъ изъ каждаго 15 душъ по одному, тогда какъ прочіе помѣщики дали лишь изъ каждаго 25 душъ по одному.

Таковы заслуги С. М. Кочубея передъ обществомъ. Дворянство очень уважало его за это, но когда онъ разорился, то многіе, по свойственному большинству людей равнодушію къ чужой бѣдѣ, позабыли о немъ, что очень огорчило Семена Михайловича и сдѣлало его наклонѣнъ лѣтъ мизантропомъ и украинофобомъ. Таковая переиѣна въ его взглядахъ особенно ясно сказывается въ представленной имъ въ началѣ 1832 г. князю Н. Г. Реннину «запискѣ о прошлыхъ и настоящихъ судьбахъ Малороссіи», хотя впрочемъ и смолоду были у него задатки этого, какъ онъ самъ высказывается въ нижеслѣдующемъ препроводительномъ письмѣ къ «запискѣ»:

«Приложеніемъ вчера написанной мною записки исполняю тѣмъ въ полной силѣ откровеннѣйшія мои къ Вашему Сіятельству обязанности, твердо надѣясь, что изложенныя мною собственно для свѣдѣнія Вашего мысли мои о краѣ семъ не будутъ никому болѣе въ ономъ извѣстны, ибо иначе постараются меня ударить статутowymъ выволачиваніемъ, изгнаніемъ меня изъ онаго. Но я, по фонъ-Визіновской шуткѣ, убоюсь бездны статутовой премудрости, намѣренъ и самъ возвратиться вснять въ Россію, въ коей столицѣ изъ молодости получилъ я сей страхъ; тогда пусть какіе хотятъ подводятъ здѣсь на сеть изгнавшаго себя артикулы своего законовѣдѣнія. Признаюсь,

что часто слыша я сихъ неграмотныхъ юристовъ, ссылающимися на сіи артикулы, видѣлъ въ нихъ Мольерова лѣкаря по неволѣ, подтверждающаго мнѣніе свое, что должно надѣть и говорить въ шляпѣ Гишнократовымъ авторитетомъ его главою о шляпахъ. Еще бывши я здѣсь губернскимъ маршаломъ, въ 1804 г., располагалъ я просить отъ имени дворянства о сравненіи сего края съ Россією, слѣдовательно и объ уничтоженіи сей артикульной книги, особливо, когда принужденнымъ я нашелъ себя удалить отъ себя человѣка, бывшаго нѣсколько лѣтъ до того моимъ ближайше домашнимъ, но коего пустое, но безпокойное настаиванье о поддержаніи вреднаго для всего цѣлаго края сего политическаго и гражданскаго націонализма, заставило меня опасаться успѣховъ отъ его тайныхъ происковъ, бывъ мнѣ всѣ его тайны по предмету сего извѣстны. Но когда тогдашній министръ удѣловъ ¹⁾ лично мнѣ въ столицѣ о немъ сказалъ, что онъ человѣкъ безпокойный и дѣлъ не знаетъ, а потому никакія его затѣи никогда не имѣли и не будутъ имѣть успѣха, то я почелъ намѣреніе мое возможнымъ отложить. Сей министръ ни въ обвиненіи, ни въ неуспѣхахъ сего человѣка не ошибся, ибо оный оправдалъ оба сіи случая въ 1812 г., затрагивая тогда, ко удивленію моему, и самого экс-министра сего. О семъ болѣе сего писать не должно, а лично, если угодно Вамъ будетъ я могу представить свѣдѣнія, довольно жалкія и любопытныя, думаю здѣсь одному мнѣ теперь извѣстныя.

Итакъ, въ субботу, или въ другой день, по назначенію Вашего Сіятельства, буду въ Полтавѣ, не взирая на крайне разстроившееся здоровье мое, непозволяющее мнѣ и писать, а потому всеюкорнѣйше испрашиваю извиненія за столь худой почеркъ мой. Февраля 10-го 1832 г. > .

Изъ этого письма видно, что мысли, изложенныя С. М. Кочубеемъ въ его запискѣ, прямо противоположны взглядамъ большинства тогдашнихъ представителей малороссійскаго дворянства, являются, можно сказать, единичными, такъ что все діаметрально противорѣчащее имъ составляло очевидно идеалы этого большинства.

Записка состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: краткихъ историческихъ свѣдѣній о Малороссіи, описанія судебно-административнаго строя ея и описанія народнаго быта ея, съ предположеніями объ его измѣненіи, въ видахъ политическаго объединенія.

¹⁾ Д. П. Троицкій.

Что касается исторических свѣдѣній С. М. Кочубея, то они были весьма ограничены и притомъ большею частью превратны. Для образца мы приведемъ слѣдующую выдержку изъ записки:

«Первоначальные жители сей страны (Малороссіи), вѣроятно, отрасли скиѣской, занимали земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и были первороднаго свойства своего мирнаго, но храбраго, существовали, какъ и всѣ подобныя народы, и какъ и нынѣ въ степяхъ существуютъ, въ пастушескомъ быту. Но сіе первородство скиѣское смѣшалось съ разными другими племенами и начально съ славянскимъ, что можно заключить и изъ самого нарѣчія, а наиболѣе изъ обычаевъ первой надобности (ужинъ—вечеря, ужинать—вечерять и проч.), имѣющихъ слова языка сего. За симъ смѣшеніемъ присоединились татары, турки, молдаване и волохи, вошедшіе въ составъ народной малороссійской массы, а наконецъ, поляки составили отдѣльную часть сихъ жителей, пановъ, отчего породилось дворянство и вмѣстѣ съ тѣмъ подданные ихъ, для довершенія же всего сего вошли въ край сей и евреи: все сіе до присоединенія всего сего народа къ Россіи».

При разсмотрѣніи судебно-административнаго строя Малороссіи, С. М. Кочубей особенно останавливается на литовскомъ статутѣ, который ему очень не нравился.

«Какая необходимость—говорить онъ—чтобы отличалась Малороссія законами судебными и военными постановленіями? Ежели статутъ лучше законовъ русскихъ, то зачѣмъ бы его не дать и Русскимъ, если же нѣтъ, то почему отдѣлять Малороссіянъ отъ общаго русскаго закона и оставлять ихъ при статутѣ, при законѣ ихъ враговъ, Поляковъ?... Должно признаться, что статутъ есть нѣчто безобразно-инородное, котораго никакое политико-химическое производство не могло смѣшать съ общимъ россійскимъ тѣломъ закона, и что переводъ его, статута, на русскій языкъ не будетъ къ тому способствующимъ средствомъ. Онъ, переводъ сей, напротивъ того далъ случай узнать и Великороссіянамъ сію *толстую книгу*, какъ о ней сказалъ умнѣйшій въ Россіи государственный мужъ, канцлеръ, родомъ изъ малороссіянъ¹⁾, отдѣляющую столь рѣзко ихъ отъ малороссіянъ»...

Что касается народнаго характера и условій быта, то Кочубей объ этомъ самаго низкаго мнѣнія:

¹⁾ Князь В. П. Кочубей.

«Малороссія представляетъ самое счастливое пространство и положеніе: большая часть ея—плодороднѣйшія земли, а другая—обильна лучшими лѣсами. Обѣ части оживляются двумя большими судоходными рѣками. Всѣ сіи богатства образовали лѣность и вмѣстѣ съ оною первобытность ея коренныхъ жителей, наипаче первой части, гдѣ истинно первоначальные малороссіяне. Корень лѣности сей, удерживающей малороссіянъ въ ихъ первородной простотѣ, безопасности, слѣдовательно и бѣдности ихъ, въ ихъ пастушеско-военномъ происхожденіи, въ коемъ работа и *лучшее* настоящаго для нихъ были чужды. Все въ ихъ быту и употребленіи сему соотвѣтствуетъ и утверждаетъ сію лѣность, обычаи, одежда, пища. Ѣзда, все, все, а теперь и хутора ихъ—пріюты безопасности, праздности, невѣжества, уклоненія отъ общественныхъ обязанностей, отъ самаго общества ихъ, возвращающее ихъ въ дикое ихъ происхожденіе»...

По мнѣнію С. М. Кочубея, «главнѣйшею причиною не только лѣни нынѣшней малороссіянъ наипаче, но и ихъ бѣдности, невѣжественные священники, ибо они, пьянствуя непрерывно съ мужиками, съ нихъ же неумовѣрно берутъ за все, и за вѣнчаніе, напримѣръ, до ста рублей и болѣе. О семъ бывшій въ Полтавѣ прокуроръ Горбовскій хотѣлъ имѣть попеченіе для прекращенія сего зла, но едва не былъ происками духовенства обвиненъ и сосланъ. Но сіе не можетъ заставить молчать безстрашную правду».

Вышеприведенныхъ выдержекъ, кажется, достаточно для опредѣленія общаго направленія записки и для характеристики взглядовъ С. М. Кочубея въ послѣдніе годы его жизни, которые обусловливались несомнѣнно угнетеннымъ нравственнымъ состояніемъ подъ вліяніемъ тяжелаго матеріальнаго положенія. Но все-таки плодотворная дѣятельность С. М. Кочубея на общественномъ поприщѣ въ его молодые годы заслуживаетъ благодарной памяти потомства.

Н. С.

Письмо черниговскаго губернатора Андрея Милорадовича въ защиту кіевскаго протоіеря Леванды (1794 г.). «Видъ на жительство» всегда у насъ причинялъ безпокойства простому чело-вѣку, сельскому жителю, который въ поискахъ работы оставляетъ свое мѣсто жительства. Не мало безпокойствъ причинялъ вопросъ о пашпортахъ и горожанамъ хозяевамъ, державшимъ у себя работ-никовъ.

Кіевская Управа благочинія въ первые годы своего существованія, разбрасываясь въ своей дѣятельности, захватывавшей слишкомъ широкую сферу жизни, весьма ревниво относилась къ вопросу о пашпортахъ и привлекала къ отвѣтственности горожанъ, державшихъ у себя прислугу безъ надлежащихъ пашпортовъ.

На этой то почвѣ возникло въ 1794 г. полицейское «дѣло» и противъ извѣстнаго кіевского оратора духовнаго, протоіерея Леванды.

Въ защиту его отъ этой волокиты и обратился отъ 7 апрѣля 1794 г. Андрей Милорадовичъ къ кіевскому губернатору (намѣстнику) Ширкову съ слѣдующимъ письмомъ.

„Милостивый Государь мой Семень Ермолаевич!

Извѣстился я, что кіевскій господинъ протоіерей Иванъ Леванда затрудняется призывомъ его къ процессу за нѣякоесь якобы имъ передержаніе безъ письменнаго вида казеннаго черниговской губерніи крестьянина. Качества сего добраго человѣка, особливо навлеченное ему безъ винно затрудненіе побудили меня лично изыскать въ семь истину, почему и призванъ былъ ко мнѣ самой тотъ крестьянинъ съ его жительства, которой во взятомъ съ него объясненіи показалъ, что во время недорода въ 788 году хлѣба не могучи чемъ себя препитать, забравъ свое семейство, отлучился зъ даннымъ ему отъ сѣлскаго начальства письменнымъ видомъ кіевского намѣстничества въ г. Остеръ, а отъ толь въ Кіевъ, и тамо проживалъ въ мѣщанина Лобачевского. Но отъ кіевской Управы благочинія, по причинѣ что въ данномъ ему билетѣ не пояснено его семейства и дозволенъ ему проходъ толко до города Остра, приказано ему съ даннымъ особимъ пашепортомъ возвратится на прежнее жилище и явится въ губернскомъ городѣ Черниговѣ; почему онъ, оставя семейство и жену свою по причинѣ ее тогда тяжелой болѣзни въ Кіевѣ съ особой прозбы въ домѣ господина Леванды, самъ отлучился съ Кіева съ даннымъ пашепортомъ, но нейдя въ Черниговъ зашелъ въ селеніе своего жительства и обявя тотъ свой пашепортъ получилъ вьновь на возвращеніе въ Кіевъ изъ своего же селенія билетъ, по которому и особливо по женитьбѣ въ Кіевѣ на другой женѣ за умертвѣмъ первой проживалъ въ работникахъ за договоренную плату не только въ Леванды, но и въ другихъ мѣстахъ, и находился чрезъ одно лѣто по своей волѣ и за заплату въ пастьбѣ скота жителей села Троеччины, о каковомъ его пребываніи извѣстно было и обществу того селенія, въ которомъ имѣлъ онъ свое жительство, ибо съ того общества и навѣщаемо его было, но по причинѣ медленнаго

его въ домъ возвращенія, по прозбѣ общества и по требованію черниговской казенной палаты, высланъ былъ уже съ семействомъ на прежнее жилище за присмотромъ; при снятіи жъ съ него въ то время здѣсь допроса о данномъ ему съ его селенія вторично на проходѣ до Кіева писменномъ видѣ онъ не показывалъ и о томъ въ него спрашивается не было.

По такому обстоятельству Вашего Превосходительства покорнѣйше прошу собственно ко мнѣ въ благодареніе ваше и вразсужденіи неповиннаго и излишняго его Г. Леванды затрудненія, ни къ умыслу его ни къ казенному ущербу относящагося, приказать кому надлежитъ заведенной на его по суду искъ, дабы даліе не былъ уже онъ затрудняемъ, оставить по благоразсмотренію Вашего Превосходительства. Пребывающій навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію Вашего Превосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ“.

А. А.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей

имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1-го января 1894 года учреждается на средства, пожертвованныя г. почетнымъ членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, единовременная премія въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе должно быть представлено на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ не позже 1-го января 1895 года, при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля того-же года.

Пользуясь правомъ, предоставленнымъ Обществу жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія двѣ темы:

1) Исторію и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

Премія можетъ быть выдана и въ половинномъ размѣрѣ.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества обязательно на русскомъ языкѣ, при чемъ автору выдаются отиски

За дальнѣйшими разъясненіями просить обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ.

Пользуясь случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся и еще двѣ преміи: первая имени Димитрія Максимовича Княжевича, на проценты съ капитала въ 2000 руб. въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1894 года, за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая—Одесской городской Думы—безсрочная въ 500 руб. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873. С. Петербургъ. 1890. 8 д. 314 стр.

Настоящая книга не поступала въ продажу и потому нашъ отзывъ о ней запоздалъ. «Записки» заключаютъ въ себѣ довольно подробный разсказъ о жизни автора и нѣсколько воспоминаній о его предкахъ. По той видной роли, которую Кочубеи занимали въ XVIII в. въ гетманской Малороссіи, воспоминанія о нихъ потомка, дѣтство котораго относится къ тому-же XVIII в. (р. 1790 г.), должны были бы, по-видимому, заключать въ себѣ интересные факты для исторіи тогдашняго общества; но оказывается, что воспоминанія автора «Записокъ» о его предкахъ очень бѣдны по содержанію. Вотъ что читаемъ мы въ первой главѣ «Записокъ», названной—«родословною». — «Просьбу твою, дорогой сынъ мой, Петръ Аркадьевичъ,¹⁾ написать воспоминанія моей 86-лѣтней жизни, и, по мѣрѣ силъ моихъ, желаю исполнить... Начну мои воспоминанія нашими *фамильными преданіями*. Я не буду говорить ни о предкѣ нашемъ Андреѣ Кочубеѣ, который, какъ говорятъ, первый принялъ христіанство (о немъ мнѣ мало что извѣстно), ни о генер. судѣ Вас. Леонт. Кочубеѣ, который при Петрѣ былъ казненъ Мазепою: о немъ уже сказала исторія. О послѣднемъ я помню только, что онъ былъ женатъ на Любви (Любови) Жуевъ и что дочь ихъ Матрена, воспитанная подъ именемъ Маріи Пушкинымъ... повсе не лишалась разсудка отъ любви къ старику Мазепѣ, а напротивъ вышла замужъ за полковника Чуйкевича.... Василій Д—чь ос-

¹⁾ Умеръ въ декабрѣ 1892 г., оставивъ послѣ себя замѣчательное собраніе разнаго рода предметовъ техническихъ искусствъ (*bris à bras*). Въ число этихъ вещей попало, говорятъ, и то желѣзное кресло гр. Кирилла Разумовскаго, которое, еще 10—15 лѣтъ назадъ, стояло у его гроба, въ Воскресенской церквѣ, въ Батуринѣ.

тавивъ послѣ себя двухъ сыновей: Василия и Федора. Первый жилъ въ Диванькѣ (отъ него то и пошелъ нашъ родъ), а Федоръ Вас—чъ жилъ въ Ярославцѣ, былъ женатъ (не припомню на комъ) и имѣлъ дочь, которая умерла отъ чахотки.

Василій Вас—чъ былъ полтавскимъ полковникомъ и былъ женатъ на (Марфѣ) Апостоль, но отъ нея не имѣлъ дѣтей, и жена его вскорѣ умерла. Вторая женитьба его, какъ передаетъ преданье, совершилась очень романически. Однажды, въ Диванькѣ, приходитъ къ Василию Вас—чу сотникъ его полка и убѣдительно проситъ принять участіе въ его судьбѣ. Дѣло въ томъ, что сотнику нравится дѣвушка Марфа, дочь церковнаго старосты Яновича¹⁾, онъ желаетъ на ней жениться, но не надѣется, чтобы родители согласились на этотъ бракъ, почему проситъ полковника принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Согласенъ. Но гдѣ же я ихъ увижу?—спрашиваетъ Василій Вас—чъ сотника.

— А вотъ, на дняхъ, у нихъ, въ Полтавѣ, храмовой праздникъ; если бы вы, полковникъ, поѣхали туда, то послѣ обѣдни, васъ навѣрно пригласятъ, вотъ вы и могли бы тогда замолвить обо мнѣ слово!

Василій Вас—чъ ѣдетъ на праздникъ въ Полтаву, видитъ эту дѣвушку, вѣроятно, замѣчательную красавицу, потому что лишь только она вошла съ подносомъ въ комнату (въ тѣ патриархальныя времена было обыкновеніе, чтобы хозяйка дома, или старшая дочь-невѣста, подносила гостямъ напитки) чуть только онъ на нее взглянулъ, — судьба его была рѣшена. Онъ тутъ же дѣлаетъ предложеніе родителямъ дѣвушки. Тѣ, никогда не мечтавшіе о такой высокой чести и счастьи, тотчасъ же согласились, тутъ же повязали имъ рушники и пили за здоровье жениха и невѣсты. Послѣ того полковникъ возвращается домой, встрѣчаетъ ожидающаго его сотника и объявляетъ ему, что дѣло улажено. Тотъ его благодаритъ.—Не за что, братецъ, благодаритъ, потому что дѣло я устроилъ не для тебя, а для самого себя.—Есть преданіе, будто бы отъ этого брака у Василия Вас—ча было двадцать человѣкъ дѣтей, но мнѣ извѣстны только девять: пять дочерей и четыре сына. Дочери всѣ вышли замужъ:—двѣ за Лизогубовъ, третья за Тарновскаго, четвертая за Скоропадскаго и пятая за Томару, который ее увезъ и они тайкомъ обвѣнчались.—Сыновья Василия В—ча были: Семень, Василій, Павелъ и Петръ.

¹⁾ „Отъ Яновича пошелъ родъ Халанскихъ.“ (Прим. А. В. Кочубея).

Старшій сынъ Семень Васильевичъ воспитывался въ *чужихъ* краяхъ, служилъ въ военной службѣ и былъ генеральнымъ обознымъ, или иначе, начальникомъ артиллеріи. Впослѣдствіи, онъ былъ переименованъ въ тайные совѣтники, назначенъ старшимъ членомъ малороссійской коллегіи и, за отсутствіемъ малороссійскаго генералъ-губернатора графа Румянцова, предсѣдательствовалъ въ этой комисіи — (коллегіи?). Замѣчательнъ тотъ фактъ, что по прекращеніи его службы генеральнымъ обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ.

Семень Вас—чъ Кочубей былъ женатъ и имѣлъ сына Михаила и дочь Надежду....

Второй сынъ Василія Вас—ча, Василій, мой дѣдъ, при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго, а послѣ былъ предводителемъ дворянства въ вновь учрежденномъ новгородъ-сѣверскомъ намѣстничествѣ; впослѣдствіи, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія. Василій Вас—чъ былъ женатъ на Марѣ Демьяновнѣ Оболонской.

Третій сынъ Василія Вас—ча, Павелъ Вас—чъ былъ женатъ на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко....

О четвертомъ сынѣ Василія Вас—ча Петрѣ, я помню, что онъ былъ бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Разумовскомъ. Потомъ поступилъ въ дѣйствительную военную службу и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ съ Пруссіей...»

Вотъ и всѣ свѣдѣнія о трехъ поколѣніяхъ Кочубеевъ, (начиная съ генер. судьи В. Л. К—бея), сохранившіяся въ памяти Арк. В. Кочубея, который, какъ видно, рассказалъ здѣсь *все, что только зналъ*. Рассказъ этотъ оказывается и скуденъ и во многомъ ошибоченъ. Невѣрными оказываются свѣдѣнія даже о такой личности изъ рода Кочубеевъ, судьбу которой семейное преданіе должно было, повидимому, твердо помнить, особенно въ первое столѣтіе послѣ ея смерти. Говоримъ о бѣдной Матренѣ Кочубеевнѣ, соблазненной старикомъ Мазеною. Авторъ «Записокъ» утвердительно говоритъ, что она впослѣдствіи «вышла замужъ за полковника Чуйкевича». Это не вѣрно. Семень Васильевичъ Чуйкевичъ дѣйствительно былъ женатъ на Кочубеевнѣ, но только не на Матренѣ, а на Катеринѣ¹⁾. Объ этой же-

¹⁾ Въ 1887 г. напечатанъ романъ Фр. Равиты—„Pan hetman Mazera,“ въ которомъ женихъ Матрены Кочубеевны, тотъ же Чуйкевичъ состоитъ въ числѣ „пе-

нитьбѣ Чуйкевича сохранились подробныя свѣдѣнія, указывающія между прочимъ, что жениться на Матренѣ Кочубеевиѣ онъ и не могъ.

О женитьбѣ Семѣна Чуйкевича, который былъ не полковникомъ, а полковымъ судьей¹⁾ только, и при томъ уже при Апостолѣ, сохранился рассказъ самаго В. Л. Кочубея. Изъ этого рассказа знаемъ, что когда, весною 1708 г., Василій Чуйкевичъ посваталъ одну изъ дочерей Кочубея за своего сына, то Мазепа не совѣтовалъ послѣднему отдавать свою дочь за этого жениха, говоря: «якъ будемъ зъ лахами въ едностѣ, тогда знайдется твоей дочкѣ женихъ зъ тоей стороны людской знатнїи якїй шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подиорою... Однакожь, не смотря на этотъ совѣтъ, Семень Чуйкевичъ повѣнчался съ Кочубеевною. Вѣнчаніе происходило въ Батуричѣ, 18 мая²⁾. — Не могъ при такихъ обстоятельствахъ Василій Чуйкевичъ, одинъ изъ видныхъ между козацкою старшиною людей, (онъ былъ поставленъ генер. судьей на мѣсто казненнаго Кочубея), женить своего сына на бывшей Мазепиною любовницѣ, позоръ которой въ этотъ моментъ, повидимому, огласился уже по всей Малороссіи: гораздо раньше женитьбы Семѣна Чуйкевича, поруганный Кочубей писалъ Мазепѣ: „лучше смерть, чѣмъ жить въ моемъ настоящемъ положенїи. Горько мнѣ слыть въ числѣ тѣхъ, которые ради житейскихъ выгодъ жертвуютъ своими дочерьми³⁾...“ Значить связь Мазепы съ Матреною Кочубеевною была въ это время извѣстна уже всѣмъ, послѣ чего выходъ ея замужъ за Чуйкевича представлялся бы просто невозможнымъ по тогдашнимъ понятїямъ... У В. Л. Кочубея было не менѣе пяти взрослыхъ дочерей; изъ нихъ Катерина была замужемъ за Чуйкевичемъ⁴⁾. О судьбѣ Матрены существуетъ, въ Полтавщинѣ, гораздо болѣе вѣроятное преданіе, что она окончила жизнь въ Пушкарскомъ женскомъ монастырѣ⁵⁾.

реяславскаго сотника...“ Въ этомъ прелюбопытномъ по подробностямъ романѣ—Кочубей называется „судьей обознымъ“, а генер. писарь Орликъ является въ Мазепѣ въ такомъ видѣ — „za uchem sterczało mu olbrzymie gęsie pióro, a na vzmuklerskiem guziku kontusza wisiała butefeczka z inkaustem ...“ А вѣдь г. Равита считаетъ себя знатокомъ малорусской старины!

¹⁾ Опис. Стар. Малорос., II, 32.

²⁾ Опис. Стар. Малорос. II, 30.

³⁾ Чтенія въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I, 130.

⁴⁾ Катериною называетъ Семень Чуйкевичъ первую свою жену (Кочубеевну) въ „сказкѣ“ о своихъ службахъ.

⁵⁾ Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи А. В. Богдановича, Полтава, 1877. 8 д., стр. 81. Пушкарскій м-рь находился въ с. Пушкароевѣ, въ 4-хъ верст.

О младшемъ сынѣ В. А. К—бея, Федорѣ, сказано, что онъ былъ женатъ, но что авторъ „Записокъ“ не припомнитъ на комъ.—Федоръ К—бей былъ своего рода типомъ перс. пол. XVIII в., въ ряду тѣхъ сыновей, которые опираясь на значеніе своихъ отцовъ, нерѣдко дозволяли себѣ ужасныя насилія не только надъ своими „подданными“, но и надъ козаками. Такими насиліями славился и Федоръ К—бей, причеиъ даже и Полуботокъ, вступавшійся за обиженныхъ подъ давленіемъ Вельяминовскаго надзора, не могъ смприть этого старшинскаго сына¹⁾. Такая личность, повидимому, могла оставить въ семейныхъ преданіяхъ больше свѣдѣній, чѣмъ сколько ихъ находимъ въ «Запискахъ». О женитьбѣ Федора К—бея извѣстно, что жена его умерла въ 1723 г. (въ апрѣлѣ)²⁾ Но онъ, повидимому, въ томъ же

отъ Полтавы.—Злосчастная судьба Матрены Кочубеевны до сихъ поръ служитъ канвою для легендъ, слагаемыхъ досужею фантазіей полтавцевъ, при чемъ эти легенды иногда печатаются въ видѣ сообщеній какъ бы о дѣйствительныхъ фактахъ, наур. въ „Нивѣ“ 1886 г., № 21, помѣщены два рисунка: 1) *Хуторъ поможн. Искры (близъ Полтавы) гдѣ жила Матрена Кочубей* и 2) *Хата на хуторѣ Искры, въ которой жила Матрена Кочубей (бл. Полтавы)* и къ нимъ въ поясненіе сообщается, что Матрена, „отвергнутая и проклятая матерью, оставленная бѣжавшимъ (послѣ Полтавы) Мазепой... поселилась у своей тетки, жены погибшаго полковника Искры, принявшей въ племянницѣ сердечное участіе, и жила въ уединеніи и неизвѣстности на ея хуторѣ, подъ Полтавой, видъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ, и въ хатѣ, которая сохранилась до сихъ поръ и также изображена у насъ. Хата была реставрирована,—въ ней сохранились доселѣ разнообразныя работы, приписываемыя Мотрѣ Кочубей; онѣ отличаются тонкостью и изяществомъ рисунка и терпѣливымъ искусствомъ, съ какииъ вышивала все это бѣдная героиня печальной драмы. Въ хатѣ никто не живетъ и не жилъ съ тѣхъ поръ. Хуторъ этотъ перешелъ теперь въ родъ Чаплинскихъ, близко родственныхъ роду казненаго Искры. Хуторъ этотъ весьма живописное мѣстечко, чисто малороссійскаго характера, на правомъ берегу Ворсклы... Еще болѣе фантазіи находимъ въ другой легендѣ, приведенной въ „Иллюстраціи“ 1887 г., № 959, въ поясненіе къ рисунку: „Могила Мотри Кочубей, близъ Полтавы“. Здѣсь читаемъ, что въ семи верстахъ отъ г. Полтавы, на р. Ворсклѣ, близъ х. Чаплинскихъ, до сихъ поръ показываютъ могилу несчастной дочери полковника [?] Кочубея; на небольшомъ холмикѣ тутъ стоитъ простой деревянный крестъ. Мѣстная молодежь каждый годъ собирается здѣсь въ день Ивана Купала... Могила Мотри Кочубей сдѣлалась сборнымъ пунктомъ молодежи... Имя злополучной Мотрениы вспоминается молодежью съ благоговѣніемъ... Ходитъ повѣрье, что въ этотъ вечеръ тѣнь ея принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти свѣдѣнія сочинены и притомъ въ недавнее время, людьми, которымъ книжныя свѣдѣнія о Матренѣ показалиcя слышкомъ бѣдными...

¹⁾ Русск. Арх. 1876 г., III, 234.

²⁾ Дневникъ Я. Марковича, изд. Кіевск. Стар., I, 24.

году, снова женился и женился, какъ можно догадываться,—на крестьянкѣ. Въ дневникѣ Марковича (21 окт. 1723 г.) записано: «Господарь (управляющій) п. Федора Кочубея, прїѣхавши сюда въ Ромень, по дѣвку служебку нашу Мотру, а сестру Кочубеевой (т. е. сестру жены Кочубеевой?), отпущень зъ нею осталъ въ домъ 1)»...

Не совсѣмъ вѣрны свѣдѣнія «Записокъ» и о старшемъ сынѣ В. Л. К—бея, Василии; напр., невѣрно, что у него отъ первой жены (Марфы) Апостоль 2) не было дѣтей. Уже въ 1859 г. была напечатана Бодянскимъ (въ «Чтеніяхъ») записка диваньскаго священника-современника о тѣхъ перипетіяхъ, которыя пришлось испытать семьѣ В. Л. Кочубея отъ марта до октября 1708 г. Въ этой запискѣ точно указывается, какъ «пани Василиева молодого пана» уѣхала изъ Диканьки «до родителей своихъ», въ Сорочинцы, гдѣ «на тотъ часъ родился у п. Кочубея (т. е. у Василя В—ча) сынъ, Павелъ». Неужели же эта любопытная записка о семьѣ генер. судьи Кочубея, хранившаяся издавна въ диваньской церквѣ, осталась неизвѣстной потомкамъ казеннаго К—бея даже и послѣ ея напечатанія?—Не точно записано преданіе о второй женитьбѣ Василя В—ча К—бея. Въ «Запискахъ» говорится, что К—бей во второй разъ женился на дочери полтавскаго церковнаго старосты Яновича, Марфѣ, при чемъ авторъ «Записокъ» добавляетъ отъ себя, что «отъ Яновича пошелъ родъ Халанскихъ». Но отецъ второй жены В. В. К—бея, Анны, а не Марфы, по письменнымъ актамъ называется глуховскимъ сотникомъ, а братъ ея, Иванъ,—несомнѣнно былъ глуховскимъ сотеннымъ атаманомъ (1750—1760) 3), при чемъ Яновичъ не былъ и родоначальникомъ Халанскихъ. (Послѣднее свѣдѣніе основано, повидимому, на томъ только обстоятельстве, что Ив. Ив—чъ Халанскій, директоръ н. сѣверской гимназіи, женатъ былъ на Варварѣ Ив—нѣ Яновичъ, дочери глуховскаго сот. атамана).

Неполны свѣдѣнія «Записокъ» и о сыновьяхъ полтавскаго полковника Василя В—ча. О старшемъ изъ нихъ, Семенѣ (р. 1725 † 1779), сказано лишь, что онъ воспитывался въ чужихъ краяхъ 4),

1) Тамъ же, стр. 49.

2) Повидимому, это была внука гетмана, дочь старшаго его сына Ивана.

3) Родословные списки глуховской козацкой старшины, сообщ. П. Я. Дорошенко.

4) Свѣдѣніе очень сомнительное, такъ какъ объ этомъ ученіи за границей С. В. К—бея мы нигдѣ болѣе извѣстій не встрѣчали, между тѣмъ какъ болѣе раннія побѣды за границу для ученія старшинскихъ дѣтей—Обидовскаго, Стефановича, Скоропадскихъ, всѣ—оставили по себѣ письменные слѣды...

служилъ въ военной службѣ и былъ генер. обознымъ. Но при этомъ ничего не говорится, что Семень К—бей назначенъ былъ въжинскимъ полковникомъ уже въ 1746 г., когда ему отъ роду было всего 21 годъ, при чемъ этому назначенію предшествовала помолвка К—бей съ двоюродною сестрою Разумовскихъ, при участіи самой императрицы. Въ дневникѣ Ханенка записано: «въ домѣ гр. А. К. Разумовскаго (въ СПб.) былъ сговоръ Сем. Вас. Кочубею съ двоюродною сестрою графскою, Ксевіею Герасимовною (Демешко) и ихъ же размѣняно перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государыня отдавать и на руку положить изволила... Объ этомъ свойствѣ С. В. К—бей съ Разумовскими авторъ «Записокъ» не упоминаетъ очевидно потому только, что не зналъ этого факта, такъ какъ о всѣхъ другихъ женахъ, упоминаемыхъ въ «Запискахъ» Кочубеевъ, свѣдѣнія имѣются. Малымъ знакомствомъ съ исторіей своей родины звучитъ замѣтка автора «Записокъ» о томъ, что С. В. Кочубей «служилъ въ военной службѣ»... Не могъ С. В. К—бей не служить въ военной службѣ разъ онъ состоялъ въ числѣ козацкой старшины, которая вся поголовно принадлежала къ *военному сословію*; даже лица, занимавшія мирные старшинскіе уряды—писарей и судей, тоже «служили въ военной службѣ», потому что ходили на войну и безпрепятственно затѣмъ производились въ чинъ напр. обознаго. О С. В. К—бей можно было развѣ сказать, что онъ закончилъ свою *военную службу*, когда, послѣ уничтоженія гетманства, переименованъ былъ въ чинъ тайнаго совѣтника. «Замѣчательнъ тотъ фактъ, продолжаетъ авторъ «Записокъ» о С. В. Кочубей, что по прекращеніи его службы генер. обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ». Свѣдѣніе это не сходится съ исторіей, такъ какъ отдача ранговыхъ имѣній въ собственность составляла исключительные случаи ¹⁾ и о ней вовсе нельзя было говорить—«по примѣру другихъ», при чемъ—если слово жалованное не составляетъ опечатки (вм. жалованье), то выраженіе, что «ранговое имѣніе въ то время замѣняло жалованное»—становится совсѣмъ непонятнымъ, такъ какъ ранговое имѣніе давалось «на рангъ» (т. е. присвоено было должности или мѣсту) и не

¹⁾ Ранговыя имѣнія послужили главнымъ образомъ источникомъ для пожалованій, въ послѣднее двадцатилѣтіе XVIII в., Руманцеву, Безбородку, Завадовскому, Стрекалову и другимъ вельможамъ.

имѣя ничего общаго съ пожалованіемъ, никогда не могло замѣнять послѣдняго. О своемъ дѣдѣ авторъ «Записокъ» говоритъ, что онъ «при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго», что въ переводѣ на понятный языкъ значило бы, что В. В. К—бей исправлялъ должность при гетманѣ межеваго судьи... Дѣло въ томъ, что въ к. 1765 г. «поставлено было (въ Малороссіи) имѣть по старому суду земскіе, градскіе и подкоморскіе» (Ригельм., IV, 20) и по этому постановленію, въ перв. пол. 1764 г., выбраны были въ повѣты—подкоморіи и судьи; первые предсѣдательствовали въ межевыхъ судахъ, а вторые въ повѣтовыхъ. При этомъ, въ повѣтъ глуховской были выбраны: подкоморіемъ бунч. тов. В. Кочубей, а судьей—бунч. тов. С. Дергунъ¹⁾. Такимъ образомъ подкоморіи (а не подкоморные) правили должности межевыхъ судей по повѣтамъ, а не при гетманѣ.

Какъ видно, автору „Записокъ“ пріятно было въ своемъ писаніи вспоминать родную „старину“. Перечисливъ своихъ родичей, онъ говоритъ: „не желая еще такъ скоро разстаться съ стариной, я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о прекрасной личности моего дѣда, съ материнской стороны, Вас. Григ. Туманскаго. Онъ... служилъ по финансовой части (подскарбіемъ) въ малороссійской коллегіи, въ Глуховѣ, да впрочемъ онъ тогда управлялъ всеми дѣлами Малороссіи... Такимъ образомъ, внукъ полагаетъ, что дѣдъ его (отецъ матери) былъ alter ego Румянцева; но это невѣрно. Вас. Туманскій при Разумовскомъ былъ генер. писаремъ (замѣнилъ Андрея Безбородка) и считался дѣльцомъ. Затѣмъ, по уничтоженіи гетманства, онъ былъ назначенъ однимъ изъ (восьми) членовъ малоросс. коллегіи; подскарбіемъ же онъ никогда не былъ и первой роли въ коллегіи тоже не игралъ, такъ какъ эта роль принадлежала С. В. Кочубею и кн. Пл. Мещерскому. Близкимъ къ Румянцеву, и потому влиятельнымъ человѣкомъ, но далеко не alter ego, былъ младшій братъ В. Туманскаго—Осипъ, (см. Опис. Стар. Малор., II, 342), который поэтому, впоследствии, былъ назначенъ предсѣдателемъ н. сѣверской уголовной палаты.

Изъ указанныхъ свѣдѣній, относящихся къ XVIII в., видно, что авторъ „Записокъ“, принадлежа къ одной изъ извѣстнѣйшихъ по происхожденію и богатству въ Малороссіи фамилій, имѣлъ о членахъ ея очень поверхностныя свѣдѣнія, почти ничего не зная ни о пра-дѣдѣ своемъ (Вас. Вас—чѣ), ни о старшемъ его сынѣ (Сем. Вас—чѣ),

¹⁾ Чиновничьи списки за 1767 г. въ нашей б-кѣ.

которые оба занимали въ ряду козацкой старшины такія видныя положенія. Мало могъ знать авторъ „Записокъ“ о своихъ предкахъ потому, полагать нужно, что малорусское общество, жившее на рубежѣ XVIII—XIX в., къ которому частью принадлежалъ и авторъ „Записокъ“, вообще мало интересовалось исторіей своего прошлаго. Отсутствіе интереса къ своему прошлому было причиною, между прочимъ, утраты множества семейныхъ бумагъ. Кто и хотѣлъ заглянуть въ это прошлое, приходилось довольствоваться лишь преданіемъ.. Какъ видно, не было архивныхъ свѣдѣній подъ рѣками и у автора «Записокъ»¹⁾. Поэтому вѣроятно, Арк. В. Кочубей, перечисляя въ „Запискахъ“ своихъ предковъ, и сообщаетъ о нихъ такія скудныя свѣдѣнія, какія мы привыкли имѣть о лицахъ XVII в.. а не втор. пол. XVIII в.

Въ остальныхъ частяхъ „Записки“ А. В. Кочубея представляютъ немало любопытныхъ свѣдѣній, большею частью, впрочемъ, чисто семейнаго характера. Но могутъ имѣть и общій интересъ свѣдѣнія о томъ напр., что авторъ „Записокъ“, будучи сыномъ очень богатаго помѣщика, русской грамотѣ обучался «сперва у камердинера своего отца (Петра Вѣлаго), а потомъ у отставнаго морскаго офицера Македонскаго...»

Несмотря однакожъ на бѣдность „Записокъ“ фактами для мѣстной бытовой исторіи, мы должны съ благодарностью отнестись къ памяти ихъ автора за то, что онъ оставилъ намъ хотя и такія записки... До сихъ поръ, сколько извѣстно, это единственные мемуары, написанные лицомъ изъ среды малорусской аристократіи²⁾.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ О семейномъ архивѣ Кочубеевъ намъ не приходилось слышать, чтобы онъ гдѣ либо существовалъ. Архивъ этотъ, который долженъ же былъ существовать въ томъ или другомъ видѣ, вѣроятно погибъ при разореніи внука генер. обознаго С. В. К—бея—Семена Михайловича, представителя старшей линіи К—беевъ, о которомъ въ „Запискахъ“ А. В. К—бея говорится, что онъ „промоталъ 7000 душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности“.

²⁾ Собираясь писать свои мемуары Г. П. Галаганъ, о чемъ онъ говорилъ намъ въ 1883 г., въ Сокиринцахъ, рассказавъ нѣсколько рѣзкихъ фактовъ изъ мѣстнаго ерѣвистаго быта; къ сожалѣнію, намѣренію этому не суждено было осуществиться за скорую его смертью. Г. П. Галаганъ успѣлъ только написать рассказъ о своемъ родѣ и о своей семьѣ для той исторической записки о „Коллегіи Павла Галагана“, которую онъ собирался, незадолго досмерти, издавать.

Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ. (Отдѣльн. оттискъ изъ изв. „Южный Край“). Харьковъ. 1893. 8 д. 91 стр.

Въ этой брошюрѣ приведены любопытные отрывки изъ переписки Г. П. Данилевскаго съ нѣкоторыми изъ литературныхъ корифеевъ. Даровитый романистъ очень любилъ совѣтываться съ причастными къ литературѣ людьми по поводу своихъ писательскихъ занятій и на разные свои запросы получалъ, иногда, очень любопытные отвѣты. Такъ напечатавъ въ 1852 г. свои «Степныя сказки», Д—ій обратился, между прочимъ, къ Костомарову и К. Аксакову, прося ихъ сказать свое мнѣніе «объ этомъ его первомъ серьезномъ литературномъ трудѣ». Костомаровъ отвѣчалъ, что онъ «прочитавши Сказки», пожалѣлъ, «зачѣмъ онѣ написаны не на народномъ языкѣ», что «творенія народной фантазіи должны быть выражены на природномъ нарѣчій» и заявилъ желаніе, чтобы Д—ій «издалъ свое собраніе легендъ по-украински». К. Аксаковъ тоже остался недоволенъ передѣлкою сказокъ. — «То что такъ неизмѣримо высоко и неизмѣримо хорошо въ народной пѣснѣ, сказанное самимъ народомъ, то наоборотъ производитъ досадное впечатлѣніе, когда современный литераторъ вздумаетъ рядить свою мысль въ непринужденную ему величавую народную одежду....

Начавъ свои работы по составленію біографій Квитки и Сквороды, Д—ій обращался за совѣтами, между прочимъ, къ преосвященному Макарію (Булгакову, впоследствии митрополиту московскому), къ Гоголю и друг. Въ письмѣ къ Гоголю Д—ій «надежду выразилъ, что Гоголь не оставитъ его опытнымъ совѣтомъ въ предпринятой имъ работѣ и просилъ разрѣшить ему въ скоромъ времени повидаться съ нимъ лично». Гоголь отвѣчалъ, что ждетъ Д—аго у себя осенью въ Москвѣ. Но свиданіе это не состоялось, такъ какъ Гоголь и весны въ этомъ году (1852 г.) не дожился.... Получивъ извѣстіе о смерти Гоголя, Д—ій хотѣлъ знать подробности его кончины, за которыми и обратился къ нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ къ Бодянскому и К. Аксакову. — Бодянской отвѣчалъ слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ: «... Вы желаете, добродію, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти, о бумагахъ и о Москвѣ, потерявшей его. Не скажу добродію, не скажу! И теперь еще я хожу, какъ угорѣлый, на лекціи по случаю не соберусь.... Не могу, нивкомъ путемъ: все онъ, одинъ онъ въ умѣ и глазахъ! Когда-нибудь можетъ быть и соберусь съ ду-

хомъ пересказать вамъ, а нынче замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти покойникъ, видимо, чахъ, онъ предчувствовалъ недоброе и потому на масляной говѣль и приобщался. Въ половинѣ первой недѣли великаго поста соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ котораго онъ не хотѣлъ вовсе лечиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство, и хотъ тутъ поданы были всѣ врачевныя пособія, да ба! да вже пропало, що зъ воза впало. Это еще не бѣда, но вотъ бѣда, что покойникъ въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, часу во второмъ или въ третьемъ, *сжегъ ест свои бумажы до тла.* Отъ що горе! Премного провинились въ этомъ окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый, а тотъ, разумникъ, бодай его бисъ(?), *поцеремонился*, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ рассказывать! Отъ що горе то горе!—Нема нашего Рудого Панька больше. Такого не буде помы свить стоять буде! Прощайте, дале-би не пышецьця!»—Отвѣтъ Аксакова любопытенъ по его особому мажорному тону.... «Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва-ли правильно будетъ рассказывать о немъ печатно *нашему языческому обществу.* Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства.... Розыгралась страшная драма, свершилось огромное историческое событіе, полное необычно-строгаго смысла: Гоголь умеръ, и теперь намъ надо начать *новый строй жизни безъ Гоголя.*»

Затѣмъ въ названной брошюрѣ есть еще нѣсколько интересныхъ писемъ, напр. П. П. Сокальского, о его попыткѣ сотрудничества въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Каткова, Н. Соханской, (Кохановской) и друг. Разныя свѣдѣнія изъ жизни Г. П. Давилевскаго, сообщаемыя въ дополненіе къ напечатаннымъ письмамъ составителемъ брошюрки (повидимому сыномъ умершаго писателя) могутъ служить нелишнимъ матеріаломъ для комментарія къ сочиненіямъ автора—«Вѣглые въ Новороссіи,» «Мировичъ» и друг.

А. Л.

Планъ Кіева, составленный въ 1695 г. Изданіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1893.

Новое изданіе кіевской археографической комиссіи представляетъ большой интересъ для всякаго занимающагося исторіею и археологіею Кіева. Оно представляетъ копию «древнѣйшаго изъ всѣхъ

донній известныхъ плановъ Кіева» — плана, составленнаго въ началѣ царствованія Петра В. по приказу Кіевского воеводы кн. П. И. Хованскаго «для означенія мѣстъ, гдѣ бы можно построить крѣпость для защиты Кіева». Подлинникъ хранится въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ составленнымъ въ томъ же 1695 «росписнымъ спискомъ» Кіева. Въ 1892 г. членъ кіевской археографической комиссіи протоіерей П. Г. Лебединцевъ сообщилъ свѣдѣнія объ этомъ планѣ и его научномъ значеніи въ своихъ объясненіяхъ («послѣсловіи») къ изданному имъ «Росписному списку Кіева 1700 г. ¹⁾»; теперь археографическая комиссія, подъ его же наблюденіемъ ²⁾, издала самый планъ (по копіи, сдѣланной въ 1884 г. художникомъ Струковымъ).

Важное значеніе этого изданія для изученія исторіи Кіева не подлежитъ сомнѣнію. Не смотря на первостепенное историческое значеніе Кіева, въ немъ сохранилось сравнительно немного остатковъ древности, и многія историческія мѣстности совершенно измѣнили свой видъ. Поэтому положеніе многихъ пунктовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ, въ настоящее время опредѣлить невозможно, и лица, спеціально занимавшіяся исторической топографіею Кіева, нерѣдко приходили къ совершенно противоположнымъ мнѣніямъ (достаточно припомнить известную полемику между Максимовичемъ и Закревскимъ о Копыревомъ концѣ). Еще Закревскій выражалъ по этому поводу понятное для археолога сожалѣніе: «Старый Кіевъ, говоритъ онъ, праматерь городовъ русскихъ, колыбель могучаго государства нашего, теперь вновь отстроена... но старыя валы ея скрыты. Они были насыпаны по остаткамъ древнѣйшихъ укрѣпленій временъ Владимира св., Ярослава, и ясно обозначали предѣлы первобытнаго Града и его Акрополиса. По этимъ остаткамъ можно было прослѣдить древнюю жизнь города, и потеря ихъ для изыскателей теперь ничѣмъ не замѣнима ³⁾». Настоящее изданіе до известной степени вознаграждаетъ эту потерю и можетъ содѣйствовать разрѣшенію нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ.

Не задаваясь цѣлью представить полное описаніе изданнаго комиссіею плана, укажемъ только на наиболѣе важныя даваемые имъ указанія. На *Старомъ Кіевѣ* указано направленіе древнихъ и

¹⁾ Чтенія въ ист. общ. Нестора Лѣтописца кн. VI, отд. III, стр. 29—82.

²⁾ Пятдесятилѣтіе кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ стр. 133.

³⁾ Закревскій. Описаніе Кіева, стр. 132.

новѣйшаго происхожденія валовъ со всѣми относящимися къ нимъ сооружениями (ворота, рвы, мосты), указано точное положеніе Батыевыхъ или Софійскихъ воротъ, случайное открытіе фундамента которыхъ въ прошломъ году произвело такую сенсацію въ Кіевѣ ¹⁾; указано положеніе церкви Воздвиженія — *къ востоку* отъ Десятинной церкви, согласно мнѣнію Берлинскаго и Максимовича, а не *къ западу*, какъ думалъ Закревскій; къ сожалѣнію не обозначено мѣсто церкви св. Симеона, бывшей въ развалинахъ уже во время Кальнофойскаго (1638), такъ что въ вопросѣ о Копыревѣ концѣ все-таки приходится пользоваться его схематическимъ рисункомъ ²⁾. На *Подоль* прежде всего обращаетъ вниманіе «Взвозъ на гору въ Кіевскіе ворота», проходящій по направленію теперешняго Андреевскаго спуска и отдѣленный, какъ и теперь, отъ усадьбы Флоровскаго монастыря кварталомъ домовъ. Дорога же отъ Житняго базара къ Софійскимъ воротамъ, которую Закревскій считалъ древнѣйшимъ подъемомъ съ Подола на Старый Кіевъ, даже не обозначена. Такимъ образомъ и въ этомъ вопросѣ оказалось вѣрнымъ мнѣніе Берлинскаго и Максимовича. Затѣмъ на Подоль обращаетъ вниманіе древнее расположеніе улицъ (оно было извѣстно до сихъ поръ только по неяснымъ наброскамъ въ планѣ, приложенномъ къ описанію Кіева Берлинскаго), подольская деревянная крѣпость, положеніе нѣкоторыхъ не существующихъ въ настоящее время церквей, (св. Василия, Св. Духа). На *Печерскъ* представляетъ интересъ изображеніе старинныхъ укрѣпленій («городокъ на Печерской горѣ» росписныхъ списковъ), сообщеніе съ городомъ черезъ Старый Кіевъ (прямого сообщенія съ Подоломъ не существовало), Николаевскій взвозъ (крутой подъемъ на гору у Никольскаго монастыря на Аскольдовой могилѣ), наконецъ «Столбъ Николаевскій» на мѣстѣ теперешняго Никольскаго монастыря. Планъ этотъ, какъ и всѣ древніе планы, представляетъ въ то же время и изображеніе замѣчательнѣйшихъ зданій, крѣпостныхъ валовъ, стѣнъ и башенъ, церквей и домовъ, что конечно еще больше увеличиваетъ его историческую цѣнность. Изображенія, насколько можно судить по сохранившимся до настоящаго времени зданіямъ (Лавра, Михайловскій мон., Софійскій соборъ), схематичны, но довольно вѣрно передаютъ общій видъ зданія.

¹⁾ Ворота эти впрочемъ существовали до 1798 и были извѣстны еще Берлинскому. См. „Краткое описаніе Кіева“ стр. 71.

²⁾ Рисунокъ этотъ помѣщенъ въ приложеніи къ „Описанію К.-Печерской Лавры“ митр. Евгенія.

Самое изданіе, исполненное картографическимъ заведеніемъ Ильина въ Спб., очень изящно и представляетъ, повидимому, точную копию древняго плана: на трехъ отдѣльныхъ листахъ изображены три существовавшія тогда части города: Старый Кіевъ, Подоль и Печерскъ. Къ снимкамъ приложено небольшое (на 2 стр.) введеніе, въ которомъ указано значеніе плана для «изученія топографіи этого города въ первый періодъ его существованія». Не можемъ не выразить сожалѣнія о краткости этого введенія. Въ немъ указаны только на планѣ XVII ст. слѣды древняго велико-княжескаго Кіева, и при томъ только указаны, безъ всякихъ поясненій и доказательствъ. Упомянутое выше послѣсловіе П. Г. Лебединцева къ «Росписному списку 1700 г.» даетъ болѣе полное объясненіе плана, и мы можемъ посоветовать всякому, кто заинтересуется планомъ, ознакомиться и съ этою статьею. Не можемъ не обратить вниманія на одно мѣсто предисловія, которое особенно нуждалось въ комментаріи — это мнѣніе о Копыревомъ ковцѣ: «обрывистый (Копыревъ) край, конецъ подъ Подольемъ». Намъ кажется, что въ виду спорности вопроса всякое новое мнѣніе о немъ нуждается въ обстоятельной мотивировкѣ. Страннымъ показалось намъ также утвержденіе предисловія, что планъ изображенъ въ масштабѣ около 50 сажень. Въ старинныхъ планахъ, подобныхъ настоящему, о точномъ масштабѣ, не можетъ быть и рѣчи. Это не планъ въ точномъ значеніи слова, а только приблизительный «чертежъ», на которомъ наиболѣе важные и застроенные пункты изображены въ извѣстной пропорціи, но эта пропорція для каждаго пункта могла быть особою и еще больше нарушалась относительно пунктовъ незаселенныхъ и не представлявшихъ для составителя особаго интереса. Такой характеръ имѣетъ чертежъ Кальнофойскаго; тоже можно видѣть и на настоящемъ планѣ. Для доказательства можно привести слѣдующій фактъ. Разстояніе отъ колокольни Михайловскаго монастыря до Софійскихъ воротъ (при пересѣченіи Б. Владимирской и Б. Житомирской улицъ) по этому плану равно разстоянію отъ Николаевскаго столба (мон. Малаго Николая) до Великой церкви К. П. Лавры и даже нѣсколько больше разстоянія отъ Золотыхъ Воротъ до р. Лыбеди. Принимая указанный въ предисловіи масштабъ около 50 саж., каждое изъ названныхъ разстояній составляетъ не болѣе 120 сажень. Между тѣмъ по плану Кіева, изданному Штабомъ Кіевского Военнаго Округа въ 1871—73 и исправленному по рекогносцировкамъ 1879—1888, разстоянія эти совершенно различны и составляютъ: первое 200 саж.,

второе—500 саж., третье—950 саж. Ясно, что Старый Кіевъ, какъ главная часть города, изображенъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ Печерскъ, а послѣдній въ большемъ, чѣмъ незастроенные «боярки въ лѣсу» и «дорога на Соѣйскую мельницу». Нѣкоторое недоумѣніе, не разрѣшаемое предисловіемъ, возбуждаетъ и самая форма изданія — на трехъ отдѣльныхъ листахъ. Такъ какъ нѣкоторыя части плана Ст. Кіева тождественны съ соотвѣтствующими частями плана Подола, то можно думать, что подлинный планъ состоитъ изъ одного листа, и въ тоже время три изданные листа не могутъ быть соединены въ одинъ листъ по своему формату.

Не смотря на эти недосмотры, новое изданіе археографической комиссіи представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Кіева и служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ изданному тою же комиссіею въ 1874 г. «Сборнику матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей». Можно пожелать, чтобы комиссія не остановилась на изданіи одного плана и выполнила свое давнее намѣреніе «издать сборникъ разновременныхъ плановъ г. Кіева»¹⁾. Матеріалы для подобнаго изданія найдутся въ столичныхъ архивахъ²⁾, а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ, напримѣръ, Кіевского Окружнаго Штаба и Кіевской Городской Управы.

В. Щербина.

*Проф. В. К. Надлеръ. Одесса въ первыя эпохи ея существованія.
Одесса 1893.*

Одесса дѣятельно готовится къ своему столѣтнему юбилею, имѣющему исполниться въ настоящемъ 1894 году. Городское управленіе предприняло издать всестороннее описаніе города, въ которомъ собственно историческая часть принята на себя проф. Надлеромъ. Названная нами въ заголовкѣ книжка является литературной обработкой двухъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ прошломъ году въ Одессѣ, и можетъ быть разсматриваема, какъ программа ожидаемаго отъ него большаго труда, или, въ частности, той его части, которая заканчивается дѣятельностью дюка де Ришелье.

Изложеніе г. Надлера и въ названной книжкѣ, какъ и во всѣхъ вообще его трудахъ, отличается живостью и занимательностью,

¹⁾ Сб. матеріаловъ. Предисловіе.

²⁾ См. сообщеніе П. Г. Лебединцева о планахъ Кіева XVIII ст. въ „Чт. вст. общ. Нестора Лѣтописца“ кн. I, стр. 268—269.

и нѣтъ никакого сомнѣнія,—она найдетъ многочисленныхъ читателей. Помимо того, имѣя вообще характеръ повѣствованія, она не лишена и критическаго элемента. Авторъ пользуется почти исключительно печатнымъ матеріаломъ, при чемъ, конечно, не забываетъ старыхъ трудовъ по исторіи Одессы и Новороссійскаго края г. г. Скальковскаго и Смольянинова, но провѣряетъ заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія новыми матеріалами, опубликованными въ послѣднее время г. г. Яковлевымъ и Орловымъ; глава же, посвященная дѣятельности Ришелье, составлена главнымъ образомъ по документамъ, изданнымъ Импер. Историч. Обществомъ, при пособіи нѣкоторыхъ сочиненій на французскомъ языкѣ, и представляетъ собою особенно пріятную новость въ популярной исторической литературѣ о Новороссіи.

Въ своемъ изложеніи г. Надлеръ, по необходимости, касается исторіи колонизаціи Новороссійскаго края въ XVIII в. вообще, рассматривая ее въ связи съ господствовавшими тогда экономическими взглядами, и беретъ подъ свою защиту иностранную колонизацію противъ «мнимыхъ поборниковъ строго-національнаго начала», что кажется намъ, однако, не вполне осмотрительнымъ, тѣмъ болѣе, что авторъ по вопросу столь большой важности ограничивается общими фразами, что иностранныя колоніи явились чуть не первыми пионерами культуры въ нашей окраинѣ, что онѣ подали первый толчокъ къ развитію земледѣлія и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, и что, наконецъ, иностранные поселенцы явились важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ элементомъ въ исторіи развитія нашихъ новороссійскихъ городовъ. Никто не будетъ отрицать, что иностранныя колоніи въ Новороссіи «принесли свою несомнѣнную долю пользы», какъ выражается г. Надлеръ, но, съ другой стороны, во первыхъ, вопросъ о размѣрѣ этой доли пользы остается довольно сомнительнымъ, въ виду того, что матеріалъ для иностранной колонизаціи прошлаго вѣка оказывается весьма часто недоброкачественнымъ, чего не скрываетъ и самъ авторъ, во вторыхъ—иностраннй элементъ въ дѣлѣ колонизаціи Новороссіи является каплей въ морѣ, огромное же большинство населенія ея составилось изъ бѣглыхъ, изъ крѣпостныхъ и изъ остатковъ запорожцевъ. Говоря о Хаджибейѣ, предшественникѣ Одессы, самъ авторъ замѣчаетъ, что «уже съ давнихъ временъ начали появляться здѣсь русскіе поселенцы. Поселенцы эти, говоритъ онъ, приходили изъ польской и русской Украины и даже изъ Великороссіи». Въ 1775 г., по уничтоженіи Запорожской Сѣчи, партія запорожцевъ «явилась подъ Хаджибеемъ и, съ разрѣшенія турецкаго шахи,

поселилась частью на Пересыпи, частью по балкамъ, впадающимъ въ Хаджибейскій лиманъ, тамъ, гдѣ теиерь Нерубайскіе и Усатовы хутора». «Эти земледѣльческія колоніи, говоритъ г. Надлеръ, представляли собою единственный вполне осѣдлый и прочный контингентъ Хаджибейскихъ жителей». Намъ остается добавить, что такой же «вполнѣ осѣдлый и прочный контингентъ» русскаго населенія оказался и въ Очаковской землѣ, по присоединеніи ея къ Россіи (какъ показали изслѣдованія проф. Григоровича), такой же контингентъ, какъ извѣстно, находился и въ границахъ Вольностей Запорожскихъ, и, по нашему мнѣнію, этотъ контингентъ коренного русскаго населенія былъ болѣе приспособленъ къ борьбѣ съ природой, чѣмъ иностранные поселенцы, которые весьма часто искали у насъ не много чего, какъ быстрой и легкой наживы, и потому представляли собою элементъ крайне подвижный и непрочный.

По сказаніямъ польскихъ писателей, Хаджибей или Кацюбей обязанъ своимъ происхожденіемъ литовскому шляхтичу Кацюбѣ-Якушанскому. Въ 1413 г. польскій король Владиславъ отправилъ изъ Кацюбей нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ въ осажденный турками Константинополь. Но изъ договора короля Сигизмунда Августа съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ, заключеннаго въ 1540 г., видно, что Хаджибей принадлежалъ тогда уже татарамъ. Взятіе Хаджибей русскими войсками 14 сентября 1789 г. отнюдь не составляло выдающагося событія второй турецкой войны и произошло совершенно незамѣтно для современниковъ. На первыхъ порахъ не было и рѣчи объ устройствѣ въ немъ торговаго порта; въ немъ предполагали поселить отставныхъ моряковъ, преимущественно грековъ, потомъ порѣшили включить Хаджибей въ днѣстровскую оборонительную линію и построить здѣсь крѣпость, къ чему вскорѣ и было приступлено; но въ 1794 г., по предложенію вице-адмирала де-Рибаса и инженера де-Волана, рѣшено устроить въ Хаджибей военный портъ, при чемъ торговому значенію его не придавалось пока особеннаго значенія. Разсказъ г. Скальковскаго о церемоніи основанія Одессы съ участіемъ митрополита Гавріила (22 августа 1794 г.), признаваемый официально и нынѣ, г. Надлеръ вполне основательно оспариваетъ, и, такимъ образомъ, оказывается невозможнымъ приурочить это событіе къ опредѣленному дню года. Постройки шли крайне вло и, по словамъ г. Надлера, еще въ 1799 г. одесскій портъ существовалъ болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности. Для увеличенія населенія новаго города, явилась мысль пріютить въ немъ

„единовѣрныхъ намъ народовъ, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ преимущественно же грековъ“. По догадкѣ автора, въ связи съ нею у де-Рибаса родилось и предположеніе дать устриваемому имъ городу новое названіе Одессы, при чемъ г. Надлеръ относитъ обычный разсказъ о переименованіи Хаджибея въ Одессу Академіею Наукъ къ области легенды. По первой переноси, произведенной въ концѣ 1795 г., въ Одессѣ оказалось всего 2.349 душъ об. п., при чемъ самую крупную цифру представляли бѣглецы крестьяне, за ними слѣдовали казенные крестьяне и переселившіеся изъ разныхъ губерній мѣщане. Греческіе поселенцы, которыхъ насчитывалось очень не много, поручены были попеченію нѣкоего Аванасія Кесоглу, тоже грека, который, по словамъ г. Надлера, смотрѣлъ на переселенскія дѣла, какъ на источникъ личнаго обогащенія, и потому, да позволить намъ г. Надлеръ добавить, «доля пользы» отъ этого переселенія грековъ сводилась до незамѣтныхъ размѣровъ; да и по словамъ самаго автора, „греческій дивизионъ, предназначавшійся исключительно для лицъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней турецкой войнѣ, состоялъ въ дѣйствительности изъ *всевозможнаго сброда*, изъ людей разнаго званія и націй, въ томъ числѣ изъ *малороссіянъ и поляковъ*“. Греческій дивизионъ былъ уничтоженъ съ воцареніемъ Павла I. Въ 1800 году за постройку порта, на этотъ разъ уже съ торговыми цѣлями, взялся одесскій магистратъ, для чего выхлопоталъ у правительства денежную ссуду въ размѣрѣ 250.000 р. Съ этимъ вмѣстѣ, по словамъ г. Надлера, для Одессы закончилась эпоха экспериментовъ, и она вступила, наконецъ, на тотъ путь, который былъ ей предначертанъ ея географическимъ положеніемъ; однако, онъ считаетъ опрометчивымъ предполагать, что Одесса изъ ничтожнаго, заброшеннаго мѣстечка, какимъ она оставалась вплоть до прибытія въ нее Ришелье, сразу превратилась въ шумный торговый городъ, при чемъ подвергаетъ критикѣ панегирикъ, написанный Одессѣ въ 1779 г. Павломъ Сумароковымъ въ его «Досугахъ крымскаго судьи». На основаніи документальныхъ данныхъ оказывается, что дюкъ де-Ришелье, прибывъ въ Одессу, съ великимъ трудомъ успѣлъ найти себѣ самую скромную квартиру; купить мебели оказалось невозможнымъ, такъ какъ во всемъ городѣ не было ни одной мебельной лавки и ни одного столяра, такъ что, въ концѣ концовъ, Ришелье вынужденъ былъ выписать себѣ дюжину стульевъ изъ Херсона; не было вообще ни одного ремесленника, не было даже булочника. Результаты дѣятельности дюка де-Ришелье для Одессы видны изъ его

денесенія Государю въ концѣ 1813 г. Въ это время населеніе города доходитъ до 35.000 душъ, такъ что втеченіе 10 лѣтъ его управленія оно увеличилось въ пять разъ, число домовъ доходитъ теперь до 2.600; доходъ съ виннаго откупа, достигавшій въ 1803 г. до 47000 р., въ 1813 г. доходитъ до 280.000 р.; почтовый доходъ съ 11.000 р. возросъ въ это же время до 190.000 р.; торговый оборотъ Одессы въ 1813 г. составлялъ болѣе половины оборота всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей и простирался до 25.000.000; въ частности, въ этомъ году вывезено изъ Одессы въ Константинополь на 60.000 р. мебели, которой, какъ мы видѣли, вовсе нельзя было тамъ приобрести за десять лѣтъ передъ тѣмъ.

В. Я.

Народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ С. Петербургскимъ комитетомъ грамотности, состоящимъ при вольно-экономическомъ обществѣ, были выпущены народныя иллюстрированныя изданія нѣкоторыхъ повѣстей Н. В. Гоголя изъ малорусскаго быта, именно: «Сорочинская ярмарка» съ рисунками И. Е. Рѣпина, «Майская ночь или утопленница» съ рисунками Н. Н. Каразина и «Ночь передъ Рождествомъ» съ рисунками К. А. Газенкамифа. Книжечки эти стоили всего по десяти копѣекъ и заключали въ себѣ нѣкоторые изящные рисунки (въ особенности И. Е. Рѣпина).

Послѣ того, съ переходомъ права собственности на сочиненія Гоголя къ братьямъ Салаевымъ, наслѣдникъ ихъ В. Думновъ въ 1890—1892 годахъ выпустилъ иллюстрированныя изданія слѣдующихъ повѣстей Гоголя: «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь или утопленница», «Ночь передъ Рождествомъ», «Вечеръ наканунѣ Ивана Кувала», «Вій», «Страшная мѣсть», «Заколдованное мѣсто» и «Тарасъ Бульба». Послѣднее изъ упомянутыхъ изданій вышло во второй половинѣ 1892 года. Хотя сравнительно съ издачіями С. Петербургскаго комитета грамотности, книжечки эти стоили дороже («Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь» по 15-ти копѣекъ, а «Ночь передъ Рождествомъ»—20 копѣекъ), но помѣщенные въ нихъ рисунки, принадлежащіе неизвѣстнымъ рисовальщикамъ, были исполнены гораздо хуже, бумага была употреблена сѣрая, а шрифтъ—слишкомъ мелкій для народныхъ изданій.

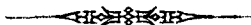
Теперь, какъ извѣстно, право литературной собственности на сочиненія Гоголя порешло къ издателю «Нивы» А. Ф. Марксу.

Можно было ожидать, что, располагая значительными матеріальными средствами и большимъ числомъ сотрудниковъ—иллюстраторовъ Марксъ, пріобрѣвши упомянутое право, приготовить роскошное иллюстрированное изданіе сочиненій Гоголя. Естє ли у него такое предположеніе или нѣтъ — неизвѣстно, а пока имъ недавно издана только одна иллюстрированная книжечка подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: Н. Гоголь. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Иллюстрированное народное изданіе съ рисунками М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревскаго и др. (Спб. 1893 г. 16-о, 170 стр., цѣна 30 коп.)

Сравнительно съ изданіемъ Думнова, книжка эта издана гораздо изящнѣе, но нельзя сказать, чтобы изданіе это не оставляло желать ничего лучшаго. Зичи и Штейнъ талантливые рисовальщики, но Малороссіи они не знаютъ и въ своихъ рисункахъ изъ малорусскаго быта подражали другимъ художникамъ. Притомъ рисунки Зичи—не новые, а представляютъ собою снимки въ уменьшенномъ размѣрѣ съ тѣхъ двухъ рисунковъ, которые были изданы въ видѣ преміи къ «Нивѣ» за одинъ изъ прошлыхъ годовъ и въ которыхъ онъ подражалъ художнику Павлу П. Соколову, издавшему въ 1869 г. альбомъ рисунковъ къ «Тарасу Бульбѣ». Рисунки же Котляревскаго исполнены вообще неудовлетворительно; болѣе удались ему выветки къ нѣкоторымъ главамъ.

Изъ того, что послѣ выхода изданія Думнова черезъ годъ понадобилось новое изданіе „Тараса Бульбы“, видно, что существуетъ значительный спросъ на такіа изданія, и слѣдовательно выпускъ ихъ удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ. Но нельзя не пожелать, чтобы съ повтореніемъ изданій иллюстраціи были исполнены болѣе художественно и съ большимъ знаніемъ малорусскаго быта; а вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы независимо отъ дешевыхъ народныхъ изданій, Марксъ приготовилъ роскошное иллюстрированное изданіе повѣстей Гоголя, пригласивъ для этого къ сотрудничеству такихъ мастеровъ, какъ И. Е. Рѣпинъ. Тогда можно бы было съ рисунковъ такого изданія сдѣлать снимки и для дешевыхъ народныхъ изданій, какъ это сдѣлано для настоящаго изданія по отношенію къ рисункамъ Зичи.

Н. Шугуровъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи въ 1894 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніе вакантныхъ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею В. М. Володи мірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирова.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . . 8 р. } съ пересылкой въ другіе города . . . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. } за границей 12 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 18 р.

Листы рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената рассылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 13-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящіа въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная, до подписной цѣны, сумма 1г. дѣйствительные члены с-петербурскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право представляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволят обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: А н и с и м о в а, рядомъ съ Публичною Библиотечкою Маргиналова, В. Морская, 28; въ Москвѣ: А н и с и м о в а, на Никольской улицѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи—а равно въ конторѣ редакціи

1—3

Съ декабря мѣсяца настоящаго года будетъ выходить въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 Іюля, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотекоедѣніе; 4) издательское и книжно торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго Кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ Кружка, увлажившихъ сполна годовую взносъ—бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ, съ пересылкою и доставкою 6 руб.; на веленовой бум.: для членовъ 3 руб., для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
„ „ „ подписчиковъ на журналъ	6 р.
„ „ „ всѣхъ остальныхъ	10 р.
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ	35 р.
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	50 р.

Для авторовъ и издателей. присылающихъ свои книги въ Редакцію, отаѣльное объявленіе, въ размѣрѣ 1/4 страницы, стоятъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Лавиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, П. П. Шабанова, Н. П. Карбасникова М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова, и Н. Г. Мартынова.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная без предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя приемы легкаго успѣха, мы при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ всеобщимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы помалуемъ, что люди—братья безъ различія національности ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемирный историческій опытъ и употребили всѣ усилія чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р.; полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць—1 р. для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к.; 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1894 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь с. г.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Коми. Невскій проспектъ противъ Гостиннаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжн. магаз. Н. П. Карбасникова.

2—3

Редакторъ-издатель А. А. Пороховицковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ:

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Царствительственные распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политки и общественной жизни. III. Обзорные газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго

Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“ V. Послѣднія извѣстія VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи: (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣднія почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный Бельетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочная свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. Свѣдѣнія о прибавившихъ грузахъ на ст. Харьковъ по К.-Х.-А. и Х.-Н. ж. пор. и другія XVIII Сторонія сообщенія XIX Объявленія

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичеши, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою .	12 „ — „	7 „ — „	4 р. — „	1 „ 40 „
Съ перес.иногород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Краѣ“, на Николаевской площади, въ домѣ Штры.

3—3

Редакторъ-издатель А. А. Гозефовичъ.

1835. —ОТКРЫТА ПОДПИСКА— 1894.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Ж У В О И С Х О Е

Годъ изданія 59. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ изданія 59.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1894 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА, состоящихъ изъ 3—4 лист. большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками.

Кромѣ того годовые подписчики получаютъ бесплатно:

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

40 НУМЕРОВЪ „Иллюстрированные романы“ (русск. и иностр. авторовъ) Разсылаются при нумерахъ журнала, независимо отъ книгъ.

- 12 КНИГЪ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Книжки выходятъ ежемѣсячно (отъ 240 до 300 страницъ).
- 20 НУМЕРОВЪ „Жизнь и Хоайство“ (Цвѣтоводство, огородничество, птицеводство, рецепты парфюмерии, кулинарии и прочее).
- 20 НУМЕРОВЪ „Забавы для Юношества“ (Физическіе и химическіе опыты, работы изъ разныхъ предметовъ, ребусы и задачи).
- 24 НУМЕРА „Парижскихъ модъ“ по моделямъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ модныхъ мастерскихъ. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.
- 12 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“ (вышивки для бѣлья, платьевъ и костюмовъ), отпечатаны въ нѣсколько красокъ.
- 12 ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею прикитичностью, легкимъ исполненіемъ и изяществомъ.
- 12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для фортепiano и пѣнія (романсы, танцы и проч.)
- 5 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для вышиванія“ по новѣйшимъ оригинальнымъ рисункамъ для выполнения разныхъ изящныхъ предметовъ.

1 Стѣнной календарь, отпечатанный въ нѣсколько красокъ.

Въ числѣ книгъ литературныхъ произведеній будутъ, между прочимъ, выданы два весьма цѣнные изданія, а именно:

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЛОРДА БАЙРОНА

2) Полное Иллюстрированное Собраніе рассказовъ Шехерезады
„ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ“

Предлагаемы ДВА большія и цѣнные иллюстрированныя изданія, въ новомъ переводѣ съ послѣднихъ англійскихъ изданій, ВЫДАЮТСЯ нами ПОЛНОСТЬЮ въ наступающемъ подисномъ году, не смотря на то, что стоимость ихъ въ отдѣльной продажѣ превышаетъ ВТРОЕ подписную цѣну нашего журнала.

ДВѢ ПРЕМІИ БЕЗПЛАТНО.

ГODOVЫЕ ПОДПИСЧИКИ, уплатившіе сполна подписную сумму, получаютъ ДВѢ прозрачныя картины, замѣняющія живопись на стеклѣ.

1) «ПѢСНЬ ЛЮБВИ» и 2) «РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ»

Новыя большія картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой жизни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ бесплатной преміи, годовые подписчики могутъ получить еще слѣдующія ТРИ НОВЫЯ художественныя произведенія:

БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА.

„БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ.“

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, высота 14 вершковъ)

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ хранящимся водворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Велик. Кн. Владиміра Александровича.

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: профессора Абазовскаго, проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Франца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной и др.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, верѣяко далеко отъ столицы и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій Эрмитажъ и Академію Художествъ, а потому полагаемъ, что новое наше изданіе пополнитъ этотъ пробѣлъ. Картины альбома отпечатаны въ 16-ть красокъ, вложены въ папку и могутъ служить какъ для гостинныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

русскихъ государственныхъ дѣателей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюста: высота 12—13 дюйм. Ширина 7—8 дюймовъ).

Первую серію составлять: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Феодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій.) 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій). Писатели: 4) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ ТРИ руб. (безъ перес.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ: безъ доставки въ Слб. 6 р. 60 к. Съ перес. по Имперіи 8 р.

- 1) Годовые подписчики журнала, желающіе получить, кромѣ бесплатной преміи, еще новыя художественныя изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 к., съ доставкой ОДИНЪ РУБЛЬ
- 2) Подписавшіяся одновременно на журналъ „ЖИЕОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и газету „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, (первое изданіе) съ доставкой и внесшіе сполна годовую подписную сумму за оба изданія, могутъ получить, на выборъ, альбомъ или картину БЕЗПЛАТНО.
- 3) Кромѣ того ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ журнала предоставляется право получать на выборъ разныя художественныя изданія (гравюры, картины альбомы), а также и книги, поименованныя въ особомъ „спискѣ изданій“, ЗА ПОЛОВИННУЮ ИХЪ СТОИМОСТЬ, который высылается по требованію безплатно.

Адресъ Главной конторы: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкова моста д. 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію, БЕЗПЛАТНО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ (15—18 ЛИСТОВЪ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакція ставитъ своей задачей доставленіе какъ юношеству, такъ и вообще читателю, который народился у насъ съ распространеніемъ образованія во всѣхъ классахъ общества, интереснаго и полезнаго общепросвѣтительнаго чтенія, состоящаго изъ оригинальной и переводной беллетристики, популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ гуманитарныхъ и естественныхъ наукъ, а также изъ откликовъ на текущую культурную жизнь—родную и иностранную. Поэтому редакція, для болѣе яснаго выясненія своихъ задачъ, присоединяетъ къ прежнему заголовку слова: и с а м о о б р а з о в а н і я .

Къ сотрудничеству въ журналѣ привлечены лучшія литературныя и научныя силы.

Въ вышедшихъ книжкахъ текущаго года помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отдѣлъ I. Беллетристика. 1. „Есеннія грозы“. Романъ Д. Мамина-Сибиряка. 2. „Тети Наша“. Разсказъ И. Добротворскаго. 3. „Забятая“. Очеркъ Н. Златовратскаго. 4. „Изъ дневника Андрея Муратова“. Разсказъ П. Засодимскаго. 5. „Влудный смѣхъ“. Повѣсть П. Засодимскаго. 6. „Исторія моей жизни“. Жоржъ Зандъ (съ портретомъ). 7. „Соперники“. Комедія Шеризана. 8. „Лѣто въ деревнѣ“. Воспоминанія О. Кайдановой. 9. „Товарищи“. Очеркъ Эдмонда де-Амичиса, пер. съ итальянск. 10. „Покойная миссъ Голлингфродъ“. Повѣсть Ч. Дикенса. 11. „Свѣжняя зима“. Густава афъ-Гейерстана. Переводъ со шведскаго М. Луцинской.

Отдѣлъ II. Наука и публицистика. 1. „Марія Стюартъ въ исторіи и драмѣ“. Ив. Иванова. 2. „Въ дальнихъ сирасевіяхъ. (Алтай)“. Н. М. Ядринцева. 3. „И зъ путевыхъ впечатлѣній“. С. Южакова. 4. „Начало и развитіе русской критики“. А. Скабичевскаго. 5. „Какъ дѣйствуютъ психическія вліянія“. Очеркъ по психологій. Э. 6. „Красоты природы и ея чувства“, съ рисунками. Джона Леббока. Переводъ съ англ. 7. „Помощь англійскихъ университетовъ народному образованію“. Статья Макса Леккера. 8. „Положеніе женщины на Востоцкѣ“. Д-ра А. В. Елассьева. 9. „Генрихъ Гейне въ семейной жизни“. Э. Пименовой. 10. „Чѣмъ крѣпки русскія артели?“ Ф. Щербина. 11. „Антропологическіе очерки“. А. В. Беклендъ. Пер. съ англ. подъ ред. Д. Корочевскаго. 12. „Лѣтніе курсы въ Америкѣ“. Э. 13. „Знаніе и народное богатство“. Публичная лекція проф. А. И. Чупрова. 14. „Наши земельные распорядки“. Проф. Н. Карышева. 15. „Кукушка“, біологическій очеркъ проф. Н. Холодковскаго. 16. „Наблюденіе природы“. Очеркъ В. Агафоновъ. 17. „Гете какъ человѣкъ“ Ив. Иванова (съ новымъ портретомъ Гете).

Отдѣлъ III. Бидмографія. а) Систематическій обзоръ книгъ для самообразованія. По исторіи. Проф. Н. И. Карѣва. По физикѣ. Ю. Вагнера. По географіи. Проф. Э. Ю. Петра. По біологій. Ю. Вагнера. б) Подъ рубрикой Новостей ино-

странной литературы приведены отзывы о болѣе 400 появившихся за границей новых книгахъ по литературѣ, культурѣ, исторіи, библиографіи, географіи, этнографіи естествознанія, психологіи, философіи, антропологіи и искусству.

Отдѣлъ IV. Смѣсь. Отдѣлъ этотъ составляется, частью изъ оригинальныхъ замѣтокъ и извѣстій, частью по многочисленнымъ русскимъ и иностраннымъ періодическимъ изданіямъ.

Отдѣлъ V. Приложение. „Гипатія“. Историческій романъ Ф. Маутнера, переводъ съ нѣмецкаго. „Тайна богатой наслѣдницы“, романъ Вальтера Безанта переводъ съ англійскаго. „Астрономическіе вечера“ Г. Клейна, переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, съ портретами и рисунками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы книжнаго магазина Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха, и контора Печковской—Петровскія линіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 7 руб.: за границу 10 руб.;
безъ доставки 6 руб.

РАЗСРОЧКА ЗА РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ КАЗНАЧЕЕВЪ.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій

2 - 2

Годъ изданія 82-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1894

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ
СЪ ЕЖЕМЪСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И КНИЖКАМИ
РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммамъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета „Сынъ Отечества“ въ первомъ изданіи вполне замѣняетъ собою

Дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, подписчики получаютъ бесплатно:

1) 52 номера воскресныхъ приложень въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированного журнала. 2) Книжки „Романы и Повѣсти“. Каждая книжка содержитъ 160—

200 страницъ. 3) 12 номеровъ „Моды и Руководѣнія“, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“. 4) Стѣнной календарь (съ каргою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 2 руб.; на полгода 4 руб. 50 коп.; на три мѣс. 2 руб. 50 коп.; на одинъ мѣс. 1 руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества“ выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 номеровъ). Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также рисунки сценъ событій изъ русской исторіи, виды мѣстностей, зданій, памятники, дворцы, монастыри, церкви и проч., сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 р.; на полгода 2 р.; на три мѣс. 1 р.; за границу (на годъ) 6 р.

Гг. годовные подписчики перваго или втораго изданія газеты „Сынъ Отечества“, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художественныя изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома безъ доставки 75 коп. съ доставкою одинъ рубль.

1) БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПНА:

„БУРЛАКИ на ВОЛГѢ“.

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, выс. 14 вершк.).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владимира Александровича.

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ

„ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ“.

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго; проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей, послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, нерѣдко далеко отъ столицы и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій Эрмитажъ и Академію художествъ. Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную напку и могутъ служить какъ для гостинныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

Русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александра III. 2) Е. И. В. Гос. им. Маріи И Фёдоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II. (въ Возѣ

почившій. 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11. Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ три руб. (безъ доставки).

Адресъ главной конторы: СПб., Невскій пр., у Анничова моста, д. 63—40.

Подробное объявленіе высылается по требованію бесплатно.

2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

VII-й годъ изданія.

„С Ъ В Е Р Ъ“

еженедѣльный литературно-художественный журналъ

Подписчики „С Ъ В Е Р А“ въ 1894 году получаютъ:

52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый сброшюрованныхъ въ изящную цвѣтную обложку.

12 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ „Парижскихъ модъ“, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.

12 отдѣльныхъ выкроекъ: изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

ежемесячное бесплатное приложеніе къ журналу

*** Б И Б Л И О Т Е К А С Ъ В Е Р А ***

12 томовъ сочиненій извѣстѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и путешественниковъ.

Въ настоящемъ году въ „БИБЛИОТЕКЪ СЪВЕРА“ будутъ напечатаны: изъ приобрѣтеннаго редакціей въ собственность, полного собранія сочиненій

Н. Д. АХШАРУМОВА.

Чужое имя романъ *Мандаринъ*, романъ ||| *Концы въ воду* повѣсть *Ночное*, рассказъ.

Смерть Слепцова кавказская быль.

СОЧИНЕНІЯ:

баснописца И. А. Н Р Ы Л О В А съ художественными иллюстраціями.

Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

Стихотворенія.

В. Н. ГОЛОВИНА.

кругосвѣтное путешествіе.
подъ редакціей профес. Э. Ю. Петри.

МЕЛЬМО-СКИТАЛЕЦЪ. романъ Матюрина.

Остальные сочиненія Н. Д. Ахшарумова будутъ помѣщены въ библиотекѣ „СЪВЕРА“ 1895 г. Такимъ образомъ подписчики „СЪВЕРА“ получаютъ это полное цѣнное литературное приложеніе бесплатно.

Другое бесплатное приложеніе Популярная Библиотека Прикладныхъ Знаній.

1. Томъ: Русскій Сельскій Хозяинъ. Популярное изложеніе организаціи новаго не-преустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ приложеніемъ 7-ми нитѣй не напечатанныхъ писемъ о сельскомъ хозяйствѣ А. Н. Энгельгарда) Соч. С. Э. Шаралова.

1. Томъ: Комнатное Цвѣтоводство (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растений
Н. Е. Семенова.

БЕЗПЛАТНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

Роскошный альбомъ акварелей къ избраннымъ

СТИХОТВОРЕНІЯМЪ Н. А. НЕКРАСОВА.

„КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО“ и друг.

1. художественно исполненныхъ акварелей извѣст. художника ПЕТРА СОКОЛОВА.

Къ альбому будетъ приложенъ портретъ Н. А. Некрасова, исполненный акварелью съ портрета работы И. Н. Крамского, находящагося въ галереѣ Третьякова въ Москвѣ. Художественная обложка альбома исполнена акварелью Н. Н. Карамзинимъ. Всѣ рисунки будутъ снабжены соответствующимъ объяснительнымъ текстомъ. Альбомъ этотъ составляетъ исключительную собственность „Сѣвера“ и будетъ печататься въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье за границей.

1. Стѣнной ОТРЫВНОЙ на 12 мѣсяцевъ табель календарь, отпечатанный красками.

Всѣ приложенія „СѢВЕРА“ высылаются подписчикамъ БЕЗПЛАТНО.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургъ 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской. 6 р. 50 к. съ доставкой и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р.

Разсрочка подписной платы за „СѢВЕРЪ“ 1894 г. допускается на слѣдующ. условіяхъ
Для гг. Городскихъ подписчиковъ въ два срока:

Безъ доставки: при подпискѣ 3 р. 1	Съ доставкой: при подпискѣ 3 р. 50 к
1 Юня 94 г. 3 р.	

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ; въ ДВА срока: При подпискѣ 4 р. и 1 Юня 1894 г. 3 р. въ ТРИ срока. При подпискѣ 3 р., 1 Мая 1894 г. 2 р. и 1 Августа 1894 г. 2 р.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ), допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою по мѣсячно.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи „СѢВЕРЪ“
Екатерининская, № 4.

Издатель *Е. А. Евдокимовъ*. Завѣдующ. художественнымъ отдѣл. *Н. Н. Карзинъ*.

Открыта подписка на 1894 годъ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Популярно-научный иллюстрированный еженедѣльный журналъ

для семейнаго чтенія и самообразованія.

(Подписной годъ съ 1 ноября 1893 по 1 ноября 1894 г.).

„Природа—лучшая наставница“, гласитъ давно извѣстная истина. „Природа лучшая въ мірѣ книга, изученіемъ которой должны заниматься всѣ“. Но мало

того,—природа есть змѣстѣ изаинмательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, зааашись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересной для всѣхъ и каждаго, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности мїръ существъ разумныхъ.

Блестящій успѣхъ нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четыре года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журналѣ, какъ „Природа и Люди“.

Въ настоящемъ году журналъ „Природа и Люди“ сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшіе себѣ симпатіи читающей публики, т. е. попрежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и рассказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по разнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ 1894 подписномъ году журналъ „Природа и Люди“ дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженедѣльныхъ номера. Каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 статей, не считая мелкихъ, и 6—10 художественныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ по истеченіи года составится большой изящный томъ, содержащій болѣе 800 страницъ и украшенный до 500 рисунковъ.

12 книгъ литературныхъ приложений. Книги будутъ выходить ежемесячно въ размѣрѣ отъ 120 до 160 страницъ каждая, на хорошей глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями. Въ нихъ будутъ помѣщены избранныя сочиненія популярно-научнаго или практическаго характера. Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ въ нѣсколько разъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ „Природа и Люди“, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ издатель имѣетъ возможность дать

б е з п л а т н о

столь цѣнное приложеніе, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ:

Полезная библіотека.

1) Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Г. Марвила. Перев. А. Лякидѣ, подъ редакціею проф. С. Глазенапа.

2) Научныя разсужденія—д-ра В. Буринскаго.

3) Подъ водою—Л. Фигье. Перев. подъ редакціею и съ дополненіями П. Лебедева.

4) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ—проф. Ф. Эсмарка. Перев. подъ ред. д-ра С. Груздева.

5) Первые обитатели Москвы—большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка. Г. Полозова.

6) Самоучитель фотографіи—Ф. Дилайе. Перев. подъ редакц. Е. Буринскаго.

7) Рыболовъ-любитель—Ф. Пескова.

8) Цать виѣшнихъ чувствъ—Л. Фигье. Перев. подъ ред. д-ра Ю. Малиса.

9) Электричество въ домашнемъ быту—В. Тюрана.

10) Жизнь земли (Популярная геологія)—проф. Ф. Пуше.

11) Домашній обиходъ (Сборникъ полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства—Ф. Груздева.

12) Чудеса гипнозизма—д-ра Ю. Малиса.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ напечатаны: „Храмъ науки“—большой романъ изъ университетской жизни І. Ясигскаго; „Новая жизнь“—боль-

шой романъ изъ области будущаго А. Лемана; „Ариасваги“ — фантастическій романъ Н. Соколова; „Черная душа“ (исторія одного пограничнаго разбойника) — рассказъ Ф. Тютчева; „Мститель“ (изъ жизни нашихъ среднеазиатскихъ окраинъ) — рассказъ В. Губаревича; „Морфинистка“ — рассказъ А. Зарина; „Мірскія диковинки“ — рядъ рассказовъ В. Желиховской; „Лиллипуты“ (тайны микроскопическаго міра) — научный романъ А. Бленара; рассказы проф. Н. Вагнера, Н. Карзинна и Д. Мамина-Сибиряка; „Жертвы моря“ (рассказы изъ исторіи крушеній судовъ нашего военнаго флота) — Мораки (псев.); „Тайны алхиміи“ — Очерки Н. Павловича; „Письма изъ Африки“ — Г. Сенкевича; „Страна чудесъ“ и „Въ царства Рулетки“ — рассказы изъ путешествій С. Дмитревскаго; „Лазуревый гротъ“ — очеркъ С. Донскаго; „Оорочони“ (вымирающее пламя) — этнографическій очеркъ А. Максимова; „Изъ песковъ Судана“ — очерки послѣдняго путешествія д-ра А. Елксѣева; „Очерки изъ путешествій по Абиссиніи“ — вѣстнаго путешественника В. Машкева; „Семь цервей Апокалипсиса“ — В. Желиховской; „Столипы міра“ — рассказы С. Донскаго; „Плеяды“ и „Сатурнъ“, его кольца и спутники — очерки проф. С. Глазенапа; „Друзья человека“ — большой очеркъ д-ра зоологіи А. Никольскаго; „Ящерицы, плачущія кровавыми слезами“ — В. Максимова; „Чтеніе мыслей“ — П. Соловьева; „Воля“ — П. Успенскаго; „Черезъ сто лѣтъ“ — очерки Б. Битнера; „Живая машина“ — очеркъ І. Ясинскаго; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очеркъ изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метеорологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, химіи, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу „Наука и забава“, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; полезныя совѣты и рецепты; фокусы; и забавы и пр. и пр. Большинство статей иллюстрировано мелкими рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ В. Г., Карзиннъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Піотровичъ С. К., акад. Самокишъ Н. С., Самокишъ-Судновскаго Е. П., Сокоорскій Э. К. и друг.

Подписная цѣна на ежедневный журналъ „Природа и Люди“ съ приложеніемъ 12 книгъ „Полезной бібліотеки“:

Безъ доставки 4 руб. съ оставкой и пересылкой 5 руб., за границу 8 Рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остальные.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями, — 4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежомъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Природа и люди“, С.-Петербургъ, Стремляная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ С. Груздевъ — Издатель П. Сойкинъ.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ 11-ый бесплатно.

2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
XXV. на 1894 годъ. XXV.

Принявъ на себя въ 1893 г. изданіе „Русской Старины“, новая редакція заявила что, преслѣдуя тѣ начала, котор. легли въ основу издан., начавшагося еще

въ 1870 г., она употребить всё усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежн. интереса, но, напротив., оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сыраго матер. и какъ можно болѣе матер. литературно разработани. Смѣемъ думать, что наши подписч. не могутъ упрекнуть, что мы не сдержали своего обѣщ. Не трогая драгоцѣн. и обширнаго архива, собран. покойн. издател. „Русской Старинѣ“ и пріобрѣтен. редакц. благодаря благосклон. содѣйствія, многихъ достойн. лицъ намъ удалось дать въ течен. года не мало интересн. статей котор. составили солидный вкладъ въ отечеств. историч. литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшен. журнала, что въ теченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произвед. воспомин. и обширн. запис. разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкотор. изъ этихъ произвед. наши читат. имѣли уже случай познакомиться; въ числу ихъ принадлеж., между проч., Зап. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Восп. В. А. Панаева, Зап. М. Я. Ольшевскаго начатыя въ этомъ г.

Въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣдующія произвед.: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіог. архимандр. Фотія.—За полстолятія, мемуары докт. А. И. Ильинскаго,—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Н. Глинки.—Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго.—Воспоминанія А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго А. И. Ильинскаго,—Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя пріобрѣт. въ теченіе одного года новыхъ историческ. вполнѣ обработан. матеріал., устанавл. связь редакціи съ интеллигентн. обществ. лицъ, интересующ. отечеств. исторією, даютъ намъ надежду, что и впредь редак. въ состояніи будетъ удовлетв. любознат. лицъ, интересующ. историч. событіями въ разныхъ эпохи русской жизни. Въ 1893 г. редакція начала новый отдѣлъ „Обзорніе историческ. журналовъ.“ Давая краткое содерж. помѣщающихся въ нихъ статей, ред. „Русской Старинѣ“ имѣетъ полную возмозн. знакомить и на будущ. время своихъ читателей съ цѣннымъ историч. матеріал., разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ. Так. образомъ программа издан. на 1894 г. будетъ слѣдующая: 1) Семейн. хроника.—2) Записки и воспомин.—3) Историч. изслѣдованія.—4) Очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ.—5) Жизнеопис. и матеріалы въ біограф. достопамятн. русдѣтелей: людей государства., ученыхъ, военныхъ писателей духовн. и свѣтск. артис. и художник.—6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ.—7) Перец. замѣчательн. лицъ, автобіогр., замѣтки и дневники.—8) Историч. расск. и преданія.—9) Челобитн. и разные документы, рисующіе бытъ русск. общества прошл. временъ.—10) Мемуары и расск. иностран., насколько они касаются Россіи и ея исторіи.—11) Отзыны о содерж. историч. статей, помѣщаем. какъ въ разн. періодич. историч. изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературн.—12) Народная словесность.—13) Архивн. документы.—14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣтелей, гравированные лучшими художниками.—Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору редакціи журнала „Русская Старина“ СПБ., Фонтанка. 145. Кромѣ того подписка принимается въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Киевѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ

редакцію журнала „Русская Старина“: С.-Петербургъ, Фонт., 145 Можно получить въ редакціи журналъ „Русская Старина“ за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 и 81 гг. по 8 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ и за 1884, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 гг. по 9 р. за годъ, т. е. за 12 книгъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

Ежемесячный, Литературно-Научный и Политическій журналъ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“

Въ 1893 г. въ „Свѣ.“ было между прочимъ напечатано: „Суратская кофейня“ тр. Льва Толстого, „Пустоплосъ“ разск. Н. Лѣскова, „Мечтатель“ разск. въ стих. Я. Полонскаго, „Семейный очагъ“ ром. К. Баранцевича, „Али“ разск. П. Боборыкина, „Царевна Нанджана“ ск. Кота Мурлыки, „Въ Слободкѣ“ разск. Ольги Шапиръ, „Семейная Исторія“ пов. И. Потапенко, „Конецъ Бирюковской лачи“ разск. А. Михайлова (Шеллера), „Въ облакахъ“ пов. В. Каренина, „Порученіе“ пов. Л. Дуревичъ, „Въ огонь и въ воду“ повѣсть С. Смирновой, статьи: „Недѣланіе“ гр. Гѣва Толстого, „Книгоноши и Офени“ А. Пругавина, „О вліяніи музыки“ проф. И. Тарханова, „Женщина-преступница“ проф. И. Фойницкаго, „Общественныя доктрины прошлаго вѣка“ проф. М. Ковалевскаго, „Письма великаго человѣка“ В. Стасола, „Жизнь художника 60-хъ годовъ“ Н. Ге., „Нищенство на руси“ Л. Весина, „О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей, д-а Якубовича, „Гюп-де-Мопассанъ“ проф. Л. Шефелевича, „О женщинахъ врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ“ д-ра Герценштейна, „Наука, философія и религія“ А. Волынскаго, „Современныя нервныя болѣзни нашего общества“ проф. П. Ковалевскаго, „Бѣлинскій“ А. Волынскаго, „Факторы преступности“ проф. И. Фойницкаго, „Психологія творческаго процесса“ проф. Д. Овсянко-Куликовскаго, „Волга и Волгари“ А. Субботина и мн. друг. Кромѣ того печатались въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. С МИР Н О В О Й.

(Изъ записонныхъ книжекъ 1825—1845 гг.) Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Бъсѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго Виземскаго, Голяя, Лермонтова, Глинки и другихъ.

Новымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разслана бесплатно напечат. въ 1893 г. 1 ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненныхъ въ Парижѣ.

Ежемесячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлы, 2) Провинціальная печать Л. Прозорова, 3) Новыя книги, 4) Цисьяма: изъ Америки В. Маэ-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая лѣтопись. 7) Театръ, 8) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Условія подписки: Безъ доставки въ Свѣ. конторѣ журнала. На годъ. 12 р. По полугодіямъ, Январь 6 р. Іюль, 6 р. По четвертямъ года. Январь 3 р. Апрель, 3 р. Іюль, 3 р. Окт. 3 р. Безъ досл. въ Москвѣ въ конт. Печковской и магаз. Карбасникова. На годъ. 12 р. 50 к. По полугодіямъ. Январь, 6 и. 50 к.

Іюль, 6 р. По четвертямъ года. Январь 3 р. 50 к. Апрель, 3 р. Іюль, 3 р. Окт. 3 р. Съ доставкой въ Сиб. На годъ, 12 р. 50 к. По полугодіямъ. Январь, 6 р. 50 в. Іюль, 6 р. По четвертямъ. Январь, 3 р. 50 к. Апрель, 3 р. Іюль, 3 р. 50 к. Окт. 3 р. Съ перес. въ Имперіи. На годъ, 13 р. 50 к. По полугодіямъ. Январь, 7 р. Іюль, 6 р. 50 к. По четвертямъ года. Январь, 3 р. 50 к. Апрель, 3 р. 50 к. Іюль, 3 р. 50 к. Окт. 3 р. Заграницей. На годъ, 15 р. По полугодіямъ. Январь, 8 р. Іюль, 7 р. По четвертямъ года. Январь, 4 р. Апрель, 4 р. Іюль, 4 р. Окт. 3 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года безъ повышенія годовой цѣны. Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ. Для учащихся и учащихся льготныя условія по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала, Сиб. Троицкая ул., 9, и въ отдѣл. конторы: въ книжн. магаз. Фену и К^о, Сиб., Невскій, 40 Въ Москвѣ въ конт. Н. Печковской. Петровскія линіи; а также въ книж. магаз. Н. П. Карбасникова въ Сиб., Москвѣ, Варшавѣ. Въ книж. магаз. Нового Времени въ Сиб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ;—Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ;—Н. Я. Ващмакова въ Казани, и въ друг. книжныхъ магаз.

Издательница *Л. Гуревичъ.*

Редакторъ *М. Альбовъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

(5-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1893 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны, между прочимъ слѣдующія статья: 1) Маленькіе моряки (Изъ воспоминаній о Морскомъ корпусѣ) К. М. Станюковича; 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній М. И. Семевского; 3) Неугаданный (Педагогическій случай). С. В. Максимова; 4) Первый годъ моей учительской дѣятельности (Изъ воспоминаній начальной учительницы); 5) Страница изъ исторіи нашего женскаго домашняго воспитанія въ недавнюю старину М. К. Николаевой; 6) Возростъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I-го. А. В. Бѣлецкого; 7) Епархіальныя женскія училища въ первое пятидесятилѣтіе ихъ существованія. Д. Д. Семенова; 8) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщины въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. П. Г. Мижуева; 9) Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигиены и воспитанія. В. В. Гориневскаго; 10) О школьной реформѣ съ точки зрѣнія гигиениста. А. С. Виреніуса; 11) Первая всероссійская гигиеническая выставка 1893 года. Его-же; 12) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. П. М. Головачева; 13) Характеристика учениковъ Ѳ. С. Матвѣева; 14) Внеклассная школьная литература. С. П. Незлобина; 15) Идеиность и художественность въ дѣтской литературѣ. В—лина; 16) Къ вопросу о дѣтской литературѣ. О. И. Роговой; 17) Педагоги и взаимопомощь. Н. Ѳ. Арпѣева; 18) Вопросъ о приготовленіи преподавателей для

гимназій. Проф. В. И. Модестова; 19) Пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей. А. М. Тютрюмова; 20) Состояніе народнаго образованія въ селахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго; 21) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. С. А. Вобровскаго; 22) Народное образованіе въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго; 23) Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Я. В. Абрамова; 24) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасіева; 25) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С. И.; 26) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. А. М. Калмыковой; 27) Система иѣрь распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ народа. Евг. Д. Максимова; 28) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ школъ) А. И. Анастасіева; 29) Геометрія въ городскихъ училищахъ, В. А. Латышова; 30) О преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ. Его-же; 31) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохорь-Троцкаго; 32) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ѳ. Соколова; 33) О церковно-славянскомъ языкѣ. А. И. Гарнавскаго; 34) О иѣрахъ къ поднятію уровня сочиненій абитуриентовъ. А. А. Дмитревскаго; 35) Желательная постановка экстерноральныхъ работъ по древнимъ языкамъ. Его-же; 36) Конспектъ девяти весеннихъ ботанико-зоологическихъ экскурсій въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Проф. Д. Н. Байгородова.

Кромѣ того въ „Русской Школѣ“ за 1893 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы“: А. И. Анастасіева, З. Б. Вулиха, К. А. Иванова, П. Г. Мизуева, В. А. Мякотина, Е. Н. Соловьева, Н. В. Тулушова и многихъ другихъ (всего болѣе 80 рецензій); обзоръ вѣсколькихъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія. Я. В. Абрамова. Отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

1) Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки шесть рублей, съ доставкой 6 р. 50 коп., для иногороднихъ семь рублей, съ пересылкой за границу девять рублей.

2) Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени“ и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ русской

исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 руб. въ Москвѣ и 8 руб. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города Россіи

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Вѣлюкову (Садовники, д. церкви Св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ) или въ книжные магазины И. Глазунова (на Кузнецкомъ Мосту), Карбасникова и Ѳ. А. Богданова (въ Петровскихъ лавіяхъ).

К. 10.318—3—1.

2--2.

ВЪ 1894 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

будутъ издаваться

по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ“,

ЖУРНАЛЬ

научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/19 февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“, рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемесячно* книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкой „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ при Кіевской Духовной Академіи въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи тожю получаютъ „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія Журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVI (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб

за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г. г. (въ сброшированомъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“, за 1884 г. всѣ распроданы

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1894 гг. по 1 руб.

О Б Ъ И З Д А Н І И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ съ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Совласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1)—о ф ф и ц и а л ь н у ю и протоколѣ, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц и а л ь н у ю (статьи наачнаго содержанія),

съ отдѣлами критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорнью выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной, и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія, Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.,

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащимъ въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложений (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложений, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ объѣмѣхъ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочіихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглобляну въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА САМУЮ БОЛЬШУЮ И САМУЮ РАСПРОСТРАНЕННУЮ на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, НАУЧНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И
КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

ОТЪ РЕДАКЦИИ. До настоящаго времени мы встрѣчали широкую поддержку со стороны публики, выразившуюся въ быстромъ и обширномъ распространеніи нашего изданія. Позволимъ себѣ напомнить, что эта поддержка не осталась безплодной для нашихъ читателей. Каждый шагъ нашего матеріальнаго успѣха сопровождался новыми и дорого стоящими улучшеніями и весьма крупными затратами. Кромѣ того въ настоящее время программа газеты расширена очень существеннымъ дополненіемъ, — введеніемъ юридическаго отдѣла. Такимъ образомъ наше прошлое ручается читателямъ за будущее, доказывая опытнымъ путемъ, что и впредь мы будемъ употреблять нашъ матеріальный успѣхъ на пользу самаго дѣла, т. е. на

дальтйшее усовершенствованіе газеты, какъ во внутреннемъ литературномъ отношеніи, въ полнотѣ и изобиліи свѣдѣній и статей, приближаясь по мѣрѣ возможности, къ выработанному типу наилучшихъ заграничныхъ изданій.

Въ газетѣ „Одесскія Новости“ помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы искусства науки и техники. Кромѣ специально посвященныхъ одному вопросу статей и сообщений, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и рассказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-технической фельетонъ. Все это иллюстрируется цинкографическими портретами и рисунками. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подписчикамъ иллюстрированный „Дѣтскій номеръ“ содержащій рассказы, стихотворенія, и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ „Одесскихъ Новостяхъ“ областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочныя сношенія за границей и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты.

ПО Д И С Н А Я Ц Ъ Н А .

Безъ доставки и пересылки:

Съ доставкой и пересылкой
въ другіе города:

На 1 мѣсяць	— р. 90 к.	На 1 мѣсяць	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	3 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
На годъ	8 „ — „	На годъ	9 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала вторюю полугодія 4 р.

Въ розничной продажѣ 5 коп. номеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ ОДЕССѢ, въ Главной Конторѣ: Ланжероновская ул. (Пале-Рояль), соб домъ.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманъ, Александровскій Алешахъ, Валтѣ, Батумѣ, Вендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ Богополѣ, Бериславѣ, Белградѣ, Бобруйскѣ, Винницѣ, Вознесенскѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Генчическѣ, Гейснѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Кишинѣ, Крив.Рогѣ, Крив.Озерѣ, Киевѣ, Каховкѣ, Камевецъ-Подольскѣ, Козатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Мариуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргиевскѣ, Николаевѣ, Нѣжинѣ, Орѣшевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ Сорокахъ, Тирасполѣ, Тяльномѣ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Феодосіи.

Редакторъ-издатель А. Старковъ

Съ 16 ноября газета „Одесскія Новости“ будетъ печататься новымъ шрифтомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1894 ГОДЪ

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВЪ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную и Экономическую Газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Газета выходитъ по программѣ раздѣленной на слѣдующіе отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія.	XI. Фельетонъ-крошка.
II. Телеграммы Севернаго Телеграфнаго Агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ.	XII. Зигзаги.
III. Специальныя ежедневныя телеграммы курсовыя и фондовыя с-петербургской биржи.	XIII. Протоколы жизни.
IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ.	XIV. Ростовскій альбомъ.
V. Политическое обозрѣніе.	XV. Хроника (мѣстная и общая).
VI. Иностранныя извѣстія.	XVI. Корреспонденціи.
VII. О чемъ пишутъ	XVII. По Россіи.
VIII. О чемъ говорятъ.	XVIII. Мелочи (сценныя и наброски).
IX. Злобы дня.	XIX. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др.
X. Легучіе листья.	XX. Театръ и музыка.
	XXI. Наука и литература.
	XXII. Торговныя свѣдѣнія.
	XXIII. Справочный отдѣлъ.
	XXIV. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Край“ будутъ помѣщаться портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РОССІИ:

Безъ доставки:		Съ доставкой и пересылкой:	
12 мѣсяц. 8 р. — к.	6 мѣсяц. 4 р. 50 к.	12 мѣсяц. 9 р. — к.	6 мѣсяц. 4 р. — к.
11 " 7 " 50 "	5 " 3 " 75 "	11 " 8 " 50 "	5 " 4 " 25 "
10 " 7 " — "	4 " 3 " — "	10 " 8 " — "	4 " 3 " 50 "
9 " 6 " 50 "	3 " 2 " 25 "	9 " 7 " 25 "	3 " 2 " 75 "
8 " 6 " — "	2 " 1 " 80 "	8 " 6 " 50 "	2 " 2 " — "
7 " 5 " 25 "	1 " — " 80 "	7 " 5 " 75 "	1 " 1 " — "

За пересылку газеты заграницу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяць.

Разрочка платежа годовой подписной цѣны допускается по соглашенію съ конторою. Вносы по разрочкѣ производятся: при подпискѣ — 3 р., 1-го мая — 3 р. и 1-го августа — 3 руб.

Подписки принимаются только съ 1-го числа каждого мѣсяца и не далее конца текущаго года.

О ПОДПИСКѢ ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты: „Приазовскій Край“, Большая Садовая, д. Фронштейна и въ собств. домѣ, уголъ Больш. Садов. и Братскаго пер.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА И ПЯТЬ ЖУРНАЛОВЪ БЕЗПЛАТНО:

Главное мѣсто удѣлено политикѣ, перелачѣ и обсужденію всѣхъ возникающихъ вопросовъ и фактовъ общественной, сельско - хозяйственной промышленности и трудовой жизни въ Россіи. Новостя о событіяхъ изъ надежныхъ источниковъ. Быстрога, достовѣрность и полнота торговаго и биржевого отдѣловъ. Въ фельетонѣ: беллетристика, проницательныя, воскресныя наброски, литературная, музыкальная, театральная, научна, сельско-хозяйств. бесѣды, очерки изъ провинціальна. и загранич. жизни.

Три мѣсяца въ году. Подгода въ рублѣ.

- „Фабрично-Промышленный Вѣстникъ“
- „Земледѣльческій Листокъ“
- „Страховой Сборникъ“
- „Тиражный Листокъ“
- „АКЦИОНЕРЪ“

15 р. БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ И ДРУГІЕ ПЕРИОДИЧЕСКІЕ ИЗДАВАНІЯ

Воскресный номеръ газеты для семьи, въ него входятъ: беллетристика, хроника жизни, искусство, пиеса, о модѣ и об-щественныя для дома и семьи съб-лденія.

НА ПОЛГОДА въ руб., съ переплатой
НА ТРИ МѢСЯЦА 1 р.

Новое изданіе съ ТРЕМЯ БЕЗПЛАТНЫМИ журналами: „Страховой Сборникъ“, „Земледѣльческій Листокъ“, „Фабрично-Промышленный Вѣстникъ“

Контора: Спб., Невскій пр., 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 ГОДА.

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 году будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1894 году съ пересылкою и доставкою—десять рублей. Для чужихъ краевъ—двенадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ доиѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ въ Одессѣ.

Цѣна отдѣльными книжкамъ: за одну по 1 руб. 25 коп. за двѣ по рублю, за три по 80 коп., за четыре и болѣе по 75 коп. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 коп.; городскаго на иногородный—90 к.; иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

Въ приемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати. „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ *Петръ Бартеневъ.*

1—3.

Юрій Бартеневъ.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ

Литературно-политическая и художественная газета.

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“

СЪ ПЕРИОДИЧЕСКИМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на 1 годъ—8 руб., на 6 мѣс.—руб , на 3 лѣс.—3руб., на 1 мѣс.—1 руб. безъ до ставки и пересылки на 25% менѣе.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., 1 Мая—2 руб., и 1 Юля—руб., а для служащихъ въ административныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ въ году (1 Января по 1 Августа включительно)

Подписка для иногороднихъ принимается въ главной конторѣ редакціи Трехсвятительская ул., № 16 (у церкви Андрея Первозваннаго).

Подписавшіеся на 1894 годъ получать всѣ номера газеты, вышедшіе въ текущемъ 1893 году.

Издатели: *Г. П. Мануковъ и М. Е. Краинскій.*

Редакторъ *М. Е. Краинскій.*

2—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА“.

„Сборникъ Саратовскаго Земства“ имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года.

„Сборникъ“ будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Сборникъ Саратовскаго Земства“. I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учреждений. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ программу „Сборника“. IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и готовятся Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обзоръ земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растений и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ годовъ Н. Маглецовъ. О вліяніи величины и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе Н. Черненко.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ В. Круберъ, и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы комиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля. VI. Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ, VII. Библіографія и бібліотека, книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. IX. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. X. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ X-го будутъ выпускаться и разсматываться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со „Сборникомъ“, приложеніе же V-е

будеть выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, „Сборникъ“ и „Приложенія“ уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція разсчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать „Сборникъ“, не смотря на значительные расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особныя подписки: А—на „Сборникъ“ безъ приложеній, В—на „Сборникъ“ съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на „Сборникъ“ со всѣми приложеніями.

Подписная цѣна: А — За „Сборникъ“ безъ приложеній: на годъ безъ пересылки 3 руб. 60 коп., съ пересылкой и доставкой въ Саратовъ 4 р., на полгода безъ перес. 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 2 р., на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. 1 р., на 1 мѣсяць безъ перес. 31 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовъ 35 к.,

Б.—За постоянныя приложенія къ общей цѣнѣ на „Сборникъ“ прибавляется:

1. За 1 приложеніе „Труды Саратовскаго Губернскаго Земства“—журналы, доклады, отчеты и проч. на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ пересылкой и дост. въ Саратовъ 2 р., на 1 мѣсяць безъ пересылки 90 к., съ пересылк. и доставк. въ Саратовъ 1 р.

2. За еженедѣльное V-е приложеніе на годъ безъ пересылки 2 р. 70 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 3 р., на полгода безъ перес. 1 р. 35 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 2 р., на четверть года безъ перес. 1 р. 10 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовъ 1 р. 20 к., на одинъ мѣсяць безъ пересылк. 45 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 50 к.

3. За остальные ежемѣсячныя приложенія на годъ безъ пересылки 1 р. 80 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 2 р., на полгода безъ перес. 1 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовъ 1 р., на четверть года безъ перес. 90 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 1 р., на одинъ мѣсяць безъ пересылки 27 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовъ 30 к.

В.—За „Сборникъ“ со всѣми приложеніями на годъ безъ пересылки 8 р., съ пересылк. и дост. въ Саратовъ 9 р., на полгода безъ перес. 5 р. 40 к., съ перес. и дост. въ Саратовъ 6 р., на четверть года безъ перес. 3 р. 60 к., съ пер. и дост. въ Саратовъ 4 р., на одинъ мѣсяць безъ перес. 1 р. 35 к., съ пересылк. и дост. въ Саратовъ 1 р. 50 к.

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо, о чемъ будетъ публиковаться заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ „Сборника“ не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Землемѣры Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, известнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодьямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый срокъ впередъ, безъ увеличенія годовой подписной цѣны.

Для Волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена.

За „Сборникъ“ безъ приложеній	3 р.
„ „ съ I-мъ приложеніемъ	4 р.
„ „ съ V-мъ приложеніемъ	4 р.
„ „ съ остальными, кромѣ экстрен. приложеній	4 р.
„ „ со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ	6 р.

Цѣна Объявленій впереди „Сборника“ по 15 коп. за строку не мельче пидцero въ 60 буквѣ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ „Сборника“ по 10 коп. за ту же строку. Объявленія въ приложеніяхъ по той же цѣнѣ.

При повтореніи объявленій значительная уступка.

Адресъ редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ

Предсѣдатель Губернской Земской Управы В. Безобразовъ.

1894—ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА—1894

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентябра и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;

2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: Н. О. Азаемовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. О. Будде, Н. Виташевскій, К. В. Вякловъ (Упсала), В. Н. Вилевскій, Вихманъ, (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. В. Газенвинкель, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсѣевъ, О. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катаваевъ (Омскъ), С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыановъ (Минусинскъ), К. П. Медосъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчянниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чулиевъ, (Барнаулъ), проф. А. А. Штукевбергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція „Из-

вѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсъ, Буда-Пештъ и Унсалъ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіямъ“ будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. „Мордовско русскій словарь“ М. Е. Евсеева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка, отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета Ф. Мищенко, И. Смирновъ.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. съ 44-го вып. Т-ва А. Гранатъ и К^о, бывш. Т-ва А. Гарбель и Б^о.

Изданіе имѣетъ цѣлю въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ явленіямъ жизни; оно стремится открыть возможность для каждаго значительно пополнить пробѣлы образованія, содѣйствовать болѣе разностороннему развитію и облегчить сознательное отношеніе къ каждому крупному вопросу науки, литературы, искусства и общественнаго быта въ его прошломъ и настоящемъ.

Все изданіе составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ (10000 столбц. убор. печати) и будетъ закончено въ 1894 году.

Вышло 75 вын., т. е. 5 томовъ и 5 вып. 6-го тома, въ которыхъ изд. доведено до сл. НѢМЕЦКОЕ ИСКУССТВО.

Цѣна выпуску (въ 3 печ. листа) на обыкновен. бум. 30 коп., на луч. бум.—40 к., тому безъ перепл. на об. бум.—4 р. 20 коп., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. на об. бум. 4 р. 50 коп., на лучш. бум. 6 р. За пересылку прилагив. 10 к. на рубль стоимости, за перес. каждой серіи „Снимковъ“ (9 картинъ) 28 коп. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Учащіе, учащіяся, учебныя заведенія, равно какъ и всѣ казенныя и общественныя учрежденія при совѣстной подпискѣ не менѣе 3 лицъ пользуются уступкой въ 10%. Допускается разсрочка съ ежемѣсячнымъ платежомъ отъ 1 р. 20 к. на условіяхъ, изложенныхъ въ проспектахъ. Гг. служащіе и лица съ высшимъ образованіемъ, пользующіе разсрочкой, получаютъ при подпискѣ всѣ вышедшіе тома изданія.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій пер., д. № 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 г.

на издающійся БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНВУРЫ

ежемесячный журналъ

„ВОСХОДЪ“

и газету „НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“

14-й годъ изданія.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1-му Юля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь 2 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель А. Ландау.

Новые подписчики получаютъ бесплатно 1-ю часть романа „Дѣти Гетто“, напечатанную въ 1893 году.

Въ конторѣ журнала „Восходъ“ поступила въ продажу новая книга:

ЕВРЕИ и АНТИСЕМИТИЗМЪ

Анатолія Леруа-Болье, члена Французской Академіи.

Переводъ Э. К. Ватсона и Р. И. Сементковскаго.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ съ 1894 г. на ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарную промышленность, львоводство и проч.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, причемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
- 3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя.
- 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
- 5) Повѣсти, рассказы и романы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обзорныя русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.

10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой на годъ 1и р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки—на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующихъ условіяхъ: съ дост и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничныя подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ Б. В. Корейво, П. Варскаго и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просить обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевского Слова“, Вольшая Владимірская домъ № 35.

Редакторъ-Издатель В. М. БОГДАНОВЪ.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно.

Постоянными рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.
2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ во просовъ.
3. Мѣстныя извѣстія (городскія и възъ уѣздовъ).
4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, прозеты и т. п.).
5. Телеграммы.
6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).
7. Земская и городская хроника.
8. Корреспонденціи.
9. Театръ и музыка.
10. Новости науки, литературы и искусства.
11. Внутреннія извѣстія.
12. Внѣшнія извѣстія.
13. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научныя очерки и т. п.).
14. Библиографическія замѣтки.
15. Смѣсь.
16. Справочный отдѣлъ.

Условія подписки: Съ пересылкой на 12 мѣс. 10 р., на 11 м. 9 р. 50 к., на 10 м. 9 р., на 9 м. 8 р. на 8 м. 7 р., на 7 м. 6 р. 20 к., на 6 м. 5 р. 75 к., на 5 м. 5 р., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., 10 к., на 1 м. 1 р. 20 к. Съ доставкой въ Харьковъ на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р. на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р. на 1 м. 1 р. Безъ доставки на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 11 м. 8 р., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р. на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 80 к.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ газеты „Харьковскія Вѣдомости“.

послалемъ 3 р. У вечеру ездили до ясневелможной и тамъ вечера-ли. Штучку вистроили Максимецъ зъ Назарцемъ, — ключи сховали.

Среда. 15. Сегодня родитель ездилъ въ судъ, а обѣдалисмо у себе, мы сами, а онъ обѣдалъ у минѣстра. Подаль чолобитную род. минѣстрови на Калюженковъ за грабительство, учинившееся сѣвна въ футорѣ нашемъ Калюжновскомъ.

Четвергъ. 16. Сегодня приехали зъ С. П. Бурху посилайнію туда сотники сръбранскій (Троцина) и Галецкій стародубовскій, зъ отвѣтною до всего войска запор. грамотою, милостиво написанною. Слуга чи сродникъ п. судіи Чарниша приехалъ зъ С. П. Бурху. Обѣдалисмо у ясневел. и п. Михайло зъ своею женою.

Пятокъ. 17. Сегодня быдемъ у канцеляріи минѣстеровой зъ род., а отголь у п. Михайла, где зъ Троцкимъ видѣлемся и сунлѣ-ку его на род. наготованную приняемъ. У Архипа, поданного свар-ковского, получилимъ 40 р., а еще остался виновать 7 р. и 7 гри-вень, а въ 10 р. пять четвериковъ жита даль. Войту ромескому Андрѣю Павлову ¹⁾ далемъ карту до Котлубал, чтобъ онъ запла-тилъ ему долгъ мой, то есть 16 р. безъ 10 алт.

Субота. 18. Сегодня у минѣстра учинилось опредѣленіе: чоло-битнихъ на родителя зъ другихъ полковъ кромѣ лубенского не принимать въ канцелярію минѣстрову и новоучрежденному суду не слѣдствовать, понеже въ указѣ такъ выражено. Читали судиціи виписку дѣла зъ Калюженками, где артикули 'повинаходили зъ разныхъ книгъ, всѣ въ ползу Калюженкомъ, а мы въ ползу свою виписать другіе артикули огпросили сроку до середи. Ездилемъ у вечеру до ясневел., когорая паспортъ миѣ дала минѣстровъ.

Неделя. 19. Родитель сегодня передъ службою Божей въ ми-нѣстра въ прихожей и.бѣ, въ присутствіи Количева, Писарева Яков-лева, коменданта переесл. и многихъ, подаль дсношеніе зъ свѣди-тельствами старшинскими, оправдающими родителя. Обѣдалисмо сами у себе, а у вечеру былъ протопопъ глуховскій. Максимецъ, подши-

¹⁾ Это былъ Шолетика, отецъ извѣстнаго Григорія Андреевича. См. Киевск. Стар. 1891 г., № 4, стр. 99.

сокъ род., писалъ ко мнѣ зъ Добротова, что стрижчать ¹⁾ трое вилелись за намъ на дорозѣ и прибѣгли въ Тулиголови, куда староста мой принять онихъ не похотѣлъ. Приехалъ слуга гетманскій зъ С. П. Вурху, которій привезлъ вѣсть, что Петръ Андр. Толстой умре.

Понедѣлокъ. 20. Сегодня билисмо оба зъ родителемъ у суда въ справѣ Калюжненкѣвъ, а отложили дѣло ихъ до середи, чтобъ намъ выписать зъ правъ въ сторону нашу. Обѣдалисмо у Ясневел., а у вечеру биль у насъ Новоторжцовъ. Приехалъ отъ шваггра Андрея Полуботка слуга зъ писмомъ и зваромъ родиннимъ, что ему родилась дочь Уліяна.

Вовтор. Воведеніе. 21. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Ясневелможная, а по обѣдѣ составляли правніе доказателства въ справѣ Калюжненковъ. Отписалемъ до шваггра Полуботка и слугѣ 1 р. далемъ. Тарасъ слуга приехалъ зъ Ромна и объявилъ реестръ коней поставленнихъ на зиму въ станю, ижджалихъ и дриггантовъ 69, опрочъ сихъ, якіе въ Глуховѣ и въ старостѣ имѣются ижджалин. Да онъ же показалъ реестръ коней вибракованнихъ 26, зъ которыхъ въ Ромнѣ продалъ 8 за 30 р. и 4 гривни, а именно кобилъ 3, коней 3, стрижокъ 2 да на боргъ (въ долгъ) отдалъ 3 кобили за 12 р., |особливе стар. засулскому двое стрижокъ за 5 р. зъ 2-ма гривнами, а 3 кобилѣ знову у футоръ отослани. Да продалъ же товару 13, за що взялъ 28 р., да онъ же въ Ромнѣ купилъ 14 локоть матеріи, имберу 2 фунта, перцю фунтъ, цитвару 4 фунта, а на немъ доводится таляръ безъ шага.

Середа. 22. Сегодня билисмо у суда зъ родителемъ, куда принесена сущлѣка до гетмана отъ всей отаманнѣ сѣлской, писанная на родителя лубенской сотнѣ. Обѣдалисмо у Ясневел. зъ п. Михайломъ и его женою, которую оправдалисмо въ городъ до ея дому ночью, зъ женою у п. судиною. Грошей у Клима взяли 32 р.

Четвер. 23. Сегодня были у Ясневелможной и обѣдали, а по обѣдѣ виехали въ монастырь Гамалѣвскій, тамъ же обѣдалъ и

¹⁾ Т. е. лошасть-стригуновъ.

отець Мойсей. Онажь дала 150 чер. да 100 р. Отець Мойсей у столу сказиваль, что Ивань Мисюкъ, ктиторь святониколскій, прийшовши до его, тоє говорилъ, же Калюженки зъ маткою своею передъ тимъ, поколь не продали намъ фугора Балюжновского, приходили продавать до Степана Миклашевского и другихъ.

Пятокъ. 24. Сегодня былисмо у суда зъ родителемъ, где взявши чолобитнихъ двѣ Жванченка пѣсковского; да Неижгалки лохвицкого, для отвѣту отехали. Самъ зложилемъ. . . (?) у фляшу мѣдную, а онихъ 1330, осталось по роцоту 160, а особливе 250, и того 410.

Субота. 25. Сегодня отвѣти противъ Неижгалки и противъ Жванченка виготовали. А обѣдалисмѣ съ Бондзеровскимъ. П. Павлова лохвицкая приѣхала въ Глуховъ и привезла на кагге млинокъ, купленный мнѣ у С. П. Бурху Михайломъ Перехристомъ роменскимъ.

Недѣля. 26. Сегодня былисмо зъ родителемъ рано у министра и пожегналиемъ оного, который сказиваль о секретару сенатскомъ Ивану Кириловичу Кирилову, что онъ свѣдомъ и поуфаль. Зъ библиотеки взялиемъ 7 мѣсть, а 8 зъ библиографіи. Универсалъ на Андрияшовку, п. Павловой данний отъ покойного гетмана 1709-го году, мая 7-го у Лукомлѣ, а у водѣ затопленный злодѣями, обикравшими оную, дала мнѣ, который на чистий папѣрь подклеплемъ, и уступное письмо. Составилемъ доношеніе до министра отъ родителя о правахъ, доводячи того, что статуть—право собственное и собственное есть языка руского народа и сіе утверждено доводами зъ исторіи. У ванпѣ милемся и кровь банками пускалемъ. А исторіи въ доношеніи, о лкомъ въ 4-мъ пунктѣ прописани и такіе суть что Гедиминъ князь литовскій въ Кіевѣ, доставши оного, устроилъ на своемъ мѣстѣ князя Олшанского; 1471-го року, Казѣмиръ 4, король полскій, княженіе кіевское на воеводство черемѣнимъ.

Понеделокъ. 27. Сегодня рано пожегналиемъ род. и отехалемъ зъ женою въ Тулиголови на обѣдъ, куда потомъ и попъ Астровскій приѣхаль. Братъ п. Семень подарилъ въ Глуховѣ табакерку свою мнѣ. Приѣхавши въ Тулиголови, засталемъ въ імбарѣ

5 куеъ гор., а шестую испиваемую, саль 17, а на 10 казановъ у винницѣ робится. Алексѣй, посланный въ монастырь до ясневел., повернулся зъ листомъ и молитвою приложенною, такожь зъ 6-ма бутылками вина, а водки 3-ма.

Вовтор. 28. Сегодня оставилемъ у жени жовтую скринку и 4 мешка, въ 1 (?), що Роману стар. мѣла вручить. Писалемъ писма до швагровъ, до отца Мойсея и жевѣ отдалемъ, такожь 10 пунктовъ въ наказѣ, наказъ Клину о Петру Михайлову и пожекг-навши жену. поехали на обѣдъ въ Камень, где и обѣдалемъ. На дорожѣ стрѣтилемъ Якова Жилоча, ¹⁾ ездившого по указу гетманскомъ отнимать отъ п. судиной енер. села Оксютинцѣ да Пустовойтовку. Пообѣдавши, пехали зъ Каменя и приехали позно въ нояъ до Казацкой, где и ночовалемъ.

Среда. 29. Сегодня рано вставши, приехали до Грузкой, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ приехали позно въ Смѣлое, тутъ и ночовалемъ. 3 молитви уписалемъ у тестаментъ.

Четвер. 30. Сегодня рано вставши, поехали и приехали на обѣдъ въ Роменъ, где ради тезоименитого обѣдали у родителки полковникъ Веревкинъ, подполковникъ Еропкинъ Александръ и протчѣ, тако жъ протопопъ зъ попами. Зъ Астраханѣ поехавшій Семепъ Бардакъ 8-го октовр., приехалъ сюда, въ Роменъ, а явился сегодня мнѣ и донеслъ, что виправилъ онъ людей моихъ Михаила Гавриленка зъ товарищи въ Дилианъ на море, на бусѣ Демидова отъ пуда по 11 р. нанявши, толко его десятая денга, о чомъ и Якубовичъ пишеть ко мнѣ.

Мѣсяць декабрь. Пятокъ. 1. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство. Получилемъ отъ род. зъ Глух. писмо о томъ, чтобъ обшукать мировой пона Миколевского, до которого отписалемъ, что оной у мене нѣтъ, а до жени ключикъ отъ табенетику послалемъ. Въжевскому на расходъ 10 р. далемъ, зъ всторихъ ему и Петру Кухтику велѣлѣмъ взять по 2 р., а Юску полтора руб., на дорогу. 2 мѣшки вложиломъ у скриню, где платте.

¹⁾ См. о немъ Ошч. Стар. Малороссіи, II, 132.

Субота. 2. Сегодня дадемъ Ілку Павлову Рожниченку 100 р. на покупку тютюну самого доброго, а отъ цуда поступилемъ ему по шагу, на що онъ и росписку мнѣ далъ за подписомъ своеручнимъ креста, а вмѣсто его Семенъ Бардакъ подписался; лѣчилъ отъ Семенъ и гроши съ Ілкомъ. Увидѣлемъ указъ государевъ септвр. 26-го состоявшійся, въ тайномъ верховномъ совѣтѣ, о томъ, что тютюць волно возить везде, только дать отъ цуда по 2 гривни, а если въ Сѣбирь или въ Астрахань, и зъ Астраханѣ за море посылать, то давать отъ цуда по тому жъ вдвое. Семенъ Бардакъ показалъ ресстръ, что розійшлося денегъ у его 90 р. зъ чимсь, для чого ему дадемъ 10 р. теперь, а коня въ 12 р., возъ у 1 р. и протч. зараховалъ себѣ. Обозний зъ гоццевскимъ асауломъ и хоружимъ сенецкимъ Корсуномъ приехали сюда, въ Роменъ, ревѣдовать скарбцѣ церковний и сотенний, а все въ той конецъ не можно ли сискать и тутъ чего противъ насъ.

Неделя. 3. Сегодня приехали Шимко и Желязо зъ Гданска, ходившии туда зъ волами родителскими и мойми, а мойхъ было 11, продани по полъ 17 талара тамошней монети. На мою прето потребу спорадили покупки, а именно: атласу кривавого, да напужекъ 24 локтѣ, по 7 тинфовъ, млинокъ, имбрикъ, чашокъ паръ 5 за 10 тинфовъ, цолотна швабского штуку за 23 талари, струнь римскихъ бунтовъ 3 за 13 тинфовъ, на цукоръ скринечку серебряную зъ 6 ложечками, ваги 2 гривни 3 лота и четвертка, гривна по 28 зол., гузѣвокъ сръбнихъ 18, ваги 3 лоти и четвертка, шпонки золотіи за 19 зол., а ваги въ нихъ червонихъ 2 и четвертка, галки мушкатной лоть 2 по 6 зол. бѣзъ шостака, цѣнному фунтъ—зол. 11, мастиксу фунтъ 2 по 4 зол., чаю фунтъ 2—по 12 зол., цукру камень. фунтъ по тимфу. Особливе нуздерко, а въ немъ 5 фляшокъ водокъ гданскихъ, а шестая разбилася. Зъ сихъ рѣчей взялиемъ зъ собою толко чай, лизгарикъ одинъ, направлений, старий. Приялемъ отъ родителей 100 р. копѣекъ, да чер. 150. Войтъ роменскій посылалъ подписака ратушного Скраловского до засулчанъ зъ тимъ, чтобъ они подписывались на томъ, же Засулле не било во владѣнни ни у кого и что Засулле не есть село, але предмѣсте роменское.

Хоружій Бутурлимиъ поехалъ въ Глуховъ, черезъ котораго посла-лемъ писма, одно п. полковника ахтир. къ родителю писанное, а другое мое до п. Михайла жъ писанное. Выехалемъ позно зъ города на Засулле, где и ночовалемъ зъ братомъ Маркомъ. Жена моя зъ Глухова выехала въ Чернѣговъ, до братовъ.

Понеделокъ. 4. Рано былъ у мене Иванъ Войтенченко, атаманъ роменскій, при Заруцкомъ старостѣ, и отобралъ отъ мене должнихъ грошей церковнихъ, по 2-хъ облѣгахъ, 130 р. и облѣги отдалъ мнѣ, якіе подралемъ. По службѣ Божой мало перекусивши, отеха-лемъ и приехали на ночь въ Коровинцѣ.

Вовтор. 5. Сегодня рано отдалъ я писма 2, одно до швакгра п. Андрѣя Полуботка, а другое до жени, въ якомъ приложилемъ и реестръ покупокъ гданскихъ, тако жъ и то, что 100 р. Якови Важниченкови на покупку тютюну далемъ и чтобъ она еще столько дала, когда за тіе купить оного. Поехалемъ зъ Коровинець рано и приехали послѣ полдня въ слободку Василевку швакгровъ моихъ, отстоящую въ 4-хъ миляхъ отъ Коровинець, где и обѣдалемъ. Романъ коня кучеравого на полѣ упустилъ, котораго шукать остался. По обѣдѣ поехали и приехали на ночь въ Михайловку, ¹⁾ большъ миле отстоящую, где и заночовалемъ въ дворцѣ.

Среда. 6. Сегодня тутъ же въ Михайловцѣ, въ день ст. Николая, службы Божой вислухавши, отобѣдалемъ. Писалемъ 2 писмъ одно, до п. Андрея швакгра, зъ поздоровленнемъ и подякованнемъ за угощеніе мнѣ тутъ показанное, а другое, до жени о томъ, что 100 р. Илку далемъ на покупку тютюну и чтобъ еще дать, если за тіе купить, да въ томъ же листѣ зсилаемся на прочіе листи мои, передъ симъ посланніе къ оной. Поехалемъ зъ Михайловки и приехали до мѣстечка Лебедина, отстоящего оттуду около 6 вер., а переехавши оное, поехали далѣй и приехали позно въ ночь до городка Олешнѣ, до полку ахтирского належного, якій городокъ отъ Лебедина отстоитъ въ троухъ миляхъ добрихъ, албо и большъ, где и ночовалемъ.

¹⁾ Въ лебедискомъ уѣздѣ, харьковск. губ. Село это принадлежало Полу-богкамъ.

Четвер. 7. Зъ Оленинѣ поехавши, приехали до слободки московской, прозываемой Чертовка, около 5 верстѣ отстоящей, а оттоль поехавши, приехали до Ворскла рѣчки и переехавши поузъ монастырь Ахтирскій, черезъ мостъ, приехали вечеромъ до Ахтирскіи мѣстечка, которое отъ слободки Чертовки на полтори милѣ отстоитъ, и стали въ первой, квартерою у судѣ Боярскаго, а оттоль переехали до подполковника двору, где и ночевали.

Пятокъ. 8. Сегодня тутъ же въ Ахтирцѣ продновали. Далѣмъ кучму (шалеу) себѣ пошити зъ чорнихъ смушковъ. Составляемъ разніи писма и чолобитную. ¹⁾

Субота. 9. Тутъ же и сей день въ Ахтирцѣ пробавили, а обѣдали зъ п. полковникомъ у Тимофея Боярскаго, сотника пол. ахтир., затимъ, что жена его была сегодня именинница. По обѣдѣ, уже вечеромъ, розійшовшись, ми зъ п. полков. ездили до селца его Злодѣвки, отвѣдовать синовъ его, туда отъ Ахтирки верстѣ у 5 воезанныхъ для оспы, и повернувшись, ужинали. Въ ночь, противъ неделѣ, ишовъ снѣгъ, хорошо покрылъ землю. Въжевскому далѣмъ на расходъ 10 р. и въ реестрѣ записали его.

Неделя. 10. Сегодня рано составленіе писма мои до родителей о повоженіи моемъ, до Нестеровички объ отобраніи привезенныхъ зъ Гданска покупокъ Шимкомъ да Желязою, и о порохованіи ихъ. До жени о висилцѣ вирави въ Москву зъ Алексѣемъ слугою и Федоромъ Сохацкимъ сварковскимъ, и что вложены рѣчи зъ баулчика въ меншую чорную скриню и обѣ запечатаніе въ склепу поставлены, и чтобъ прислала дипломъ, особливе до прежнего меморіалу, даннаго въ Тулиголовахъ, ей въ 10 пунктахъ; тутъ еще 13 пунктовъ приписано, итого всѣхъ 23 пункта, да приказъ тамъ же включенъ Забарѣ, войту свар., въ 7 пунктахъ, чего копія зде есть оставлена. До брата п. Семена о томъ, чтобъ такое писмо мое до жени писанное, отдать оной въ домъ. И таковіе писма вручили п. полковникови ахтирскому, для пересылки. Обѣдали со у п. полковника и съ нами многи зъ господъ тамошнихъ, где явился

¹⁾ По дѣлу удаленія отца отъ полковничества.

и Петро Чарнишъ, ¹⁾ вигнанный зъ женою своею отъ п. Михайла ²⁾ сумскаго. Получилемъ писма отъ п. полков., писанніе въ Москву, до князя Голѣцина и протчіхъ, такъ же и отъ шваггра его Андрея судіевича сумскаго. ³⁾ Виехалимъ зъ Ахтирки въ Москву путемъ предлежащимъ, а приехалимъ позно въ ночь до села Тростянца, владѣнія духовника о. Тимофѣя, ⁴⁾ якое село отъ Ахтирки въ разстояніи 24 версти, где въ дому духовниковомъ и заночовалемъ

Понеделокъ. 11. Сегодня тутъ же, въ Тростянцѣ, обѣдалемъ, а принимали мене сини духовничіе Максимъ и Алексѣй кривоногий. По обѣдѣ поѣхалемъ съ ними и уехавши верстъ зъ 13, приехалимъ до села Микитовки, где заехалимо до Данила Івановича Перекрестова ⁵⁾ и тутъ забавилисмо, а повечеравши, пожекгнадемъ всѣхъ и отехалимъ въ свой путь и приехалимъ, позно въ ночь, до мѣстечка полку ахтирскаго, называющагося Бурумле, где и ночовалемъ въ дворѣ Іосифа Гречанаго, куда отъ Микитовки верстъ зъ 10 будетъ.

Вовтор. 12. Пржеде помянутий Гречаний розказивалъ о повоженію багмутскомъ, что тамъ соль, зъ колодезей викопаннихъ нарочно, берется а варится на сковородахъ желѣзныхъ, якихъ сковородъ имѣется тамъ 200, а сковорода всякая на сутки нанимается разною ценою, для того, что неравніе суть въ своей величинѣ, однакъ саміе найменшіе нанимаются по 6 р., зъ якой выходитъ зъ 15 бочокъ обикновенныхъ соли. Протчіе же дорожею ценою, болшіе. На такую меншую сковороду дровъ идетъ въ сутки возовъ по 20, якіе дрова за конвоємъ всякъ рубаетъ по байракахъ, отколь за 3 днѣ назадъ ворочаются, а если готовіе покупать, то можно кушитъ возъ по полкопи. А хто хочеть государеву соль покупать, то купуютъ по гривнѣ пудъ. Соль найлутшая тая, яка уварится, а станетъ крупчатая. Заводи тіе суть государеви, где работниковъ

¹⁾ Кажется, это былъ племянникъ генер. судьи.

²⁾ Кондратьева.

³⁾ Т. е. сына судьи сумскаго полка.

⁴⁾ Надаржинскаго, духовника Петра-Великаго. См. „Молодикъ“ на 1844 г., стр. 249.

⁵⁾ Сынъ ахтирскаго полковника Ивана Перекрестова.

многo число и воловъ на нѣсколько тысячъ, для привозу дровъ. Полковъ тамъ регулярныхъ 3, а козаковъ въ Бахмутѣ живущихъ на 500 человекъ, надъ которыми есть ротмистръ устроенъ; надъ всѣми коменду содержитъ комендантъ. Для конвою въ слободскихъ полковъ посылаются козаки. Въ Бурумли два сотника и городъ собою чиналий. Въ Бурумли поехали, а уехавши верстъ 22, приехали до сотенного села полку сумского прозываемаго Самотаевка, где у бывшего тутейшого сотника и обѣдаемъ. Въ Самотаевки поехавши, уехали верстъ около 7 и приехавши до села Тимофѣевки, полкового, онымъ же селомъ ехали верстъ зъ 4 и въехавши въ другое село Осоевку, стали на ночлѣгъ въ дворцѣ Ивана Борзни.

Среда. 13. Сегодня рано поехавши зъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 5 и приехали до села Криничного, а оттоль верстъ зъ 3 до села Рибича, оттоль верстъ около 8, приехали до мѣстечка сотенного, полку сумского, прозываемаго Мирополле, где и обѣдаемъ; писали письмо до брата п. Андрѣя въ Суми, куда отсюда верстъ болше 20 будетъ, и послали черезъ Кондрата Марковича, осаулу полкового сумского, поехавшого въ Суми отсюда. Поехали оттуду по обѣдѣ и спознившись, заблудили въ лѣвий бокъ до селца московскаго Плѣхова, откуду знову повернувшись и недоехавши села, ночовали въ полѣ, а потомъ приехали въ село Борки, где все однопорци живутъ, кое село Борки отъ Мирополя въ 15 верст. отстоитъ, а тутъ черезъ Псіоль переправившись по греблѣ, имѣющей млина Михайла сумскаго и другихъ, стали на квартирѣ у Трохима Вовченка, козака, въ селцѣ чи слободцѣ прозываемой Вовковка, якая на версту толко рѣкою отъ Борокъ отстоитъ.

Четвер. 14. Сегодня, тутъ же, въ Вовковцѣ, и обѣдъ имѣлъ я, для коней вчера велми потомившихся, а по обѣдѣ поехавши, уехали зъ версту и приехали до села называемаго Уланокъ полкового, до сотнѣ суджанской належачого, где вчерашній миропольскій проводникъ ткачъ, свой секретъ, якій называетъ отчешномъ ткацкимъ, говорилъ не безъ великаго нашего принужденія (?). Оттоль уехавши верстъ зъ 4, приехали до деревенкѣ русской, прозываемой Конопелки, где и заночовалъ.

Пятокъ. 15. Сегодня рано поехалисѣмъ зъ Конопеліюкъ и за превеликимъ бездорожьемъ, толко увойшли 3 версти и стали на поchlъгъ, въ селѣ Пушкарной, где все однодворци живутъ.

Субота. 16. Сегодня тутъ же, въ Пушкарной, откушалемъ рано, а по обѣдѣ поехавши, приѣхали вечеромъ до села Салдацкой, отъ Пушкарной отстоящей въ 18 верстахъ, где и заночовалемъ; се послѣднее село до суджского уезду належачее, а далѣй слѣдующіе—до Курска належать.

Неделя. 17. Сегодня тамъ же въ Салдацкой откушалемъ. По обѣдѣ поехавши, уехали верстѣ 22 и приѣхалемъ надъ рѣчку, прозиваемую Ревуть, где черезъ мостъ перебравшись, зночовалемъ въ деревенцѣ, у правомъ боцѣ стоячей, помѣщиковъ курскихъ Овдѣевыхъ.

Понеделокъ. 18. После полночи вставши, поехалемъ и уехали верстѣ 29, и сталемъ въ селѣ Черничиномъ монастыра дѣвичого, на обѣдѣ, проминувши назадъ далеко села и деревнѣ Дяконово и проч. Отъ деревнѣ Дяковой ехалемъ все по узѣ рѣчку Сеймъ, которая намъ вѣдучимъ була у лѣвой рудѣ, и приѣхалемъ верстѣ у S, отъ обѣда, до перевозу, где черезъ помянутой Сеймъ перевозясь, приѣхалемъ въ Курскъ, отъ перевозу за 8 верстѣ отстоящій, и на предмѣстѣ сталемъ у купчина курского дому Никити Петрова Скорнякава. Городъ на косо-горѣ сидитъ, рѣка Сеймъ течетъ и на ней млини, а взялась она отсюду началомъ на 40 верстѣ, але подъ городомъ течетъ рѣка Тускаръ. Всѣхъ верстѣ отъ Ахтирки до Мирнополя 97, а отъ Мирнопол. до Курска 109, отъ Ахтирки же до Курска всѣхъ 206.

Вовтор. 19. Сегодня простоялисѣмъ тутъ въ Курску. Хозяинъ сказовалъ, что тутейшіе ящики подрадилисѣмъ табакъ везти до Казани отъ пари лошадей по 17 р., а табаку пудовъ 30 поднять могутъ пара лошадей; знову жъ до С. П. Бурху подражаются отсюда отъ пуда по полтинѣ.

Среда. 20. Сегодня емщиковъ уговорилемъ до Тули, отъ пари лошадей по 4 р., а потомъ другого емщика, прозиваемого Федора Масляникова, уговорилисѣмъ зъ хозяиномъ до Москви за 16 р., а задатокъ цервимъ данный, полтора рубля, пропалъ. Вѣжев-

скому на расходъ далемъ грошей 5 р. и записалемъ въ реестрѣ. Конвоямъ ахтирскимъ далемъ 20 а., Роману полтора руб., машталѣру и двомъ засулцямъ—по гривнѣ, и реестръ данъ Роману, що зъ нимъ отправлено, а именно: коней 8, шоръ пара зъ лѣбами и кантарами, хомутовъ 2 зо всемъ, поцунокъ 2. Составилемъ писма въ домъ, до род. обоихъ и до жени, до которой и реестрикъ приложенъ въ листѣ. Особливый листъ до п. пол. ахтирского, зъ подякованнемъ за конвоювъ.

Четвер. 21. Сегодня рано откушалемъ зъ хозяиномъ Скорняковимъ. Масляникову задатку далемъ 6 р. и поехали въ путь свой, а выехавши отъ города къ Ямской, остановились, что ось зломалась у будки моей, чего ради и захавши въ Ямскую, отстоящую отъ города въ 3 верстахъ, стали.

Пятокъ. 22. Сегодня рано поехалимо и уехавши версть 25, стали на обѣдъ въ деревнѣ монастыря Курского, прозиваемой Долгая, где рѣка течеть Тускаръ, которая и въ Курскомъ. По обѣдѣ поехали, уехали версть 26, приехали до села монастырскаго, прозиваемаго слобода Смородинная, где и ночовалемъ въ дворцѣ монастырскомъ; тутъ течеть рѣка Снова. Несторовичъ зъ Москвы поехалъ въ С. П. Бурхъ, на наемныхъ лошадахъ, зъ Московской Тверской слободы Ямской, ямщика Федора Стефанова Ушакова, зъ братомъ его Исаею Ивановимъ, а порука по немъ староста Кесарійской церкви Василій Борисовъ Швенингъ.

Субота. 23. Сегодня рано вставши, приехали въ деревню Поноровъ, за 10 версть отъ слободы, а отъ той деревнѣ знову проехали версть 12 и приехали въ деревню Очки, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ уехавши версть 20, проехали до деревнѣ Поліовой, где и заночовалисмо.

Неделя. 24. Сегодня зъ Полевой въ ночь поехали и уехавши версть 20, приехали до новопоселившейся на стѣну, прозиваемой Ржаномъ Полю, слободки, которой имя Розбіеговка, тутъ и обѣдали, со мною капраль новотроецкого полку. По обѣдѣ поехавши, уехали версть 36 и приехали ночью въ село Собакина называющееся.

Сюда едучи, немалую остановку имѣлисмо затимъ, що колеса ломались у возу.

Рождество Х-во. Понеделокъ. 25. Сегодня тутъ службы Болой въ селѣ Собакиной слухалемъ и обѣдалемъ зъ капрадомъ Новотроецкого полку Яковомъ Филиповимъ, спутникомъ моимъ, а по обѣдѣ поехавши, уехали версть 22 и пріехали до деревнѣ помѣщика Протасова, называемой Сичова, где и заночовалемъ.

Вовтор. 26. Рано вставши, поехали зъ деревнѣ Сичовой и уехавши версть 20, пріехали до города Мценска, где и стали у Ямской, въ ямщика квартирою, где и обѣдалисмо. Городъ Мценскъ сидитъ на той сторонѣ рѣки, Зуша называющейся, на горѣ, а по подь горою рѣка течеть; неподалеку города монастырь мужескій и другій женскій, належитъ до губерніи Бѣлагородской. Въжевскому на расходъ далемъ 10 р. и записалемъ въ реестръ. Отъ Курска Мценска версть 191. Поехавши со Мценска, уехали версть 21 и пріехали въ деревню Шкуратову, где и заночовалисмо.

Среда. 27. Сегодня рушили рано и уехали версть 18 до деревнѣ Малой Шкуратовой, где и обѣдалисмо. А по обѣдѣ уехавши 25 версть, пріехали до деревнѣ Плави, тутъ заночовалисмо. Помѣщикомъ Плави Павелъ Ивановичъ Ягушинскій; при селѣ рѣка по камѣнню бѣжитъ.—Плава именемъ.

Четверть. 28. Сеей ночи зъ Плави поехавши, уехали версть 20, пріехали до села Мало-Богородицкая, такъ отъ церкви каменной, недавно устроенной, названного; а отсюду свѣтомъ поехавши, тутъ же подь селомъ переехали рѣчку текучую именемъ Солову, и пріехали за 20 версть до села другого, названного Ясная Поляна, откуда тожь поехавши пріехали, у вечерномъ времени до города Тули, за 16 версть отъ Ясной отстоящего, и тутъ стали квартирою, переехавши мостомъ черезъ рѣку Упу, въ Ямской слободѣ и ночовали. Былъ у мене Иванъ Федор. Деревенскій, оружейный мастеръ, тако жъ и донецъ еденъ, отъ числа 100 человекъ, едучихъ на Москву за жалованнемъ по всегодному обикновенію. Городъ Тула сидитъ, зъ пріезду нашего, въ долини, многонароденъ, каменный, особливе городъ, подь которимъ течеть рѣка Уна, да ниже

мосту упадаетъ въ тую рѣку другая рѣка, быстро жъ текучая. Тулица называющаяся, отъ заводовъ желѣзныхъ Никити Демидова, на которой тамъ и плотина; тако жъ и тутъ ниже мосту на Уиѣ молниці. Отъ Мценска до Тули верстъ 120.

Пятокъ. 29. Сегодня, тутъ же въ Тулѣ обѣдалисмo зъ Деревенскимъ, а тутъ Курскіе емщики на свое мѣсто тулскихъ емщиковъ подъ мене сторговали, до Москви отъ пари лошадей по 60, а если дорога бываетъ, то по полтора рубля нанимають отъ пари, чего ради я денги доводившіеся тимъ емщикамъ отдать, и симъ задатку даль 2 р. По обѣдѣ, поехавши зъ Тули, уехалсмъ верстъ 30 и приехавши до села называющогося Вашана, тутъ и заночоваль. Рѣка Вашана тутъ течеть, где черезъ мостъ переехали.

Субота. 30. Отъ Вашани ранкомъ уехали верстъ 20 до деревнѣ Нарышкиныхъ называющейси Ведмина, где и желѣзнію ихъ заводи. Купно ехали со мною донскіе козаки, которыхъ числомъ 100 человекъ, а едутъ они до Москви, по всегодномъ обыкновенію, за жалованьемъ, где приѣддимъ всѣмъ радовимъ козакамъ дается жалованне по 50 р. козаку, да они жъ берутъ оттуду жалованне на всякого козака, сколько оныхъ на Дону есть, по 40 а. По обѣдѣ поехавши отъ деревнѣ Ведимины, приехали до села Лѣвниці называющогося, графа Головкина, за 30 верстъ отстоящего, откуду спустившись зъ гори, переехалемъ рѣку Оку и приехали въ Серпуховъ, за 5 верстъ отстоящій отъ Лѣвниці, тутъ и заночовалемъ. Серпуховъ городъ меншій отъ Тули, сидитъ на горѣ, переехавъ Оку. Монастирей 2 мужескихъ и 2 женскихъ.

Неделя. 31. Сегодня рано вставши приехали, до села Ланотного, за 25 верстъ отъ Серпухова, тутъ и обѣдали, а ночью блудили дорогою. Тутъ емщики наши тулскіе вмѣсто себе наняли другихъ емщиковъ ярославскихъ, по 30 а. отъ пари лошадей. Зъ села Ланотного поехавши, уехали верстъ 15 и приехали до села Молодѣ прозываемога, Головинныхъ владѣній, где и заночовали.

1728 годъ. Мѣсяць Януарій.

М-ць Януар. Понедѣлокъ. 1. Сегодня рано зъ села Молодѣ поехавши, уехали ночью 20 верстѣ и приѣхали до села Пахри, где черезъ рѣку Пахру текучую переехалисимо, а проехавши 20 верстѣ, стали въ деревнѣ, а оттоль поехали и приѣхали въ Москву, за 30 верстѣ отъ Пахрѣ отстоящую, и тутъ, недалече каменного мосту, у духовника государева, отца Тимофѣя Василювича (Надаржинскаго) на квартирѣ сталемъ, и ночовалемъ зъ Иосифомъ Василювичемъ, а капраль Филиповъ, ехавшій со мною, недалече разставшись, поехалъ во свой путь.

Вовтор. 2. Сегодня рано далемъ Вѣжевскому на расходъ 10 р. Былемъ на службѣ Божой у кремлѣ городѣ, въ соборѣ Благовѣщенскомъ, а оттоль приѣхали зъ духовникомъ въ домъ его, а мою квартиру, и обѣдали.

Среда. 3. Сегодня рано былъ у мене Ломиковскій, ¹⁾ которому далемъ 1 р. Ездилемъ въ городъ и видѣлемся зъ Дорошенкомъ, ²⁾ который былъ зъ Астраханѣ отъ товариства бунчукового присиланъ къ его величеству, и получилъ указъ до князя Долгорукова объ оупуску всѣхъ въ доми. Покорскій, ³⁾ бунчуковий товаришъ полку Стародубовскаго, сосланный въ силку въ Архангелскій городъ, повернулся указомъ монаршимъ въ Москву.

Четвер. 4. Сегодня рано ездилемъ до Новодѣвичого монастыря, где зъ тамошнимъ монастырскимъ соборнимъ попомъ Василюемъ, и Максимовичемъ и Антоновичемъ видѣлся, а зъ отцемъ Василюемъ ходилемъ въ монастырь и отдалемъ писмо отъ ясневел. ігуменія Олимпіядѣ Коховской. а государинѣ царици Евдокіи Федоровнѣ отдать не было часу угодного. По обѣдѣ ездилемъ до Петра Вас. Курбатова, которому и листи отъ род. и ясневелможной отдалемъ,

¹⁾ Сынъ генер. обознаго Иванъ Ива-чъ, зять гетмана Апостола, жившій въ это время въ Москвѣ, въ ссылкѣ.

²⁾ Василий Дорошенко, зять Мазепинаго дворянина Ив. Лисицы и основатель Конотоновской деревни Базиловки.

³⁾ Афанасій Покорскій—писарь Стародубскаго полка, былъ сосланъ за участіе въ Мазепиномъ дѣлѣ.

где было 30 р., а тамъ довольно съ нимъ и съ Сѣвѣняковъ Иваномъ Федоровимъ посидѣвши, отехалемъ въ свои.

Пятокъ. 5. Сегодня рано былъ у мене Алексѣй Михайловъ и заразъ отойшолъ, а я на службу Божую ездилемъ до Новодѣвичого монастыря, где и царицу государиню Евдокію Федоровну видѣлъ, а оттуду заездилемъ до Максимовича и пріехалемъ въ квартиру свою.

Богоявленіе. Субота 6. Сегодня службы Божой слухалемъ у Благовѣщенского собора у верху, а по службѣ зъ Максимовичемъ Иваномъ ¹⁾ ходилемъ надъ рѣку, где человекъ видѣли въ образѣ кози, чили на козѣ, такъ уробленной, ездившого.

Неделя. 7. Сегодня рано ездилемъ къ Новодѣвичому монастыру, где зъ п. Максимовичемъ у верху, въ церквѣ монастырской, наконецъ насцѣли и хочай приводили мене инокинѣ къ государинѣ царицѣ, однако жъ княгиня Анастасія Василіевна Троскурова, вийшовши уговорила, чтобъ мнѣ посла явиться и наединѣ поклонитись, чего ради и отехалемъ, а пріехалемъ до своей квартиры, где заставили Антона Гамалѣю, ²⁾ съ мимъ и съ отцемъ духовникомъ и Иосифомъ обѣдалемъ. По обѣдѣ, его, Гамалѣю, отвезши до квартири его, ездилемъ до Новодѣвичого и тамъ государинѣ царицѣ Евдокіи Федоровнѣ кланялся и листъ отъ ясневел. отдалъ, и отъ нея фінджаль водки доброй зъ рукъ ея жъ выпилъ, и довольно разговаривалъ про ясневел., и тако оттуду зойшовши до отца Василия, и мало позабавивши, прійшолъ до Максимовича, съ которымъ вмѣстѣ и ночовалемъ.

Понедѣлокъ. 8. Обѣдалемъ у отца Василия, по обѣдѣ заездилемъ до Горленка, отоль до Курбатова, где и позабавилемъ довольно и игралъ съ нимъ въ карти шнишь-шнапъ игру зовемую.

Вовтор. 9. Сегодня былемъ у графа Головкина и листи 2, одинъ отъ ясневел., а другій отъ род., отдалемъ, и обѣдалемъ у

¹⁾ Должно быть Иванъ Дмитръ-чъ М—чъ, сынъ сосланнаго въ Архангельскъ генер. есаула Дмитрія М-ча. См. Опис. Ст. Малор., I, 57, и II, 29.

²⁾ Бывшаго генер. есаула, сосланнаго по Мазепиному дѣлу. См. Русск. Арх. 1875 г. I, 444.

квартирѣ. У вечеру былъ у насъ ассессоръ иностранной коллегіи Михайло Да . . . (9)

Среда. 10. Сегодня рано ездилъ я до Артемія Петровича Волинского и листъ отъ род. отдалъ ему, а домъ его на Покровки, управо въ переулку, минувши Рогозинского дворъ. Обѣдалемъ виѣстѣ съ Іосифомъ Тимофѣевичемъ. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, и оттоль приѣхалемъ въ квартиру свою съ Мойсеемъ Ивановичемъ синожъ Арсеніевичемъ, переводчикомъ. Писалемъ писма въ Астрахань черезъ Дорошенка, мѣющаго завтра ехать туда, съ указомъ объ отпуску оттуду въ дома своя бунчуковаго товариства и другихъ козаковъ. А писалемъ до Якубовича съ нарѣканіемъ объ расточеніи денегъ моихъ съ его причины учиненной, о чемъ и до Худолѣя писалемъ, и листъ третій до Гаврила и Федора включилемъ написанный о томъ же, что они послушни были ему съ нареканіемъ, и чтобъ денегъ у Михайла Гавриленка не отбирали и судно бы продали, буде денги дадутъ тѣе за оное, якіе роздани, и такіе листы его Дорошенка служѣ отдалемъ.

Четвер. 11. Сегодня рано былъ я у Курбатова и писмо отъ графа Головкина до Наумова писанное о томъ, чтобъ надъ указъ трудностей не чинено родителю, получилъ. Ездилемъ до Новодѣвичого и съ отцемъ Васиіемъ былемъ у ігуменіи; инокинямъ двоимъ Юдиѣ и другой далемъ 2 р. Уговорили емщика, Кашина прозваніемъ, ехать въ Глуховъ за 4 р. съ полтиною. Ездилемъ по обѣдѣ въ домъ князя Димитрія Мих. Голѣцина, а потомъ въ домъ князя Мих. Мих., где дочь его Анна Михайловна приняла мене. У вечеру былъ у Шереметева и посидя, пріишоу въ мою квартиру. Ивану Максимовичу далемъ 5 р. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р.

Пятокъ. 12. Сегодня рано былъ у мене отецъ Васиіи съ Новодѣвичого и привезлъ писмо до ясневел. отъ ігуменіи. Выпривидемъ звощика Кашина въ Глуховъ и писалемъ черезъ него до ясневел. о моемъ прибытіи сюда, въ Москву, и что у государинѣ царцѣ былъ. Копіи листа государева до царицы и листа ясневел до ея жъ государинѣ писанныхъ, приложено, и чтобъ Кашину тамъ заплатить полтора ~~рубля~~ ~~за проездъ~~ одпривытіи и повоженію моемъ